

Л и т е р а т у р н а я А р м е н и я

Литературно-художественный
и общественно-политический
орган Союза писателей Армении

Մշակույթի գրողների միության
գրական-գեղարվեստական
և հասարակական-քաղաքական հանդես

Журнал основан в декабре 1958 года

Издается при содействии организации “Диалог”

№4 2025

В номере:

Проза, поэзия

- Генрик Эдоян.** Настоящее время. *Стихи. Перевод*
Г.Баренца 3
- Ашот Бегларян.** Призрак холодной стены. *Рассказ* 10
- Ивет Александер.** Девочка с гитарой. *Фрагменты*
романа 30
- Наталья Лайдинен.** Дорога мира и добра. *Стихи* 64
- Иван Александровский.** Короткие рассказы 70
- Нелли Шахназарян.** Процессия. *Монодрама* 86

Новые переводы

- Егише Чаренц.** Океана разбуженный дух. *Стихи.*
Перевод К.Шакаряна 97
- Корюн Оганян.** Два рассказа 102
- Заре Храхуни.** За дымом неизбежно будет пламя. *Стихи.*
Перевод Г.Баренца 107

Очерк, публицистика

- Сусанна Ованесян.** Между молотом и наковальней.
Ованес Туманян и Февральское восстание 1921 года 111
- Марина Вагаршян.** История одной фотографии 134

Поэт о поэте

- Левон Блбулян.** Долговечность песни 138
- Нина Габриэлян.** Из семейного альбома. *Мемуары* 146

Искусство

- Сохраняя солнечный свет над Арцахом.** *Беседа журналиста Андрея Баташева с заслуженным художником России Юрием Григоряном* 159

На вклейке и обложке: работы заслуженного художника России Юрия Григоряна

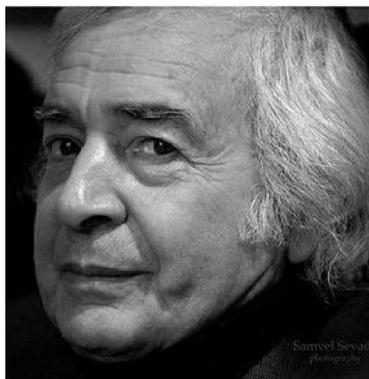
РЕДАКЦИЯ

Альберт Налбандян, *главный редактор*
Сергей Мурадян, *заместитель главного редактора*
Жанна Шахназарян, *отдел прозы*
Ирина Маркарян, *отдел очерка и публицистики*

ПОПЕЧИТЕЛЬСКИЙ СОВЕТ

Юрий Навоян (председатель), Александр Крикунов, Елена Шуваева

ГЕНРИК ЭДОЯН

Родился в 1940 г. Автор многих поэтических книг, а также литературоведческих и культурологических статей и исследований. Удостоен золотой медали “Лучший писатель года” (2002). Лауреат Президентской премии, Культурного союза Текеян и других. Стихи переведены на английский, французский, итальянский, польский, немецкий и другие языки.

НАСТОЯЩЕЕ ВРЕМЯ

Перевел Гурген Баренц

Пробуждение

Нашёл ещё один день.
Нашёл, но теперь не знаю,
где мне его хранить.

Иногда один твой день
больше всей твоей жизни,
иногда ты сам
больше своего дня,

иногда ты говоришь,
иногда вздыхаешь.
В своей жизни ты вовсе не тот же самый.
Хотя реки твоей жизни
текут в тех же берегах,
разные звёзды отражаются в них.
Кто подойдёт к тебе,
чтобы измерить широту
пройденного тобой пространства,
которое может быть
либо больше,
либо меньше,
в любви или в смерти,
не совпадающих
с выбранными тобой масштабами?

Ты не один

Не бойся, ты не один,
за твоей спиной стоит кто-то, кто знает,
что нужно, и знает путь,
по которому тебе следует идти.
Он видит тебя, направляет твои шаги,
стирает твои ошибки. Ты не один.
Жди. Кто-то для тебя
строит дом, чертежи которого
лежат на твоём столе,
хотя дом этот в другом месте,
на карте другого города.
И чем больше светлеет полдень,
чем прозрачнее он становится,
тем непроглядней становится ночь.

Но ты не один,
за твоей спиной стоит кто-то.

Из биографических данных

...и он решил однажды
взять у жизни
отпуск за свой счёт.

Твоё тело загорживает свет,
и я не могу его видеть.
Чтобы увидеть свет,
мне нужно обнять тебя.
Когда твоё тело медленно исчезает —
за его пределами
появляется свет.
Мои руки, обнимающие тебя,
озаряются светом.

Эпилог

Этому человеку хотелось говорить,
но когда он говорил – его речь
была совсем не тем, к чему он стремился,
была совершенно другой.
Ничего не получалось.
Он решил замолчать,
но его молчание было совсем не тем,
к чему он стремился.
Это было какое-то
совершенно другое молчание.
В отчаянии он махнул рукой.
И все его поняли.

Во сне я, в костюме и галстукe, отправлялся
в Буэнос-Айрес, но самолёт
уже поднялся в воздух без меня;
или я собирался в Сан-Франциско, в Африку,
Таити, на остров Бали,
но всегда фатально опаздывал,
всегда оставался на месте,
или самолёт выходил из строя,
или море пересыхало,
дороги переплетались, я сбивался с пути.
Мне нужно было уехать, но ничего не получалось.
Я просыпался в поту, озирался,
возвращался в повседневность;
у меня на локтях растерянно горели звёзды;
день убегал от меня, исчезал, растворялся
в воздухе. Мне не удавалось его догнать.
Я никогда его не догонял.
Я готов, я в костюме и галстукe,
но куда я теперь направляюсь? –
надо мной лишь луна, проплывающая над городом,
которая ничего не понимает.

Две жизни

Мы не приблизились вместе к той точке,
за которой должно находиться
Царство любви.
Нас удержал страх.
Сомнение прокралось в нашу поступь.
Огонь держал нас на расстоянии,
хотя его отсвет полыхал в наших телах.
Между нашими лицами горела ночь,
хотя вокруг нас было лето и солнце стояло в зените.

Мы в страхе отдёрнули руки,
с еще одним намерением жить,
в котором, увы,
наше существование стало
всего лишь смутным предчувствием.
Наша жизнь – это две биографии,
написанные на разных страницах
одной и той бумаги.
Как далека та точка, к которой мы не приблизились,
чей мощный отблеск теперь достигает нас
с расстояния десятилетий,
хотя она уже давно погасла
и стала мёртвой звёздной пылью.
Я отдал тебе часть своей жизни
и теперь пытаюсь найти местечко,
где я мог бы сидеть и смотреть
на надвигающиеся закаты,
которые кажутся холодными,
но приближаются с дрожью, с надеждой.
На мои плечи садятся новые голуби.
Я слышу звон давно минувших дней.

Песнь любви

Она была рядом со мной,
опиралась на моё плечо,
хотя у меня самого не было опоры.
Я едва держался на ногах.

Август

Солнце снимает с моих плеч усталость –
я не могу здесь остаться, потому что

лето говорит: «Собирай свои вещи,
пойдём отсюда, мы уже опаздываем».
Это моё время,
настоящее время –
совершить то, что должно было совершиться,
и сказать то, что должно было быть сказано.
Время объяснений,
время спасения,
время взмыть на мощных крыльях любви –
время жить,
и наконец, это время
моей совершившейся жизни,
в венце созвездия Девы.

Два сна

Плющ твоей жизни клонится вниз,
касается земли – там,
где однажды тебе довелось пройти.
В серебристой пене времени
не ищи больше никакого отражения.
Тишина – вот единственный звук,
который ты можешь услышать в этот час.
Ты ещё не заснула,
а я уже сплю;
я шагаю в ночи без рассвета
в ожидании твоего пробуждения.
Но какая разница
между сном и явью,
если мы видим один и тот же сон,
ты – меня наяву,
я – тебя в своём сне.
Медленно возвышающийся между нами мир
хранит образы

нашего воображаемого путешествия.
Запретные места,
найденная и вновь потерянная истина,
это обломки двух судеб,
разделённых, но идущих рядом.

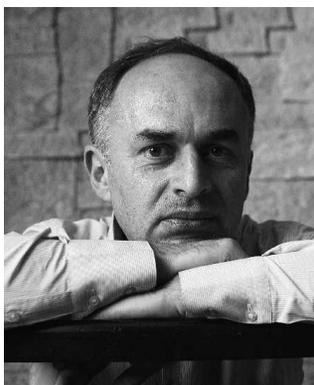
Бесконечность

Мы не спали,
не хотелось спать;
перед нашими глазами
плыла ночь
в облике Адама;
затем показалось женское тело,
которое обвивало вокруг нас
свою наготу;
но мы не спали,
не хотелось спать
ни до заката,
ни после него.

Жизнь печальна

«Жизнь печальна», – подумал Гектор
у ворот, перед
боевой колесницей Ахилла.
«Жизнь печальна», –
повторили некоторые столетия.
«Жизнь печальна», – сказал Дон Жуан,
выходя из комнаты возлюбленной.
«Жизнь печальна», –
какой-то художник
рисовал голубя.

АШОТ БЕГЛАРЯН

Родился в 1968 г. Сын известного поэта Эрнеста Бегларяна. Окончил факультет русского языка и литературы ЕГУ. Печатается с 19 лет. В разные годы работал корреспондентом армянских, российских, многих иностранных информагенств, журналов и газет. Заслуженный журналист НКР. Участвовал в обороне Арцаха, был тяжело ранен. Автор 13 книг, изданных в разных странах.

ПРИЗРАК ХОЛОДНОЙ СТЕНЫ

«Конечно, и в древности брали крепости измором. Но римляне в эпоху гражданской доблести стыдились таких побед... Война войной, а голод – скверное, недостойное оружие...» – в голове у Геворга всплыла цитата одного из современных писателей¹, который, будучи иной национальности и находясь далеко от места событий, воспринимал происходящее в горном армянском краю близко к сердцу – как, впрочем, и подобает настоящему интеллигенту, для которого не бывает чужой боли, тем более если она касается детей, многих детей, одновременно десятков тысяч детей...

¹ Высказывание поэта, переводчика, литературоведа Михаила Синельникова относительно блокировки Лачинского (Бердзорского – историческое армянское название) коридора со стороны Азербайджана.

«А на дворе, заметьте, двадцать первый век!» – В последнее время у Геворга появилась привычка разговаривать с разными невидимыми собеседниками. Он как бы дополнил мысль неравнодушного писателя: «Для любого современного человека условия, в которых живут люди на этой крохотной точке земного шара, покажутся неестественными и дикими. Надо же! Взять и отрезать напрочь от остального мира и превратить зелёный, цветущий край даже не в серую зону, а в чёрную дыру, где можно безнаказанно совершать неопишуемые преступления, которые когда-либо видела человеческая цивилизация. После войны², унесшей и словившей всего пару лет назад столько жизней, блокирование единственной дороги³ во внешний мир – это новое извращение, задуманное нашим врагом. Лишить человека самого элементарного: света, тепла, воды и куска хлеба!.. С какой стати и по какому праву?!»

Общаться с незримыми визави Геворг стал с тех пор, как был вынужден жить бирюком, отвыкнув от постоянного живого общения. Ещё в ноябре прошлого года жена выехала в сопровождении дочери на плановое лечение. Через неделю-две они должны были вернуться домой, но им пришлось надолго остаться в чужом городе: единственную дорогу обратно, казалось бы надёжно защищаемую миротворцами, неожиданно закрыли. Так Геворг оказался один в четырёх стенах, холодных и тёмных, неким отшельником и не заметил, как стал общаться с призраками. С сосе-

² Война 2020 г. – развязанная Азербайджаном и Турцией широкомасштабная вооружённая агрессия против Нагорного Карабаха с вовлечением тысяч наёмников. С армянской стороны погибло около пяти тысяч человек.

³ С 12 декабря 2022 г. по конец сентября 2023 г. Лачинский коридор – единственная связывавшая Нагорный Карабах с Арменией дорога, которая, согласно трёхстороннему заявлению от 9 ноября 2020 г., положившему конец 44-дневной войне, должна была находиться под контролем российского миротворческого контингента и использоваться свободно и беспрепятственно, была заблокирована со стороны Азербайджана. Тем самым 120-тысячное население Арцаха, в том числе 30 тысяч детей, оказалось полностью отрезанным от внешнего мира. После почти десятимесячной блокады азербайджанские власти под видом локальной антитеррористической операции организовали широкомасштабное наступление на НКР, в результате чего население республики было вынуждено покинуть свои дома и многовековую родину.

дями же и знакомыми он лишь перекидывался парой слов в очереди за хлебом или на церемонии похорон, которые стали почти обыденным, ежедневным явлением. Впрочем, время от времени его навещал сосед с третьего этажа, тоже неволью разлучённый со своей семьей из-за блокады. В первое время тот непременно приносил с собой что-то: щепотку чая или кофе, пару кусочков сахара. Но с каждым новым днём блокады всё становилось дефицитом, и вскоре взамен продуктов сосед стал приносить «горячие», обычно дурные новости.

Так на прошлой неделе он рассказал о гибели двух маленьких детей, брата и сестры, в возрасте трёх и шести лет. Трагедия была связана с тем же голодом, пусть и косвенно. Мать, оставив детей спящими дома, пешком отправилась в райцентр в поисках еды для них. Но за время её отсутствия дети проснулись и, не застав мать дома, тоже направились в июльскую жару в сторону города, дошли до его окрестностей ближе к сумеркам, открыли заднюю незапертую дверь припаркованного на дороге автомобиля, забрались в него и заснули там. Утром их нашли мёртвыми. Пока следователи предполагали, что истощённый детский организм не выдержал удушья и высокой температуры в салоне машины, сосед утверждал, что на территории республики орудуют диверсанты, которые и могли задушить детей⁴...

Хотя Геворг по природе был достаточно общительным, но с начала блокады он старался меньше слушать знакомых, да и не совсем знакомых ему людей, потому что каждый, казалось, считал себя самым информированным и умным, делился, таинственно понизив голос (видимо, желая тем самым придать своим словам особую значимость и секретность), «эксклюзивной», известной только ему одному информацией и делал самоуверенные выводы и прогнозы: либо крайне мрачные, либо, наоборот, чересчур оптимистичные и нереалистичные. И было непонятно, по незнанию и неопытности он это делает или же специально, чтобы посеять в людях страх и панику, дезориентировать, дать ложную надежду и усыпить бдительность.

⁴ Реальный факт, случившийся в одном из сел Арцаха.

В народе ходили слухи о шпионах и агентах, завербованных врагом. Несколько таких уже разоблачили и отправили за решётку. Среди них оказался близко знакомый Геворгу бывший комсомольский активист, которого вряд ли кто-либо заподозрил бы в предательстве. Но факты говорили сами за себя...

А не далее как вчера на панихиде по погибшему в ходе пограничного инцидента военнослужащему двое молодых людей говорили вполголоса, но достаточно отчётливо о строительстве большой тюрьмы в ближайшем поселении⁵ по ту сторону линии соприкосновения войск. Она якобы предназначалась для всех армянских мужчин, вне зависимости от возраста и рода деятельности, которых власти противной стороны причисляли к преступникам, убийцам и террористам. Называлось даже конкретное число потенциальных узников – тридцать тысяч человек.

«Значит, этим нечестивцам показалось мало “общего режима” для всех. Они, оказывается, ещё и концлагерь в концлагере для нас строят, подобие карцера», – молча возмущался Геворг, стараясь ничем, ни мимикой, ни жестом, не выдавать себя.

Словно в подтверждение тревожных слухов о концлагере, через пару дней осаждённую республику облетела весть о том, что при перевозке пожилого мужчины на машине Международного комитета Красного Креста в Армению для оказания неотложной медицинской помощи он был задержан на незаконном азербайджанском КПП в конце Лачинского коридора⁶. Подробности инцидента шокировали: сотрудника МККК азербайджанцы вытолкнули из машины, а молодой женщине, сопровождавшей отца и попытавшейся предотвратить похищение больного родителя, угрозили применением силы. Задержанного увезли в неизвестном

⁵ В пограничном поселении Агдам (Акна) бакинский режим готовил для арцахцев своеобразный концлагерь, куда собирался заключить всё взрослое мужское население НКР. Об этом в январе 2024 г. писало американское издание *New Lines Magazine* (<https://www.aysor.am/ru/news/2024/01/12/New-Lines-Magazine/2210882>).

⁶ Этот инцидент случился 29 июля 2023 г. 68-летний гражданин Республики Арцах Вагиф Хачатрян был задержан и арестован на мосту Хакари в конце Лачинского коридора. Бакинский военный суд приговорил его к 15-и годам лишения свободы по сфабрикованному против него уголовному делу

направлении. Позже по официальным каналам сообщили, что власти соседней республики предъявили плененному мужчине обвинение, ни много ни мало, в совершении геноцида в начале 90-х годов...

Геворг лежал в постели в своей квартире на первом этаже, невольно разглядывая узоры на стене напротив окна. Собственно говоря, это были вовсе не узоры – на стене, отсыревшей ввиду нестабильного отопления из-за отсутствия газа и перебоев с электричеством, местами осыпалась штукатурка, образовались трещины и вздутия, появилась плесень, и в тусклом свете восходящего за окном полумесяца пятна превращались в причудливых зверушек, в человеческие лица и фигуры. Геворг смотрел на случайные рисунки на стене и поражался, какими цельными и завершёнными образами они порой воспринимаются им, словно были изображены рукой настоящего мастера-художника, а не являлись плодом воображения и зрительной иллюзией, игрой теней.

Однако общение с несуществующими персонажами лишь углубляло сосущее чувство одиночества. Сегодня было особенно тоскливо на душе, и неприглядный вид холодной стены лишь усиливал чувство печали и разлуки. Слухи о строящемся всего в нескольких километрах концлагере и наглое похищение его соотечественника из рук сотрудников Красного Креста прямо под носом у миротворцев подействовали на Геворга крайне угнетающе. Он, взрослый мужчина, прошедший три войны, чувствовал себя беззащитным, как маленький ребёнок. Геворг не мог сомкнуть глаз.

«Холод, мрак, сырость, безмолвие – не это ли репетиция к смерти?» – подумал он. Вдруг у него появилось ощущение присутствия невидимого существа в доме. В какой-то момент в отражении мертвенного лунного света на стене напротив ему примерещилось чьё-то хищное лицо – не звериная морда, а именно злое, оскалившееся человеческое лицо. Оно не исчезало, а с восхождением полумесяца, наоборот, становилось всё более отчётливым, суровым и злым. Казалось, призрак вот-вот оторвётся от стены и набросится на него, как свирепый хищник... Геворг невольно содрогнулся всем телом, им овладело реальное чувство страха...

Обычная электрическая лампа или свет свечи, озарив комнату, вмиг изгнали бы всех злых духов и привидений, рассеяли бы все галлюцинации и кошмары. Однако электричество отключили час назад согласно «веерному графику», и ожидалось оно только через три часа, а свечи в доме кончились ещё на прошлой неделе, и в целом по городу их днём с огнём было не сыскать. Тем временем чувство ужаса, как свет разогревающейся лампы накаливания, с каждой секундой становилось всё более интенсивным, ощущение жара и тревоги последовательно нарастало. Геворг инстинктивно уткнулся лицом в подушку и не понял, как отключился – не то заснул, не то потерял сознание...

Проснулся непривычно поздно для себя – к одиннадцати утра, но с чётким осознанием, что для того, чтобы не заболеть, не сойти с ума от чувства безысходности и неотвратимо приближающейся опасности, ему необходимо абстрагироваться от токсичной действительности и уйти в нечто такое, что поглотило бы его с головой и не дало эмоционально выгореть до прихода реальной опасности, в надежде, что к тому времени что-то изменится и можно будет как-то подготовиться к угрозе. Впрочем, он инстинктивно понимал, что трудно ожидать чего-либо адекватного и обнадеживающего от находившихся уже восьмой месяц в осаде голодных, измождённых, психологически надломленных людей, пусть и формально наделённых властью. Да и надежда на помощь извне, со стороны так называемого международного сообщества, постепенно угасала...

Геворг вдруг вспомнил про книгу, которую подарили ему на пятидесятилетие коллеги, и искренне удивился, почему спохватился её только сейчас. Будучи инженером-проектировщиком, он, к немалому удивлению коллег, серьёзно увлекался художественной литературой, много читал, был разносторонне эрудирован. За глаза товарищи называли его философом – за рассудительность и широкий кругозор. Правда, в последнее время чтение даже газетной заметки Геворгу давалось с трудом – после пережитой тяжёлой контузии стоило немного напрячься, как появлялись головные боли, да и концентрироваться было нелегко. Но сейчас Ге-

ворг решил непременно дочитать эту книгу до конца, пусть и по несколько страниц в день.

Книга была подарена между двумя войнами⁷, но тогда всё ещё приходившие в себя от одной беды люди не подозревали о второй уже надвигающейся напасти. Вручая книгу «Опыты» Мишеля Монтеня⁸, издание в красивом переплёте, пожилой старший инженер загадочно произнёс: «Мне кажется, это как раз для тебя. Читай на здоровье!» Коллега не стал объяснять Геворгу, почему эта книга именно для него, однако по его уважительному тону можно было догадаться, что речь о сложности и глубокомысленности написанного в ней.

Геворг тогда лишь перелистал книгу и, как ребёнок, оставляющий самую вкусную конфету напоследок, отложил чтение до отпуска. Однако отпуска как такового не было. Время было тяжёлое и ответственное: маленькая, изрядно потрепанная короткой, но разрушительной войной республика всеми силами пыталась восстановиться, и каждый специалист был на счету.

Потом началась новая война⁹, более жестокая и кровавая. Не война, а настоящая бойня. А называлась она, наверное в силу её изощрённости, войной нового поколения, словно в издёвку над представителями среднего и старшего поколения – мол, вам тут уже нечего делать, не вашего ума дело. Но, несмотря на достаточно почтенный возраст, Геворг добровольцем отправился на фронт и уже на третий день получил тяжёлую контузию от взрыва разорвавшегося неподалеку дрона-камикадзе – впервые за всю историю местных войн дроны массово применялись противником.

Геворг долго восстанавливался после контузии, постоянные головные боли не давали ему сосредоточиться на чтении, как и на любой другой более или менее серьёзной умственной работе. А Монтень требовал весьма вдумчивого отношения к себе.

⁷ 4-дневная война 2016 года и 44-дневная война 2020 г.

⁸ Мишель Монтень – французский писатель и философ эпохи Возрождения.

⁹ 44-дневная война – крупномасштабная вооружённая агрессия Азербайджана против Нагорного Карабаха в сентябре-ноябре 2020 г., самая кровопролитная и разрушительная со времени окончания первой карабахской войны в 1994 г.

И вот сегодня Геворг решил, что откладывать больше нельзя. Он достал с верхней полки большого книжного шкафа «Опыты» и – надо же! – раскрыв книгу на случайной странице, наткнулся на слова автора об... осаде. Именно об осаде! Естественно, не о той, в которой уже восьмой месяц находился Геворг вместе со своими соотечественниками. Но какими же сегодня актуальными оказались эти размышления! Книга, написанная почти пять веков назад, казалось, содержала размышления о сегодняшнем дне. Геворг лёг на диван и уткнулся в неё. Чтение поглотило его с головой.

Современному человеку порой кажется, что события, произошедшие в далёком прошлом, были немного неестественными, необычными и даже исключительными. Однако происшествия, описываемые Монтенем, словно происходили на соседней улице, были до боли знакомы, прозаичны и однообразны.

«Не зря говорят, что история имеет свойство повторяться», – сделал свой первый вывод из «Опытов» Геворг.

Затем он подумал, что между людьми, жившими сто, двести, пятьсот и, наверное, даже тысячи лет назад, и его современниками так много общего, потому что сущность самой жизни в физиологическом смысле не изменилась, как и суть лишений, страданий и боли. Сегодня же, когда враг взял людей в долгую осаду и лишил их не только современных удобств цивилизации – благ, обеспечивающих мало-мальски комфортную жизнь, но и самого насущного – элементарно хлеба и воды, у человека оголились инстинкты, он вернулся к себе первозданному, натуральному и, возможно, более сильному.

«Разве изменилось ощущение голода у человека? Разве человеческий организм перестал реагировать на холод ознобом и дрожью? Разве страх перестал быть естественным защитным механизмом для человека перед лицом угрозы? Разве изменились базовые инстинкты человека? Быть может, несколько изменилось, скорее косметически, их восприятие человеком, да и то на индивидуальном уровне, исходя из его мировосприятия и личного воспитания, несколько адаптировалось к современным нормам поведения. Не более того...» – полемизировал сам с собой Геворг. В

какой-то момент даже подумал, что, обладая он врождённым даром писать, непременно издал бы свои «Опыты».

Геворг с увлечением сравнивал далёкое прошлое с настоящим, стараясь разумом найти что-то поучительное в развязке исторических событий и в комментариях автора, в то время как неосознанно, на уровне инстинкта, искал нечто обнадёживающее в них, пытаясь предугадать по ним будущее – словно события полутысячелетней давности имели некую магическую связь с днём сегодняшним и могли оказать какое-то воздействие на разворачивающиеся события.

Особенно ему было интересно сопоставлять описываемые Монтенем личные качества и черты характера своих персонажей со свойствами и особенностями современников – конкретных реальных людей конца XX – начала XXI века.

Автор писал о стойкости: «Что до стойкости, то мы нуждаемся в ней, чтобы терпеливо сносить невзгоды, с которыми нет средств бороться...» Философ рассматривал осаду как испытание для человека, выявляющее его истинные качества и стойкость духа. По Монтеню, осада – это не только физическое, но и духовное испытание – возможность для самопознания и проверки своих убеждений. Он уверял, что истинная стойкость заключается не в отсутствии страха, а в способности сохранять ясность ума и не терять себя перед лицом опасности. Философ не призывал к демонстрации мужества, но к осознанному выбору поведения в критической ситуации.

Как человек мудрый (слово «мудрый» не единожды невольно приходило на ум Геворгу, когда он читал очередной глубокомысленный вывод писателя-философа), автор не идеализировал мужество, а, напротив, признавал, что внешние обстоятельства и страсти могут оказывать существенное влияние на поведение даже самого стойкого и отважного человека, оказавшегося в чрезвычайной ситуации. Подчеркивая важность сохранения разума и самообладания перед лицом опасности, Монтень при этом не отрицал естественной человеческой реакции на страх и боль. Оттого его образы казались живыми – из той же плоти и крови, что и современники Геворга.

Необычайная естественность объяснялась, пожалуй, прежде всего тем, что Монтень рассматривал людей в правильном ракурсе – сквозь призму двойственности человеческой природы. Не веря в абсолютное бесстрашие и непоколебимость, он демонстрировал на примерах, что даже герои могут испытывать чувство элементарного страха. Вместе с тем писатель считал, что важно, как люди справляются со своими страстями и сохраняют внутреннее равновесие, не теряют своё лицо... Тут Геворг невольно вспомнил Арсена и эпизод из первой карабахской войны¹⁰, в которой он сам участвовал добровольцем будучи ещё студентом, имевшим право на отсрочку от призыва.

Морозной зимней ночью противник крупными силами неожиданно напал на небольшой пост ополченцев. Бой был жаркий, но неравный и короткий. Смертельно раненный командир успел лишь крикнуть: «Ребята, спасайтесь!»

Вместе с несколькими уцелевшими товарищами Арсену удалось прорваться к старой БМП, замаскированной неподалёку в винограднике. Однако, отъехав всего пару сотен метров, боевая машина напоролась на противотанковую мину. Чудовищной силы взрыв подбросил БМП в воздух. Бойцов спасло то, что люки машины были открыты, в противном случае от удара и давления внутри экипаж просто размазало бы по стенам этого железного гроба.

Придя в себя, Арсен с ужасом осознал безвыходность собственного положения: перевернувшись в воздухе, железная машина, упав, задавила всей своей тяжестью кисть хрупкой человеческой руки. Коварнее ловушки смерть придумать не могла, но страшнее смерти представлялся плен – неподалёку слышались голоса вражеских солдат.

Боец догадывался, что той части руки, которая осталась под БМП, уже нет, он даже не чувствовал её: боль начиналась только с предплечья, моментально затёкшего. Рядом, постанывая от пе-

¹⁰ Война, развязанная Азербайджаном против Нагорного Карабаха 1991-1994 гг. Завершилась победой армянской стороны, несмотря на значительное превосходство противника в живой силе и технике.

реломов и ушибов, вразброс лежали товарищи. Все пока находились в шоке, и каждый был занят лишь своей болью, собственной бедой: кто-то ругался, проклиная случай, другой в полубезытье звал на помощь, третий молчал, и было не ясно, жив он или нет...

Арсен осторожно потянул придавленную руку на себя – боль током пробежала по предплечью к шее. «Другого выхода нет, надо решиться!» – наконец признался он самому себе, принимая неизбежность того, что в первую минуту подсознательно отогнал с ужасом.

Боец достал штык-нож, ещё раз приказав себе быть решительным. Поманив одного из товарищей, находившегося поближе и, видимо, отделавшегося лишь лёгкой контузией, он протянул ему нож. Просьба Арсена заставила того невольно отшатнуться.

Стиснув зубы, он сам стал резать собственную плоть. Инстинкт самосохранения полностью поглотил его, вынудив ради спасения целого не раздумывая пожертвовать частью. Бойцу даже не было жаль собственной кисти, он лишь досадовал на неё, когда связка сухожилий не хотела поддаваться грубому ножу, упорно выскальзывая из-под тупого лезвия. И не сразу он поймал себя на мысли, что почти не чувствует боли. По-видимому, непосредственная смертельная опасность, огромная внешняя и внутренняя напряжённость, служба своеобразным наркозом, заглушили даже такое сильное чувство, свойственное всякому живому организму.

Перерубить кость сил не хватило – сделать это помогли осмелевшие наконец товарищи, накрепко перевязавшие свежую культю солдатским ремнём.

До госпиталя Арсен добирался сам, всю дорогу внушая себе: «Не упаду!...»

Перед мысленным взором Геворга калейдоскопом промелькнули другие удивительные образы – примеры невообразимого, казалось бы нечеловеческого, самообладания перед самой смертью. Вот ни на минуту не выпускавший из рук пулемёта и даже отдыхавший с ним в обнимку в сырых окопах Аркадий – гроза вражеской пехоты. Пуля прошла ему живот, он держал руку на

кровавой ране и... улыбался. Между пальцев текла багровая кровь, а он так и умер несломленным и непобеждённым, с улыбкой на лице... Примерно о том же писал Монтень, размышляя о стойкости духа в момент смерти: «Тот, кто пред лицом грозящей ему смерти не утрачивает способности владеть собой, тот, кто, испуская последнее дыхание, смотрит на своего врага твердым и презрительным взглядом, – тот сражен, но не побежден...»

Геворг вспомнил и Юру, фаготчика. Перед тем как навсегда покинуть ребят, он успел подбить три вражеских танка и две БМП. Умирая же, он просил товарищей не о помощи, а о прощении – за то, что покидает их в минуту смертельной опасности... Борик же в агонии просил прощения у своей мамы – он был единственной опорой пожилой родительницы...

«Всё это я видел собственными глазами. Но поверили бы мне поколения, если, обладай я талантом писателя, изложил правдиво и точно все события, имевшие место в действительности? Не обвинили бы меня в притворстве и сочинительстве, идеализировании своих героев? Тем более что людей нынешних принято считать изнеженными и слабыми. Но ведь это реальная история, когда боец со вспоротым миномётным осколком, словно скальпелем, животом совершенно невозмутимо разговаривал с товарищами, которые в полуобморочном состоянии, подавляя рвоту, вправляли ему внутренности? Можно ли спокойно описывать всё это, да и какой читатель поверит твоему чудовищному рассказу?..»

Геворг закрыл книгу и углубился в собственные мысли: «А внешне они вовсе не казались героями. Наоборот, малорослые, с самыми обычными лицами, даже неприметные или просто невзрачные. Но банальная внешность порой скрывала настоящую героическую сущность. И наоборот...»

Тут перед глазами Геворга встал дородный мужчина лет тридцати в больничной одежде, с благородным лицом интеллигента. Из-за нехватки мест в больнице его, страдавшего почечными коликами и не имевшего никакого отношения к войне, положили на пару дней в одну палату с ранеными бойцами. К немалому удив-

лению последних, этот рослый мужчина патологически боялся боли, за что его невзлюбили даже врачи и медсёстры. Не стесняясь лежащих на соседних койках раненых, он, словно ребёнок, вечно стонал, ныл и брюзжал, упрекая врачей в том, что они якобы оказывают ему мало внимания. Наряду с этим страх пронизывал все фибры его души, когда появлялась медсестра со шприцем, чтобы впрыснуть ему болеутоляющее. Дитина становился бледным как полотно, глаза выпучивались от ужаса, его всего трясло... Всё это выглядело весьма карикатурно, походило на фарс и изрядно веселило раненых. «Надо же, снаружи – лев, а сердце заячье!» – не выдержал один из них.

Чтобы попытаться понять этого малодушного здоровяка, Геворг разговорился с ним. Тот утверждал, видимо стараясь оправдать себя, что героев как таковых в природе не существует, а есть люди трусливые и более трусливые, которые кажутся на фоне первых героями, ибо вдобавок ко всему боятся ещё и своей собственной трусости, стесняются её и всячески стараются скрыть свой страх... Слушая этого странного типа, патологически боявшегося боли, Геворг вдруг явственно ощутил, как страх, словно червь, постепенно разъедает того изнутри, оставляя лишь пустую, хрупкую оболочку...

Монтень утверждал, что, страшась смерти, мы думаем прежде всего о боли, её обычной предшественнице. Исходя из собственного опыта участия в боевых действиях и утверждений философа, Геворг заключил, что, пожалуй, из всех разновидностей страха человеком чаще всего овладевает страх боли: «Боль и угроза боли сопровождают человека всю жизнь. Боль старается всячески унижить человеческое существо, подчеркнуть зависимость от себя. Она пробует превратить человека в труса и подхалима. Но однажды существо, обладающее даром мышления и речи, должно собраться с силами, преодолеть боль и, став выше неё, с гордостью осознать себя Человеком, доказать, что не страх является регулятором поступков и действий, а Дух, который зреет и крепнет вместе со становлением человеческой личности...»

Геворг видел собственными глазами, как люди умирали на войне не только от смертельных ран, от боли и болевого шока, но и от ожидания смерти, быть может ложного, от элементарного страха, чаще всего страха боли, непреодолимой боли. Умирая же, они по-разному относились к причинённой им боли, нередко диаметрально противоположно реагировали на примерно равную по силе боль...

В любом случае война и смерть, причиняя человеку огромную боль, брали что-то своё – если не саму жизнь, то частичку тела или души. Но далеко не всегда, покалечив человека физически, война была в состоянии сломить его дух. Геворг поражался, как колясочники с парализованными, хилыми, иссохшими ногами, инвалиды с пластмассой вместо черепа, бойцы без кистей и ступней умудрялись всегда быть деловыми и бодрыми, во всяком случае на людях: шутили, веселились, танцевали, сочетались браком и производили на свет детей, втайне надеясь, что те будут жить не так, как они, гораздо лучше...

Но были и такие, кто больше смерти, во всяком случае на словах, боялся стать калекой. «Лучше быть убитым сразу, одним ударом, не поняв, что произошло, чем выжить и мучиться всю жизнь», – не раз твердил один из боевых товарищей и в итоге накликал на себя беду. Именно так он и погиб – от прямого попадания в окоп миномётного снаряда. Наверное, и не успел сполна почувствовать боль, осознать, что произошло. А ведь мгновенная смерть для человека в каком-то смысле оскорбительна: не успеваешь произнести слово прощания или услышать «напутствие» перед отправкой в вечность. Подумав об этом, Геворг словно сделал для себя открытие: как-то тихо, незаметно ушли друзья-товарищи, не попрощавшись, словно и не жили на этом свете никогда. Он был ошеломлён: «Неужели и я мог оказаться на их месте?»

Подсознательно ища у Монтеня ответа на вопрос, почему война сберегла его в самых сложных ситуациях, хотя он был достаточно крупной и, можно сказать, открытой нехитрой мишенью, Геворг вскоре наткнулся на довольно суровые строки: «Если исходить из естественного хода вещей, то ты уже долгое время жи-

вещь благодаря особому благоволению неба. Ты превысил обычный срок человеческой жизни. И дабы ты мог убедиться в этом, подсчитай, сколько твоих знакомых умерло ранее твоего возраста, и ты увидишь, что таких много больше, чем тех, кто дожил до твоих лет...» У Геворга вдруг кольнуло в темени, голова налилась тупой пульсирующей болью. Книгу пришлось отложить.

Геворга одолевали тягостные воспоминания, которые вместе с эмоциями рождали столь же тяжелые и какие-то провокационные вопросы. И всё же, почему война сберегла его, какая сила пронесла его сквозь смертельные опасности? Почему ударная волна от разорвавшегося неподалёку снаряда ограничилась только тем, что отбросила его в угол траншеи с выбитыми зубами и сотрясением мозга, в то время как пулемётчика рядом настигла мгновенная смерть? Что это было – то самое «особое благоволение неба» или простая случайность? Если первое, то за какие заслуги и в честь чего? Если второе, то как долго это будет продолжаться? Ведь невозможно, чтобы одному человеку постоянно везло, и даже самому бесстрашному герою и искусному воину предписан свой час смерти...

«Самые доблестные бывают порой и самыми несчастливými», – словно беседуя с Геворгом, писал Монтень.

«Более того, самыми незащищенными и обречёнными, – невольно поддержал и развил Геворг парадоксальную, на первый взгляд, мысль автора. – Войне необходимы герои – без них ее не бывает. Усилиями героев достигается цель в любой войне: до поры до времени война как бы доверяется им, хранит в самых сложных ситуациях и перипетиях, реализуя собственные планы и одновременно предоставляя самим героям возможность и время для самовыражения и достижения пика собственной славы. Однако очень часто, сполна использовав героев и достигнув конкретных целей, война безжалостно избавляется от них... Самое слабое место у героев – спина. Они постоянно идут вперёд, к достижению цели, не останавливаясь, не особенно задумываясь о поддержке с тыла, даже если чувствуют, что фатальный исход близок...»

Геворг заснул с тяжелой головой прямо на диване. Ему приснился какой-то сумбурный сон, в котором явь путалась с бре-

дом: какой-то неупорядоченный людской поток безмолвно двигался в вечернем мраке. Люди без лиц сталкивались в темноте, мешали друг другу, кто-то пытался повернуть обратно, но пробраться сквозь плотный поток было невозможно. Несмотря на царивший хаос, всё происходило в мёртвой тишине, словно в немом кино или в фильме с отключённым звуком... Этот странный сон приснится Геворгу ещё несколько раз. Видение не имело конца, в определённый момент оно резко обрывалось, как при внезапном отключении электричества...

...Тем временем шёл уже восьмой месяц осады. Казалось, это было в какой-то прошлой, далёкой жизни, когда безмятежным вечером можно было выйти из дома и беззаботно прогуляться по улицам оживлённого и веселого города, посидеть на скамейке бульвара или насладиться свежим воздухом в зелёном парке. Город поник, застыл в тягостном ожидании. Всегда хлебосольные, щедро принимавшие гостей горожане, словно по злой иронии теперь часами простаивали в очередях за хлебом – не важно какого, белого или чёрного, пшеничного или ржаного, лишь бы детям было что поесть. Дети же давно забыли вкус конфет и мороженого. Да и сладкий чай по утрам уже казался деликатесом. Мамы не позволяли своим любимым чадам второй кусочек хлеба, а потом тайком плакали. Но другого выбора не было. Детям «запрещали» даже болеть, потому что в аптеках не было лекарств. Маленький край, который туристы и сами жители считали райским уголком, превратился в некое место забытых грёз...

Каждый наступающий день блокады приносил с собой новые ограничения, запреты и лишения. Жизнь внутри изолированной от внешнего мира маленькой страны скукожилась донельзя, превратилась в настоящую пытку, всё сильнее сжимая несчастных людей в своих тисках. Запасы амбаров неумолимо истощались. Сначала закончился пшеничный хлеб, потом и ржаной. Их заменила тонкая кукурузная лепёшка. Но и на неё нельзя было долго рассчитывать...

Иногда бывший фронтовой товарищ отправлял Геворгу из деревни в город «паёк» со своего небольшого приусадебного огоро-

да: несколько картофелин, пару пучков зелени и лука, баночку засоленных ещё прошлой осенью огурцов или помидоров. Деревенским было чуть легче: они могли вырастить что-то на своих огородах, сорвать плод с дерева. В городе же упорно распространялись слухи, что припасов съестного осталось всего на несколько дней. Кто-то уже говорил о том, что скоро люди будут есть крыс и пить воду из канав...

Между тем Монтень советовал терпеливо сносить невзгоды, с которыми невозможно бороться, и Геворг, следуя мудрому совету, старался забыться в чтении. Но и тут были свои ограничения: читать можно было лишь в дневное время суток, а с наступлением сумерек часто не бывало и электричества, так как оно подавалось в соответствии с графиком веерных отключений, по четырёх-шесть часов в сутки. В отрезок времени, когда небесное светило и свет в холодном доме одновременно гасли и всё потихоньку начинало погружаться в беспросветную тьму и зловещую тишину, на душе у Геворга становилось особенно тоскливо и одиноко, чувство отчаяния готово было поглотить его точно так, как изголодавшийся человек – кусочек неожиданно доставшегося ему хлеба. Тут Геворг невольно вспоминал отсутствующих членов своей семьи, и от этого на душе становилось ещё тяжелее. На холодной стене напротив, казалось, оживал зловещий призрак...

В один из пасмурных дней в дверь коротко постучались. Геворг знал, что это всего лишь формальность, поэтому не стал утруждать себя приглашением войти, да и вряд ли успел бы, – сосед с третьего этажа по-свойски уже распахнул дверь и переступил порог, лишь кликнув чисто для проформы: «Хозяин!».

Гость пришёл с очередной новостью.

– Они что, совсем нас за идиотов держат?! – начал он гневно и без обиняков. – И дураку понятно, что кусок хлеба, который протягивает тебе враг, скорее отравлен... Этой дешёвой агдамской приманкой¹¹ нас не обмануть – ищите дураков!.. Хотят убедить

¹¹ Тема «Агдамской дороги» появилась в третьей декаде июля 2023 г в связи с продолжавшейся восемь месяцев блокадой Арцаха, население которого стояло

мир, что никакой блокады нет... Обиднее всего, что среди нас находятся уроды, которые готовы принять эту подачку...

Из его эмоционального, сбивчивого рассказа, в котором паузы заполнялись короткой бранью, выяснилось, что он только что поругался со знакомым из-за того, что тот готов был принять от врага помощь, лишь бы дети не голодали.

– Пусть своих доходяг кормят. Я слышал, что у них часто бывают голодные бунты, жители городских трущоб подышают с голоду. Вот пусть и отправляют им этот корм. А нам их троянский конь не нужен, – поддержал собеседника Геворг.

– Правильно, нам чужого не надо. Пусть пропустят наш груз через Бердзор.

Нечеловеческий голод не смог заставить осаждённых принять вражеский груз. Люди проявляли чудеса стойкости и духа...

Однако душа, которая не подпитывается надеждой, истончается, становится слабее. Щемящее чувство безысходности и покинутости постепенно овладевало людьми. Казалось, весь мир отвернулся от них...

Призрак вновь стал подавать знаки присутствия на холодной, изъеденной плесенью стене. Геворгу снова приснился сон с хаотическим движением толпы людей без лиц. Тяжёлое предчувствие росло с каждым днём и готово было вот-вот взорваться некоей внутренней бомбой...

перед реальной угрозой голода, в то время как неподалеку от незаконного азербайджанского КПП в Лачинском коридоре с 26 июля 2023 г. простаивали десятки грузовиков с гуманитарной помощью из Армении (в те дни к ним присоединились и фуры из Франции). «Гуманитарный груз» из Агдама, который враг намеревался отправить на грузовиках Красного Полумесяца, вместо традиционных машин Международного комитета Красного Креста, был своеобразным троянским конем, хитрым приёмом, направленным на создание видимости согласия карабахцев на интеграцию в азербайджанское общество и постепенное удушение борьбы армян Арцаха за свои исконные права. Однако, несмотря на голод и другие суровые лишения, осаждённые категорически выступали против этой дороги, понимая истинные намерения противной стороны. В пограничном Аскеранском районе НКР были сооружены баррикады на пути «гуманитарного груза» из Агдама, проведены митинги протеста.

И бомба взорвалась, но снаружи. В час пополудни солнечного, вроде бы не предвещавшего беды сентябрьского дня¹², начался интенсивный ракетно-артиллерийский обстрел. Мишенью огня стали не только военные объекты, но и мирные поселения. Среди раненых и погибших были также дети. Миротворцы не вмешивались в ход боевых действий и лишь содействовали эвакуации жителей из приграничных сёл.

Истощенные и измотанные после девяти месяцев осады защитники края сопротивлялись, как могли. Противник же, стараясь избежать лишних потерь в живой силе, активно применял артиллерию и авиацию, в основном беспилотники. Он полностью господствовал в воздухе, однако при попытке наступления по суше

¹² 19 сентября 2023 г., в нарушение заявления о прекращении огня от 2020 г., Азербайджан объявил о проведении военной операции против НКР, представив её как «антитеррористические мероприятия локального характера». На самом деле это были широкомасштабные военные действия с обстрелом столицы НКР Степанакерта и других населённых пунктов. Спустя сутки после начала боевых действий появились сообщения, что руководство НКР согласилось вывести «оставшихся армянских военных» из Нагорного Карабаха, расформировать и разоружить формирования Армии обороны НКР и вывести с территории республики тяжёлую военную технику и вооружения. Информационный центр НКР заявил, что власти республики приняли предложение российских миротворцев о прекращении огня с 13:00 часов 20-го сентября 2023 г. Однако вскоре после вступления в силу согласованного режима прекращения огня стрельба возобновилась. Несколько городов НКР продолжали находиться под обстрелом Азербайджана. МВД НКР, в частности, заявило, что азербайджанские военные, нарушив соглашение о прекращении огня, обстреливают Степанакерт «из разных видов стрелкового оружия».

В итоге армяне Арцаха отвергли фальшивое по сути предложение оккупационных властей «о реинтеграции, обеспечении прав и безопасности армян Нагорного Карабаха в рамках Конституции Азербайджана» и в массовом порядке выехали в Армению.

Но даже после изгнания всего населения Арцаха спекуляции вокруг «агдамской дороги» не прекратились. 26 сентября 2023 г, когда огромная колонна вынужденно покидавших свою родину людей направлялась в Корнидзор, бакинская пропаганда распространила издевательское сообщение о том, что из Баку в Карабах отправлена очередная партия гуманитарной помощи, включающая 40 тонн муки, средства гигиены, постельное бельё. Это была новая пропагандистская уловка для введения в заблуждение международное сообщество с целью показать, что блокады нет, нет преступления против человечности – этнических чисток.

встречал ожесточённое сопротивление местных бойцов, которые защищались с отчаянием загнанного в угол зверя и наносили существенный урон наступающим силам. Многократное численное превосходство врага и угроза разгрома вынуждали обороняющихся быстро расходовать боекомплект, который нечем было пополнять. Одновременно противник продолжал обстрелы сёл и городов, жители которых были вынуждены ночевать в подвалах, заменявших по возможности бомбоубежища...

Геворг не стал спускаться в подвал. Он считал это зазорным, более того, укорял себя в том, что в этот роковой час находится в тылу, а не на передовой вместе с ребятами. Но на сколько войн рассчитан человеческий материал? Разве здоровье и возможности одного человека готовы выдержать четыре войны?..

Ровно в час пополудни следующего дня при посредничестве миротворцев военные действия были остановлены. Однако инерция войны продолжалась ещё сутки – нарушая соглашение о прекращении огня, противник периодически обстреливал столицу и некоторые населённые пункты непризнанной республики из разных видов стрелкового оружия.

Массовый исход населения был неизбежен: люди не были готовы жить по условиям оккупантов.

Среди немногих вещей, уместившихся в большой чемодан и ручную сумку, Геворг взял и книгу Монтеня, верного соратника по суровым испытаниям, мудрого советчика и свидетеля его собственного опыта блокады...

2025г.

ИВЕТ АЛЕКСАНДЕР

Иветта Александровна Мирзоян-Асриян. Родилась в Баку, там же окончила педагогический университет и музыкальное училище. В 1982-89 гг. была дирижером Сводного хора школьников республики. В 1989 году переехала с семьей в Москву, а в 1993 – в США. Активно участвует в жизни армянской общины.

ДЕВОЧКА С ГИТАРОЙ*

(фрагменты эпилога романа)

Первыми сломались те, кто верил, что скоро все закончится.

Потом – те, кто не верил, что это когда-то закончится.

*Выжили те, кто сфокусировался на своих делах,
без ожиданий того, что ещё может случиться.*

Виктор Франкл

Было очень холодно в конце февраля 2019 года. Морозно. Мы провожали Иду в последний путь. Я была зла на судьбу, обида душила и не давала мыслить спокойно. Я ругала её, топала ногами у её кровати и орала в больничной палате, как обиженный ре-

* Главы романа И. Александер «Девочка с гитарой» печатались в нескольких номерах ЛА: №1 (2016), №1 (2020), №3 (2025).

бёнок, оставшийся один. Я держала ее за безвольную руку и не позволяла ей уйти. Лицо сестры выражало боль, несмотря на то что ее подсоединили к разным аппаратам и на лице была маска с трубкой искусственного дыхания.

– Тебе больно? Тебе больно, скажи? – допытывалась я.

Она беспомощно дышала через машину и не двигалась.

– Сожми мою ладонь, если тебе больно, – просила я сестру.

Едва шевеля пальцами, Ида мягко сжала мне руку.

– Доктор! Доктор! Сестра! – кричала я, откинув занавеску, ого-раживавшую кровать сестры в кабине отделения интенсивной терапии.

– Викуля, позови их! – нервно требовала я у дочери Иды, показывая в сторону стойки регистрации с медперсоналом.

– Ей больно! Ей больно, сделайте что-нибудь! – кричала я, не в силах ничем помочь Иде.

Подбежавшая медсестра сделала Иде обезболивающее и посмотрела недовольно на показатели монитора.

– Что? Что там?

Кислород показывал все сто, но это ничего не означало. Там работала машина.

Мы всей роднёй были в больнице, пытаюсь чем-то помочь Иде. Мы с Кареном потребовали собрать консилиум, чтобы обсудить, чтобы просто знать дальнейшие стадии лечения сестры. Мы были недовольны тем, что постоянного врача в отделении нет, что каждый день на смену приходит новый врач, который назначает что-то ещё или отменяет что-то из прежнего. Нам объяснили, что в ОИТ – отделении интенсивной терапии – врачи дежурят, здесь нет постоянного персонала. Для нас это было ужасно. В консилиуме участвовали четыре врача, и ни один из них не был ведущим врачом сестры, они просто перечитывали записи предыдущих своих коллег и навещали больного, чтобы решить, что делать дальше. Никакого привычного контакта между врачом и пациентом здесь не было. Врач мог вернуться на дежурство через неделю, он мог еще раз наткнуться на того же пациента, если больной еще находился там. Но и эти четыре врача, что обсужда-

ли меж собой и с нами состояние Иды, тоже так и не смогли установить истинную причину ухудшения состояния сестры, объясняя это то пороком сердца, которым она страдала, но лечилась чуть ли не с рождения, то сахарным диабетом, который в 2003 году Ида заработала после гибели двадцатилетнего сына Саши, нашего любимого Алекса. Мы все немного умерли с Алексом, когда он разбился на трассе и когда мы ночью на машине Ларисы – подруги Иды, поехали за ним из Нью-Йорка в Вирджинию, чтобы убедиться, что это он.

Это был он. Молодой, красивый, талантливый парень в этом жутком чёрном целлофановом пакете. Мальчик, ещё вчера читавший армянские стихи своего деда Саши на концертах и в паре со своим дядей Альбертом управлявший музыкальной аппаратурой нашего детского ансамбля «Аллегретто», организованного его мамой при Армянском соборе Святого Вардана, лежал перед нами на железном столе морга изуродованный аварией и уложенный в чёрный пластиковый пакет. Саша поехал с партнёром доставить заказ на гружённой мебелью машине – считал себя мужчиной, который должен зарабатывать, чтобы помогать маме. Случилась авария...

Я не знаю, как мы выжили. Но Ида не выжила, она умерла с ним еще тогда, она просто продолжала существовать по инерции, чтобы быть рядом с дочкой и участвовать в её жизни до последнего.

Наш папа не выдержал. Он заболел раком. Он не мог пережить своего внука, ему стало неинтересно жить. Оборвалась ещё одна важная и когда-то крепкая нить, державшая папу привязанным к смыслу жизни. Просто сломался сам смысл жизни. Папа ушел после болезни в 2006 году. Мы с Идой дежурили в его палате через день или два, кто как мог, оставаясь на ночь и подсакивая от его стонов.

– Что? Где? Папа, что ты хотел? – вскакивала я с раскладного кресла ночью, если удавалось немного вздремнуть.

– Ничего. Мысли убивают больше, чем сам рак, – говорил он мне на армянском.

– Тебе чего-то хочется?

– Нет. Я потерплю.

– Ты же можешь нажать на кнопку, и лекарство поступит в вену. Тебе же обезболивающее подключили к системе.

– Не хочу. Спи. Отдыхай. Я тоже посплю...

Утром входит медсестра со своими процедурами.

– Александр, ты опять не использовал морфин. Лекарство не тронуту, – поглядывая на прикрепленный к системе препарат, говорит она. – Разве тебе не больно?

– Больно, – отвечает папа. – Но болит в животе, а от вашего морфина отключается голова. А я хочу общаться с детьми, а не лежать, как овощ, после морфина.

Мы много говорили с папой. Обо всём. О нас, о наших детях. Он хотел, чтобы я писала, записывала всё, что происходило с нами. Он верил, что я смогу об этом рассказать. Я начала писать ещё при нём, но...

Он любил, когда приходили внуки. Но не было уже Алекса. Он жутко страдал.

Больше всего папа любил слушать скрипку Альберта. И песни, что я пела на кассете на армянском на его слова и Идину музыку, с аранжировкой Альберта. Он понимал, что мне с трудом даётся петь на армянском, но ему нравилось, что я стремлюсь к этому. Мы всей семьёй создали «Реквием», чем он был очень доволен, особенно когда произведение прозвучало после мессы в Кафедральном соборе Святого Вардана в Манхэттене, посвященной памяти жертв Геноцида армян 1915 года. Но больше всего папу привлекали звуки скрипки. Я принесла видеокассету с нашими выступлениями и выступлениями детей и в палате на два человека включала для него, чтобы отвлечь от боли.

– Александр, откуда эти чудесные звуки скрипки? – однажды раздался голос соседа-итальянца. Он был уже совсем плох, этот ещё не старый мужчина, и звуки музыки ему тоже приносили радость.

– Ты можешь включить погромче? – попросил итальянец.

Его жена заглянула к нам через занавеску и, извинившись, спросила:

– Можно, мы тоже посмотрим ваше видео?

– Да, конечно, – ответила я и раздвинула занавеску до конца.

Умиравший итальянец с улыбкой смотрел на экран папиного патлатого телевизора со своей постели и улыбался.

– Как же это замечательно... – сказал он, глядя на игру Альберта на экране.

– Это мой зять, – откликнулся папа, довольный похвалой соседа.

– Ваш супруг? – улыбнулась мне жена итальянца. – А это вы поете с ним?

– Да. В нашей семье много музыкантов, – любезно ответила я.

Было тяжело и в то же время приятно от того, что перед тобой в палате лежат два пожилых человека, которым скоро прощаться с этим миром, но они наслаждаются красотой музыки, и это им помогает преодолевать боль лучше, чем лекарство.

Альберт не стал ждать приглашения. Уже через пару дней, когда я в очередной раз приехала в Манхэттенский раковый центр, где лечился папа, чтобы сменить Иду с дежурства, он поднялся в палату. Я поехала парковать машину и, когда поднялась на этаж, увидела невероятное для больницы зрелище. В коридоре, у двери папиной палаты, толпились пациенты и персонал, а звуки скрипки разносились по этажу. Пробиваясь через толпу больных зрителей, я вошла в папину палату, где тоже стояли врачи и медсестры, и увидела незабываемое – двое уходящих в новую жизнь мужчин с улыбкой смотрят на моего Або и в глазах их поблескивают слезы. У папы было гордое выражение лица, он был невероятно счастлив, что его зять устроил им с соседом по палате маленький концерт, где звучали и «Танец с саблями» Арама Хачатуряна, и «Чардаш» Витторио Монти, и целая серия мелодий популярных итальянских песен, которые стал под скрипку напевать папин сосед. Казалось, он чувствовал себя лучше, воспрянул, хотя и лежал не двигаясь.

Но вот скрипка затихла, и раздались аплодисменты; довольный больничный зритель начал расходиться. В комнате остались двое больных и их родные. Папин сосед тоже хлопал. И вдруг он заговорил на итальянском быстро-быстро, обращаясь к моему супругу и называя его привычным для нас «маэстро Альберт», ибо так Або называли все, так со сцены его объявляла я.

Мы стояли и слушали итальянца, понимая, что глубокие душевные эмоции ему было легче выражать на родном языке.

Жена его мило улыбалась словам супруга, а затем, повернувшись к Альберту, произнесла на английском:

– Маэстро, мой муж так счастлив, что вы сыграли эти прекрасные мелодии. Он все их знает, и ему было очень приятно.

Слова ее подхватил итальянец, восторженно разводя руками. Мы посмотрели на его жену, ожидая перевода.

– Он говорит, если бы у него были миллионы, он бы не пожалел бросить их к вашим ногам, маэстро.

Это было очень трогательно. Альберт подошёл, поклонился старому итальянцу и поблагодарил его за тёплые слова. Папа мой был невероятно доволен и, когда Або уже ушёл, сказал мне:

– Я за тебя спокоен. У тебя есть Або!

И это звучало как благословение. Разве папа мог тогда предположить, что через год не станет и самого Або – красивого, сильного, талантливое, всеми любимого?

А теперь вот Ида. Я была в отчаянии, что сестра уходила. Мы с ней всегда были разными – она была принцессой, а я сорванцом, но нас единила семья. Рядом мы находились или нет, связь наша была постоянной, с переплетением мыслей и снов. Своим уходом она обрывала мой последний контакт с родителями, с родным домом. Я оставалась одна. Я оставалась в вынужденном соло... Мы больше не споём дуэтом «Ов сирун, сирун*». Мы больше ничего не исполним дуэтом вообще.

Ида не имела права уходить первой, она была на два года младше меня, ей едва перевалило за шестьдесят... У нас было много планов, и мы их постепенно осуществляли и в США, и в Арцахе, на нашей исторической родине. Мы многое успели, но многое не довели еще до конца. Как она могла?! Она бросила меня! Она меня подставила! Она предала меня! Она меня... Я осталась одна, осиротевшая совсем. Мой дом разваливался на части, последняя звенящая струнка с моим девичьим прошлым оборва-

* Популярная армянская эстрадная песня.

лась. Мне больше некому было сказать: «А помнишь?..» Это было нечестно, противоестественно, больно! Это бесило меня! Всё казалось несправедливым и несвоевременным. Мы же обещали друг другу, что достроим наши дома в Шенамаче и Кярихохе, что опять привезём всех в Хндзристан и будем там отдыхать. Мы хотели ходить по деревне согнутыми в хребте старухами с клюкой в трясущихся морщинистых руках, носом почти касаясь земли. Так выглядела соседская старушка Машинка-бабо, так нам казалось надо выглядеть в девяносто лет. Мы хотели быть старухами Хндзристана. Но Ида ушла, одна, без меня. Я была разбита. Спасал Карен. Я за него цеплялась как за соломинку

Наши с сестрой разговоры крутились у меня в голове. Мне невыносимо было видеть её на больничной койке, всю опутанную шнурами. Мы не договорили ещё...

– Как ты думаешь, я смогу на пенсии преподавать ещё? – спросила я как-то сестру.

– Можно подумать, ты так состаришься на пенсии, что не сможешь работать, – ответила она.

– Я серьёзно.

– А ты что, собиралась уходить? Ты планируешь уйти из своей школы в Бруклине? – Ида удивленно смотрела на меня.

Она знала, что я езжу по полтора-два часа в один конец из дома на Лонг-Айленде в бруклинскую школу. Это не шутки ездить так и зимой, и летом практически каждый день уже несколько лет кряду.

– Нет. То есть не здесь... – ответила я.

– А где?

Она могла бы и не спрашивать, она знала мою навязчивую идею по поводу работы в деревне.

– В Хндзристане, – как нечто само собой разумеющееся, объявила я.

– Конечно, – ничуть не удивившись, ответила она.

– Правда? Я не шучу.

– И я не шучу. Ты ж у нас бывшая балеринка-спортсменка, ты сможешь.

– А ты?

– Вообще-то, мы поедem вместе. Мы откроем в деревне музыкальную студию и будем преподавать – ты вокал, а я фортепиано, – сказала она.

– Соберем хор. Армянскими и русскими песнями будешь заниматься ты, а я с ними буду учить американские песни. И наши танцы буду вести армянские. Костюмы тоже сошью. Все так, как мы делали это в Нью-Йорке, при соборе Святого Вардана, – добавила я.

Мы часто об этом говорили и часто смеялись, представляя себя двумя американскими пенсионерками, вернувшимися на землю своих предков и преподающими в Хндзристане уроки музыки и танцев. Нам это нравилось. Мы даже думали открыть курсы русского и английского языков и просто так, бесплатно обучать детей нашего села. Было так приятно думать об этом.

Она ушла. Она болела, но ведь все болеют, могла бы и выздороветь. Она меня бросила! Я злилась на неё. Я так же злилась на Альберта, когда он ушёл вслед за Алексом и папой в конце 2007 года, будто на память отыграв со мной и дочками наше последнее в жизни новогоднее Albert's Show. Ушёл неожиданно, в пятьдесят шесть лет, и...

Мне тогда казалось, что умерла я сама. И если бы не наши дочери, наши родные и близкие, я не знаю, где была бы я без него. Не стало друга, любимого, учителя, коллеги по многолетней концертной жизни, по сцене... Не стало отца моих дочерей, младшей из которых было тогда шестнадцать. Не стало лидера нашего "Albert's Show", и оно просто потеряло всякий смысл. Не стало большей части меня самой.

Я ещё долго болела после его ухода, а когда впервые потом села за руль, мне показалось, что я не узнаю дорог. Мне казалось, что это «тот свет», просто я ещё не поняла, что я умерла. Включался какой-то инстинкт самосохранения, и я правильно следовала нужному маршруту. Срабатывал «автопилот» в голове, и он вел меня из дома на работу и с работы домой. И эти сны, в которых я его ждала откуда-то и дожидалась, доказывая потом всем

нашим, что они ошиблись, ведь вот он, живой. Я касалась его руками и физически чувствовала его, доказывая, что это была ошибка, он жив. Я встречала его в аэропорту, не понимая, что это сон, и ругала за то, что он задержался где-то. Я встречала его с гастролей и не осознавала, что это мне снится. Я бежала за ним по какому-то узкому коридору, то пустому, то с огромной очередью людей, уходящих в небытие, и не могла догнать. Я звала его, но он не слышал меня, он бежал всё дальше и дальше. Я видела его на каком-то высоком многолюдном балконе и прыгала, прыгала, прыгала, пытаюсь достать его протянутую вниз мне руку, но не доставала её. Я каждый день его видела во сне, и он был жив. Я увидела его в коридоре музыкальной школы, где мы с ним работали, таким красивым, в черном костюме, с галстуком-бабочкой, как обычно он выходил со скрипкой в руках, каким он лежал в своём нарядном гробу. Он шёл мне навстречу по коридору с какой-то женщиной-коллегой, и в руках у него была газета. Девушка помахала мне и ушла в один из классов, Альберт подошёл ко мне. «Смотри, о нас написали», – привычно протягивая мне газету, сказал он. Буквы разбежались, и я не могла сосредоточиться, чтобы прочитать. «Ты видишь? Мы с Родни успешно выступили на концерте», – сказал он.

Я проснулась и стала рыться в интернете. Я обнаружила какой-то веб-сайт, куда были занесены имена популярных музыкантов, покинувших этот мир. Имя Альберта было среди них. Там же было и имя другого музыканта – Rodney. Что это значило, можно было только догадываться. Но он улыбался в моём сне, и этого было достаточно.

Через пять лет Альберт реже стал посещать мои сны, и я уже не ждала и не дожидалась его во сне с гастролей ни в аэропорту, ни на вокзале и ни на работе. Я уже не возмущалась, наконец дождавшись его в очередной раз, как это было в первые годы: «Как ты долго, что случилось, мы все волновались...» Я продолжала видеть его, но обыденно, без беспокойства, буднично. Я больше во сне не искала его, не бежала за ним в той длинной трубе и не сталкивалась с ним случайно на улице. Через пять лет я поняла, что Альберт умер.

Работа. Это то, что меня теперь спасало. Нет, не сцена – школа. Я уже не могла видеть сцену. Дочери вышли выступать через какое-то время, то в дуэте, то соло. Я – уже никогда. Сцена без него для меня умерла разом. Я не могла слушать музыку. Никакую. Наш дом, который когда-то был похож на классы консерватории – вокал, скрипка, киборд, звукозапись, – всё сразу потеряло смысл. Исчезло. Еще пару обещанных ранее заказов на платья для конкурса по латиноамериканским спортивным танцам я всё же исполнила, но в последний раз. Я больше не могла видеть посторонних людей у нас дома, хотя раньше это меня не волновало совсем – наши клиенты были нам едва знакомы. Дом молчал без музыки. Музыка осталась только в школе, в классах, где я работала с детьми.

Скрипка Або молча лежала на пульте его домашней мини-студии, к которой никто не подходил. Наушники лежали на киборде, как он их и оставил. Пульт оставался включенным еще год без хозяина. Через год, когда мы покидали наш дом в Бруклине, мини-студию отключил из сети и разобрал по частям Стас Каприелов, тот самый, что бежал из Баку на пароме, один из друзей и коллег Або. Он осторожно, со слезами на глазах упаковывал детали в коробки. Я с дочками стояла рядом. Казалось, мы хоронили Альберта во второй раз.

– Забери студийную аппаратуру себе, – еле выдавила я, обращаясь к Стасу.

– Я не знаю, как на ней работать, – ответил он.

– Может быть, кто-то из ребят-музыкантов захочет. Она дорогая, но я её не буду продавать. Может, Робик Тониев захочет?

– Никто из ребят наших не знает, как работает эта аппаратура. Из нас только Або знает... знал, – пряча увлажнившиеся глаза, сказал он.

Мини-студия была расформирована. Со звучанием наших голосов и голосов клиентов Або, записывавших у нас свои диски, было покончено. Их звонки продолжались ещё около полугода, хотя во многих русских и американских газетах сразу вышел некролог с портретом Або. Люди просто не верили. Они звонили,

они говорили, что видели его на той неделе или слышали его по радио ещё вчера, и он приглашал их на концерт – что было правдой. Они говорили, что видели его утром... выходило, в день его смерти. Звонили ученики, из тех, кто не был на похоронах. Родители спрашивали, на какой день перенесли урок по скрипке или гитаре... Звонили...

Теперь ушла Ида. Человек, с кем я могла в любой момент что-то вспомнить или уточнить. Она считала, что у меня память лучше, чем у нее, я считала наоборот. Ушла. Вслед за Амалией, Эдиком, Ирой, Алексом, папой, Або, Игорем... Ушла вслед за нашей мамой, почти через три десятилетия, в день её рождения, 23 февраля.

Оставила свою дочь Викторию, оставила меня. Оставила своего бывшего мужа, которого, пожалев, привезла из России в Америку подлечить, да так и оставила у себя дома, чтобы отец её детей мог иметь шансы выжить. И он выжил. Но не стало её самой.

Оставила дом. Наш дом в деревне. Она почти достроила его. Новый. Это даже был уже не дом, а крепость с четырьмя башнями. В противовес мне, Ида всегда у нас была маленькой принцессой, которая хотела жить в замке и держать при себе живого льва или тигра. Тигр у неё был, огромный, мягкий, набитый ватой. Он возлежал на её бархатном диване в Бруклине, греясь у электрического комнатного камина старинного английского стиля. Я же была, скорее, с саблей на боку и верхом на коне в виде легковых машин или «джипов», несущихся по Нью-Йорку или по трассе между штатами, чаще облачённая в джинсы, свитер и кроссовки, чем в бальное платье, хотя балетом занималась именно я. И только выход на сцену превращал меня в нарядную артистку, много лет певшую рядом со своим чертовски привлекательным супругом – партнёром-музыкантом. Платья я носила только там, где нельзя было быть в брюках.

– Я на днях еду в деревню. Посмотрю, как идёт стройка. Ты что-то хотела бы передать? – спросила как-то Ида по телефону.

– Да. Я занесу, – ответила я и поспешила в магазин за подарками.

Мы всегда возили подарки или пересылали деньги, если было нужно. Это шло от души, мы ощущали необходимость в подоб-

ном образе действий, и это помогало нам чувствовать связь с исторической родиной, куда мы попадали не так часто, как хотелось бы. Быть причастными ко всему, что происходило там, стало нашим девизом, и мы участвовали во многих событиях села как могли – от похорон и до свадеб.

– Слушай, надо бы воду провести в деревню. Как ты думаешь, получится дотянуть трубопровод из леса до деревни? – как-то спросила я Иду в наших постоянных беседах о родном селе.

– Спасибо за идею, – ответила сестра. – Кстати, мне всегда нравятся твои идеи. А что гадать? Поеду и посмотрю, что ребята скажут,

Ребята... Кто эти ребята? А они – это наши безотказные родственники: двоюродные, троюродные и далее. Им, главное, сказать, остальное они знают. Знают и всё могут. Они составят смету, они закажут материал, они найдут нужных мастеров... Ида любила свой стиль во всём, сама руководила стройкой и старалась не подводить своих работников. Она выискивала тот материал, который считала подходящим, даже если он был дороже обычного. Ездил из Нью-Йорка в Арцах по нескольку раз в году принимать этаж за этажом, башню за башней. Всё должно было быть красиво. Она советовалась со мной во многом, хотя чаще всего делала по-своему. Дом отца-деда-прадеда-прапрадеда... преобразился. Внешне, конечно, его было не узнать, но какие-то детали внутренней постройки оставались прежними или были сделаны в их стиле. Она пообещала мне сохранить «эпоху» дома. А главное – старинный камин в «нерки тоне»*.

Видя её старания, я как-то пошутила:

– Похоже, ты собираешься нашу музшколу открывать в Шенамаче.

– А что? Может, музыкальные классы мы там и организуем? Там у нас несколько этажей и много комнат, хватит и родственникам, и для классов. И потом, отдыхать наши приедут летом, а уроков летом как раз и нет. Никто никому мешать не будет.

* *Нерки тон* (карабахск. диалект) – нижний дом.

– Посмотрим, что из этого выйдет, – стараясь не опережать события, ответила я.

Она сдержала слово – родники были поставлены в черте села. Даже сами названия родников она перенесла на их панельные плиты. «Аби Апанц ахпюрэ^{*}» – гласит надпись на одном из них, а из пасти львов, медные маски которых для наших родников она везла из Америки, льётся питьевая вода. Наверное, прадедушка видит всё это. Думаю, он доволен. Идиных питьевых родников по всей деревне несколько. Засуха нам точно не страшна.

Она уходила, а я злилась. Топала ногами у её кровати, как капризный ребёнок, у которого отнимают любимую игрушку. Стиснув зубы, выла. Теряла сознание на мгновение и возвращалась, чтобы снова выть от обиды. Мы с Кареном и всей нашей большой семьёй навещали Иду и разговаривали с врачами. Нам обещали... Нам откровенно врали. Она уходила, а они врали, что помогут.

Я злилась, что не успела дать ей эту книгу дочитать, а она всегда была первым читателем и критиком всех моих произведений. Злилась, что она никогда не увидит, как Вика, её старшая дочь, старается изо всех сил, чтобы завершить стройку в Хндзристане. Не увидит, как я достраиваю дом в Кярихохе. Не увидит, как мы построим музыкальную студию... Как мы её откроем. Откроем?..

Стена!

Всё уперлось.

Ида этого уже не узнает. Она не узнает, что началась война. Новая. Другая. Страшная! Жестокая война в конце двадцатого года!

Было лето 2020 года, когда я позвонила своему кузену в Степанакерт и сказала, что мы не можем останавливаться, что надо осуществить наши с Идой планы по постройке второго дома в Хндзристане. Даже уже без неё самой. Даже при бушующем Ковиде-19.

– Значит, сносим старый дом в Кярихохе? – подытожил он наш телефонный разговор.

* Родник Аби Апанца.

Мой брат Гагик Мирзоян вовсе не строитель. Он тоже профессиональный музыкант и педагог, как и мы с Идой, но он взялся помочь и впрягся всей душой в эту стройку. Не знаю, как он находил время после или до работы в музшколах Арцаха, но он руководил стройкой на пару с Гришей Григоряном, другим моим кузеном, который уже участвовал в строительстве нашего первого дома-крепости.

– Да, сносим, – ответила я. – Только сделай одолжение, давай сначала пригласим священника, пусть благословит нашу стройку. Новый дом ведь будет стоять на месте старого, так и не достроенного до конца после смерти дедушки. Но это было его детище, надо проститься как-то.

– Проститься? Вета, этот дом почти полностью разрушен. С него уже и кровля слетела... – начал было Гагик, но я прервала его:

– Он стоит, значит, его будут ломать, сносить... Сносить, понимаешь? Он будет падать!

Я не могла говорить. Меня душили слёзы. От этого недостроенного дома в саду Кярихоха, как и от дома в Шенамаче, тянулись ко мне невидимые душевные нити из нашего родного далёкого далека.

– Священника так священника, не переживай, сестра джан, – успокаивал меня Гагик, и через несколько дней святой отец Тер Минас из Степанакерта был в нашем старом саду Кярихоха. Тётя Маро, жена папиного кузена Артюши Агаджаняна, держала каравай хлеба, её маленький внук принес воды. Святой отец провел соответствующий обряд, который мы наблюдали на видео. Он освятил нашу новую стройку и по моей просьбе помолился, чтобы наш дедушка знал, что мы не просто сносим старую постройку, а ставим новый дом.

И работа началась.

А тем временем мир захлестнул коварный вирус. Пандемия пока еще не затронула арцахский оазис, но движение транспорта в Армению и обратно стали ограничивать, что тормозило стройку. Тем не менее находились смельчаки, которые не боялись пандемии и продолжали работать на свой страх и риск.

Однако нам в Нью-Йорке не удалось избежать вируса, и мы всем домом заболели Ковидом-19. Правда, домочадцы перенесли болезнь относительно легко.

Массивный фундамент для довольно большого двухэтажного дома (хотя он мог бы выдержать все пять этажей, как уверяли строители) был уже готов, когда мы поняли, что за домом нужно возвести опорную стену.

Уже одна огромная бетонная стена, которая должна была подпереть срезанный, словно кусок пирога, слой горы, на склоне которой и стоял когда-то дом моего деда, страшила своей высотой. И это было неудивительно – котлован, в котором оказывался теперь новый дом, был глубиной четыре метра, размах подпорной стены – тридцать пять метров! Это был шок, но отчаиваться было некогда. Ведь если не поставить стену до зимы, то, возможно, гора сползет на нас при первом же сильном дождевом потоке, а вместе с ней и дом соседей, стоящий на макушке горы.

Параллельно с подъемом стен первого этажа самого дома, за ним шла стройка нашей «китайской стены», как мы её шутя называли. Экскаваторы, краны, грузовики, тракторы и другие виды машин, которые умещались на территории сада, теперь уже очищенного от старых иссохших деревьев, гарцевали на стройплощадке. Работа кипела вовсю. Подборка красного туфа из Армении велась постоянно – хотелось, чтобы везли из каменоломни именно тот камень, что я выбирала по фотографиям или видеоматериалам. Казалось, всё имеет значение – от размера и до оттенка, и я стала уже понимать, как расположены слои туфа в карьере – от темного внизу и до самого светлого на поверхности.

В то же самое время мы решили начать и строительство музыкальной студии рядом с домом, и через несколько дней я сидела на телефоне и руководила из Нью-Йорка тем, что надо сделать заново, что переделать и за что похвалить бригаду наших строителей. Фундамент под одноэтажную студию вскоре тоже был заложен! Работа кипела. Мы не собирались останавливаться до самых холодов, надеясь, что к новому 2021 году детям Хндзристана будет где заниматься музыкой и выступать в концертах. Надеялись,

что Рождество они встретят в здании новой студии, даже если сам дом не будет достроен. А параллельно со строительством студии в деревне мы с Гагиком уже стали набирать детей для обучения музыке, приступили к закупке инструментов и всего необходимого.

Однако, как оказалось, судьба готовила нам чудовищные сюрпризы. Самые чудовищные, какими сюрпризы только могут быть. Судьба готовила нам войну. Казалось, все это произошло неожиданно, хотя наверняка военные чины страны должны были знать, а точнее – обязаны были это предвидеть и быть готовыми к тому, что нас всех ожидает еще до наступления нового года. Всех арцахцев, живших как в самой республике, так и в диаспоре. Но ни сам Арцах и ни мать Армения не оказались готовыми к войне. Не берусь анализировать политические события тех дней, но однозначно могу высказать своё субъективное мнение: война приближалась со дня окончания первой карабахской войны, но ни правительство Арцаха и ни правительство Армении (хотя все отлично понимали, что Арцах никогда не действовал самостоятельно, он всегда был под влиянием как Армении, так и России) не отнеслись серьезно ни к перевооружению своих войск, ни к обучению их новым методам ведения боя. Это была иная война, война нового типа, незнакомая прежде. Конечно, Азербайджан не впервые пытался напасть на Арцах, но их прежние неоднократные попытки после войны 90-х были успешно отбиты. Казалось, что нынешняя война такая же, что были прежде, однако – нет, это война унесла десятки тысяч молодых жизней с обеих сторон. Она была беспощадной и варварской со стороны нашего врага. Варварской и по отношению к гражданскому населению.

Началась она 27 сентября 2020 года и с переменным успехом шла в пользу Азербайджана, которого поддерживали как живой силой, так и оружием дружественные ему страны, такие как Турция, Израиль, Пакистан. Они не гнушались нанимать для участия в боях разного рода террористов из соответствующих организаций, запрещенных во всем цивилизованном мире. Но более всего было знать, что Азербайджану потакает и Россия. Та самая Россия, на которую уповал до последней минуты народ Арцаха.

Чуда не случилось, Россия не была на стороне армян. Мало того, заняв позиции в Арцахе, она лживо вселяла в арцахцев надежду на то, что мир в этом пылающем регионе будет налажен. Но постепенно стало ясно, что российские миротворцы пришли со своей, нужной им целью: помогать нашим врагам, и этот позорный факт подтвердился падением неприступной крепости Шуши и героического Гадрута. Миротворцы не помогали армянам, хотя цель их присутствия якобы состояла именно в этом. У армянского народа не нашлось ни одной дружественной страны в мире, которая бы протянула руку военной помощи, как и ни одна страна реально не осудила варварские действия Азербайджана – убийства и пленение не только военнослужащих, но и гражданских лиц Арцаха, включая стариков и детей, издевательства над пленными и ранеными, надругательства над женщинами, заснятые на видео, как и зверское расчленение тел убитых ими или живых людей, использование запрещенного международными конвенциями оружия – фугасных бомб. Все законы ведения войны были полностью нарушены, но мировое сообщество закрыло на это глаза.

Героически сражались и гибли наши мальчики в Арцахе. Получили ранение множество наших бойцов. Они держались до самого конца, они не сдавали позиций, и нам казалось, что мы стоим свои земли. На фоне имен героически погибших ребят Штаб армии Армении информировал народ о наших блестящих успехах на фронтах, вселяя в нас надежду на победу и изгнание врага с наших земель. Кто же мог предположить, что люди в военной форме откровенно лгут с экрана своему народу? В то же время, слушая выступления главы правительства Азербайджана, мы терялись в догадках: где же правда?

Сора с моими азербайджанскими друзьями, с теми, с кем прошла наша молодость в Баку, с теми, с кем мы вместе выступали на сцене, трапезничали за общим столом, произошла не наяву, а в сети, когда они стали поздравлять друг друга с победой в открытой ленте интернета. И только теперь я поняла, что все их признания в любви и извинения за наше изгнание из Азербайджана

на в 1988-1990 годах были ложью. Тогда, когда мы расставались с ними в Баку, и потом, когда мы виделись в России или уже у нас в Нью-Йорке, они извинялись за содеянное их властями, а точнее, представителями так называемого «Народного фронта». Они подчеркивали, что от них ничего не зависело, что они не защищали нас, армян, своих друзей, знакомых и даже своих же родственников-армян, вопреки собственной воле, что у взбесившихся членов партии «Народный фронт» были свои цели в перевороте и смене правительства Азербайджана. И мы, веря нашим друзьям-азербайджанцам, продолжали общаться с ними до самой 44-дневной войны. Но теперь...

Вдруг моя подруга-азербайджанка стала рассказывать мне на страницах Одноклассников, какой они древний народ и как в учебниках и фильмах советских лет их постоянно обманывали, принижали, в то время как азербайджанский народ древнее армянского. Но этого было мало. Она стала уверять, что не только Нагорный Карабах, но и сама Армения – их страна, которую у них отобрали армяне. Однако теперь, убеждала она, когда они вернули себе Карабах, армянам предстоит распрощаться и с самой Арменией, ведь даже Ереван, столица так называемой Армении – древний азербайджанский город, и это их хан построил Ереванскую крепость. Она переслала мне какую-то липовую фотографию, где был изображен немолодой крестьянин у старой телеги, и с помощью этого снимка из сети пыталась доказать, что это азербайджанец, заснятый каким-то немецким путешественником в XVIII веке в Баку. Но это могла быть фотография кого угодно, находившегося где угодно на земле. Если раньше она сама мне перечисляла, какие дома в Баку были построены миллионерами-армянами ещё до революции 1917 года (она сама жила в районе, построенном армянами), включая драматический и оперный театры, то теперь моя старая подруга стала доказывать мне превосходство своей нации. Та самая подруга и коллега по сцене Нара. Та самая подруга, которая прилетала в Нью-Йорк по делам и искала встречи со мной; та самая, с кем мы вместе сидели опять за одним столом, а затем я возила её на прогулку по Манхэттену,

вдруг заявила мне в сети, что Армении никогда не существовало, что Армения – это, оказывается, всего лишь часть Азербайджана, что теперь они знают это доподлинно. Она дала мне понять, что теперь её устраивала «новейшая история» от их правителя, и другой она больше знать не хочет. Чтобы не разругаться в прах с когда-то близким нам человеком, тем более что к ней на помощь в сети подключились и её местные подруги со своими наивными и глупыми «фактами» из страниц Википедии, составленными их владельцами-азербайджанцами, я предложила им ознакомиться с фактами из реальных нейтральных источников, исторических книг или хотя бы из учебных пособий по истории, изданных задолго до возникновения Советского Азербайджана.

К счастью, не все поверили в «новую историю», высосанную из пальца нынешним правительством Азербайджана. Для них история древних книг оказалась важнее и, однозначно, правдивее. И войну они тоже не приветствуют. Но я уже не поддерживаю никаких отношений ни с одним из бывших друзей-азербайджанцев: зачем рисковать? Кто знает, что они скажут завтра? Им нет веры. Право на веру они утратили давно. Мне уже нет до них дела. Они для меня исчезли. Совсем.

Убеждая народ вернуться из Армении в Арцах, российские миротворцы обещали полную поддержку и оборону в случае нового нападения Азербайджана. Как это ни странно, народ опять поверил в обещание, хотя уже не раз убеждался, что их слово и даже подписанные документы ничего реально не стоят. Арцахцы вернулись в страну уже без Шуши, Гадрута и других районов, которые в общей сложности составляли семьдесят пять процентов всей территории Арцаха. Народ поверил, народ вернулся и принялся за строительство разрушенных зданий и постройку новых домов для тех беженцев, которым некуда было вернуться.

В нашем Хндзристане тоже начались восстановительные работы. И мы тоже продолжили строительство наших фамильных домов. Снова наладилась доставка туфа и другого необходимого строительного материала. Мы продолжали начатое дело. И я, находясь в Нью-Йорке, после перенесенного уже во второй раз Ко-

вида, вновь засела у экрана телефона или компьютера. Деньги переводились исправно, так как степанакертский банк также открылся после войны. Работа шла, строительство ширилось, люди верили в подписание мирного договора, народ возвращался.

– Вета, мы продолжаем строить? Ты уверена? – спросил меня Гагик в разговоре по телефону ранним утром.

Во мне боролись два чувства: страх за своих родных, вернувшихся назад (а вдруг этот ужас продолжится?) и в то же время желание продолжить стройку. Мы ведь хотели верить, что к нам в Арцах прилетели помочь добрые волшебники – российские миротворцы. Нам очень хотелось в это верить, ведь строительство в Арцахе шло полным ходом. Дороги восстанавливались, строились дома для ныне бездомных арцахцев. Многие верили в лучшее... Горе потерь заглушало логику, хотелось верить в помощь даже тогда, когда видели явное предательство. Верило большинство, но, конечно же, не все. Были люди, которые так и не вернулись назад после эвакуации, ибо их не удалось убедить в том, что больше ничего плохого не случится, что теперь армяне под надежной защитой России. Они не поверили и не вернулись на родину, тем более что многим просто некуда было возвращаться: их дома уже были у наших врагов, а убедить их начинать всё с нуля в поисках нового жилья в другом селе или городе Арцаха, где тебя и твоих предков не будет знать никто из новых соседей, мало кому хотелось. Ведь вековая привычная жизнь в родном селе или городе, где соблюдались свои традиции и устои, которых придерживалась и твоя семья, это совсем другое дело. Вот некоторые и не вернулись. Да и растить детей и внуков практически на пороховой бочке тем, кто уже потерял своё вековое место жительства, не хотелось. Не смогли, не захотели, не поверили, тем более что никто никаких гарантий не давал. А те, кто вернулся, не то чтобы сильно верили, что все беды уже позади, они просто возвращались от любви к своим истокам и, возможно, от желания исправить ошибки прошлого.

Когда ранним утром в Степанакерте вражеской бомбежкой накрыло двор семьи моего двоюродного брата Валерия Арушаня-

на, спортсмена, учителя физкультуры, ветерана войны 90-х, я только успела помолиться за них – слава богу, они с женой и взрослым сыном остались живы. Тогда их вывезли в Шуши, где собирали всех пострадавших от бомбежки.

Я никогда в жизни не ощущала себя так правдоподобно где-то вне дома, так ярко и чётко, как это было в эту войну, 44-дневную. Находясь в Нью-Йорке, я почти физически перемещалась туда, в Арцах, думая о своих близких или разговаривая с ними по телефону. Я ощущала себя с ними рядом, слушая новости или читая о боевых действиях. Каждая новая печальная информация заставляла погружаться мысленно в Арцах, ибо всё, о чем говорилось, было родным и хорошо знакомым. Я переносилась мысленно туда, на родину. Вот я с ними вместе на передовой, вот в холодных и мокрых окопах, а вот на кладбище героев. То я в подвалах вместе с ними прячусь от бомбежки, то делю последний кусок хлеба или одну конфету между несколькими детьми. Я будто с Таней Мирзоян, балетмейстером, женой Гагика и старшей сестрой юной Сталины Асриян, героически погибшей в 1993 году, и с другими женщинами Арцаха плету маскировочные сетки... А вот я с Гагиком и другими соотечественниками в возрасте заполняю водой бутылки и отправляю их на фронт.

Я плакала вместе с ними, я страдала с ними вместе, я надеялась на лучшее вместе с ними. Я каждую ночь видела страшные сны, как надо мной летят беспилотники и я становлюсь их целью... И вот я бегу, бегу, бегу от них и никак не могу убежать. Разгром азербайджанцами купола Казанчецоца* в Шуши снился мне почти каждую ночь. И снова я бежала и бежала. Но бежать во сне мне приходилось часто, ещё когда я видела в этих продолжительных снах свое возвращение в Баку. Боже, какие же это бывают ужасные сны, когда мы снова оказываемся в Баку и не знаем, как из него выбраться!

Это происходит и сейчас. И эти сны с бегством не прекращаются. Мы по-прежнему в моих страшных снах прячемся в нашей

* *Казанчецоц* – собор Святого Христа Всеспасителя с отдельной колокольной, построен в конце XIX века, высота 35 метров.

с любовью ухоженной, уютной трехкомнатной хрущевке на четвертом этаже дома номер 15 Третьего микрорайона. Вот по-прежнему пылает в пламени за нашим домом часовая мастерская папы и обувная – дяди Алёши Долоханова. По-прежнему мы слышим удары в дверь и мерзкие голоса нелюдей, орущих в поисках жертвы: «Армяни, бурдасан?!», а мы молчим, чтобы нас не нашли. Замираем. Но на двери по-прежнему написано по-доброму: «Доктор Мирзоян В.С.», и это та самая квартира, куда прибегали к доктору с больными детьми в любое время дня и ночи. Бежали не в «Скорую помощь», а к знающему и опытному врачу домой, и, возможно, даже и те, кто сейчас зверем орёт и пугает: «Армянин, ты здесь?!» за нашей дверью. И опять во сне горит машина моего брата Карена... На улице слышна громкая азербайджанская речь, она становится пугающей, угрожающей и звучит всё громче, и громче, и громче!!!... Она обрывистее и резче...

Я внезапно просыпаюсь... от громкого лая собак! Боже, это был лай собак! Я испугалась во сне голосов орущих варваров, окруживших наш дом, но это был всего лишь лай собак на улице. Как их орущие голоса перешли в лай собак? Слава богу, я не в Баку, я не там, нас там нет... Я смотрю на потолок над моей кроватью, где медленно крутятся огромные лопасти вентилятора, и замираю – это его я в темноте ночи спросонья приняла за беспилотник и никак не могла убежать. А он кружил и кружил надо мной... Это был сон, страшный сон. Я сейчас в своём собственном особняке, я дома, я в Нью-Йорке. Моя семья со мной, всё хорошо.

Мамина версия аутотренинга всегда срабатывает при панических атаках: «Ты сама себя должна убедить», – говорила она, когда что-то шло не так и надо было собраться.

Я полностью просыпаюсь и не спеша иду умываться, чтобы сбросить с себя ночной кошмар. Я принимаю душ, чтобы отмыться от страха и ужаса войны и резни. Я боюсь посмотреть на себя в зеркало – глаза отказываются видеть себя такой: лицо моё сморщено не возрастом, а ужасом событий и бесконечными жуткими эхо-снами.

Я завариваю кофе. Так рано я не ем. Шесть утра. Мои ещё спят, будить не буду. Мне надо собираться на работу в школу, дети ждут своего учителя. Мне надо сесть за руль и ехать на работу, полтора часа в один конец. Я директор, без меня нельзя. Мне надо работать, мне надо зарабатывать, мне надо восстанавливать дома моих предков в Хндзристане. Мне надо! Я должна, я обещала...

– Да, Гагик. Строим дальше.

– Ты ведь знаешь, что Хндзристан находится в Аскеранском районе. Часть района захвачена, ты это понимаешь? Они там, рядом.

– Но все ведь строят. Степанакерт застраивается. В Хндзристане тоже стройка, я передала для беженцев из Шуши десяток мешков с цементом. Гриша попросил. Они строятся, почему нам не продолжить?

«Ну не настолько же они не разбираются в нынешней обстановке, правда? – думалось мне о правительстве Арцаха. – Они ведь отвечают перед своим народом. На пару с миротворческим контингентом они уговорили сто двадцать тысяч человек вернуться назад – значит, им безопасность гарантирована. Раз правительство продолжает строительство – значит, войны больше не будет. И мы можем продолжить», – думала я.

– Я тоже хочу верить, но не знаю, что тебе сказать, сестра джан. Давай продолжим, раз ты так решила.

– Артак сказал, что к моему приезду вся дорога в Хндзристане будет уже отремонтирована. Он ведь знает, – ссылаясь на своего кузена, сказала я.

– Да. Там идут работы. Где-то асфальт положили, где-то плитку и булыжник. Вот смотри, я заснял вчера. – Гагик скинул мне фотографии.

– Какие молодцы! Хорошо смотрится. Думаю, правда проедусь по новой уже дороге, когда приеду.

– До самого клуба выложили, идут выше, – без особых эмоций сказал брат.

– Ну вот видишь, – радовалась я.

– Значит, работаем. Хорошо, я скажу Грише, он соберет ребят, я привезу материал из Степанакерта.

– Гагик, Викуля вылетает из Нью-Йорка и скоро будет в Арцахе. Она заказала полукруглые стекла для дома в Шенамаче, должны привезти из Еревана в Степанакерт. Она их заберёт, – дала я знать о приезде дочки Иды, моей племянницы.

– А нельзя было обычные заказать? И дешевле, и быстрее.

– Но там же каменные проемы на окнах сверху сделаны дугой. Все равно надо делать полукруглый верх на стекле. И потом, Ида так хотела, стёкла целиком.

– Ладно. Договорились, продолжим стройку. Тем более, людям работа нужна. Спасибо, что даете заработать мастерам.

– Нашел что сказать, – недовольно ответила я.

– Хорошо. Завтра закажу грузовик розового туфа из Армении, продолжим стройку дома и студии в Кярихохе.

– Банк работает?

– Да. Можешь посылать...

– Хорошо. Ночью скину, утром заберешь.

– Договорились.

– Да, еще проследи, пожалуйста, чтобы цвет туфа был такой же, – сказала я. О чем я тогда думала?

– Прослежу, – как-то отстраненно ответил брат, потом вдруг вспомнил: – Слушай, что с ежевичным кустом делать? Он перевалился за ограду, аж на деревенскую дорогу вываливается.

– А перенести глубже в сад нельзя?

– Ты что! Этому кусту лет сто уже. Там корни разрослись метра два в глубину и метров пять в ширину. Это никак не перенести. Легче вырубить то, что перевалилось через ограду.

– Не жалко? Ягоды ведь классные. Варенье можно сварить...

– Не переживай, куст обростёт потом еще много раз, – ответил он с легкой грустью. – Ладно, Вета, решили. Строим дальше.

Особой радости у нас не было, но мы не могли оставить начатое дело незавершенным. Среди горя и потерь жизнь всё же продолжалась.

Стройка наша возобновилась, мастера продолжили работу... Я досконально проверяла цвет камней в грузовике, везущем из Армении туф к нам на стройку, чтобы стены первого этажа были того же цвета, какими будут стены второго. Просила разгружать осторожно. Ребята работали вручную, встав цепочкой, чтобы не побить камни при разгрузке с самосвала. «Эти для первого этажа, эти для второго, где будет внутренняя мансарда, а этот грузовик для студии и для бани», – думала я... Камни, камни, камни... Даже «болгарку» приобрела новую, чтобы аккуратно разрезать камень при необходимости, а не бить его каким-то еще способом, чтобы использовать только половину или четверть его на стыке стен.

Что у меня было в голове тогда, почему мы верили, что возвращаемся к жизни и строим на родине свои фамильные дома на своих исконных родовых землях, принадлежащих нам испокон веков? Чему я верила? Кому?

– Вета, привет! Арматурные колонны поставлены. Будем их заливать бетоном по мере подъема стен, – сказал Гриша, позвонив из Хндзристана.

– Молодцы! Спасибо, ребята! Сколько колонн? – спросила я, понимая, что дело продвигается в хорошем темпе.

– Всего девять на весь дом, как было на чертеже архитектора и на твоём, – ответил он.

– Хорошо. А высоты хватит?

– Да. Высоты достаточно, под крышу, не волнуйся, – ответил мой кузен Гриша Григорян, старый строитель, кто управлял не одной стройкой и имел большой опыт строительных работ ещё с советских времен, работал он и за рубежом. – Гагик вышлет фотографии, посмотришь.

Фотографии и видео поступали чётко, и я видела, как безустанно трудятся мастера, чтобы успеть до холодов.

Работа спорилась, но настроение было далеко не радостным. Тревожная информация переполняла СМИ, и мысли металась в голове как запятые в клетке звери.

– Вета, останови стройку, – сказала мне по телефону Рита Гулян, когда посетила деревню, приехав туда из Краснодара. Да, та

самая моя подруга детства, которая радовалась ещё пару лет назад, что мы с Идой перестраиваем наши старые фамильные дома, а стало быть, чаще будем видеться в Хндзристане.

– Почему?

– Я была в деревне, видела, что ты после войны возобновила стройку. Все бы хорошо, но...

– Ты не веришь?.. – все же надеюсь, что она ответит положительно, спросила я.

– Нет. Не верю. Лучше останови. Ну, хотя бы сейчас, – возможно пытаюсь смягчить удар, сказала Рита.

– Но Гагик сказал, что в деревне идет стройка, я решила тоже продолжить, – не особенно уверенно ответила я.

– Какой смысл? Они уже у нас под носом. Я не верю, что они остановятся, – печально заключила Рита.

Те же опасения выразила и Таня Нариманян, чья семья жила в том самом доме на горе, который стоял над нашим домом. То же самое сказала мне и Рита Бегларян – побывав в деревне, она написала мне: «Вета, не строй больше!..»

Однако в сети крутились документальные фильмы о стройке в Хндзристане. Увидев, как Самвел Енгибарян, учитель и сын моих друзей, продолжал строительство своего нового дома уже после войны, я решила, что всё же я тоже продолжу. Но...

Мне было грустно осознавать, что, несмотря на стойкость наших солдат и гибель десятков тысяч наших героев, несмотря на все перенесенные ужасы, мы по возвращении на родину вновь оказываемся в беззащитном положении. Ни одна подписанная Азербайджаном бумага не может быть принята всерьез. Она не давала никаких реальных гарантий нормальной жизни при их правлении в Арцахе. Мы и наши предки уже жили бок о бок под азербайджанским флагом, но к чему это привело в итоге для армян в этой республике, стало известно всему миру. И такое в Азербайджане происходило не единожды. Это был рецидив.

Еще в 1905 году в российском тогда Закавказье царским правительством были спровоцированы армяно-татарские (или армяно-мусульманские) столкновения, во время которых были убиты

несколько тысяч армян в разных губернских городах, включая Нахиджеван и Баку. Хотя пострадали и сами кавказские татары, получая отпор от армян. А как иначе? Затем на начальном этапе строительства социалистического общества была резня армян в Баку в 1918 году. Та самая резня, от которой удалось бежать из Баку назад в Карабах моим бабушке с дедушкой, Люсик и Согомону – маминым родителям. Но она и для них завершилась трагически – в подвале частного дома, где им помогли укрыться от турецко-азербайджанских преследователей, они потеряли своего младенца-первенца, умершего у них на руках от голода и холода. В резне армян 1920 года в Шуши пострадала семья бабушки моего супруга, Анаит Андраниковны Абрамовой, чей первый муж погиб в те дни, обороняясь от кавказских татар. Стоит ли напоминать, что резня армян Азербайджана повторилась и в последние годы существования агонизировавшей страны – СССР? Издевательства, насилие и убийства армян продолжались по нарастающей с 1988 года и завершились последним погромом армян Баку в январе 1990 года. Эти жестокие события мы уже ощутили на нас самих, живя тогда в столице Азербайджана. Нам ли было не знать в 2020 году, после войны в Арцахе, что обещания азербайджанского правительства, как и сама их подпись под любым гарантирующим мир документом, никогда и гроша ломаного не стоили.

Но одно дело ждать подлости от Азербайджана (здесь не было ничего нового), а другое – впасть в шок от пассивности правительства Армении. Было бессмысленно теперь уповать на вмешательство «матери Армении», которая, казалось, пустила послевоенные события в Арцахе на самотёк. Да и в войну ее правительство особенно не напрягалось: даже не была объявлена мобилизация ни регулярной армии республики, ни самого населения. Народ страны тогда принимал решения сам, героически отправляясь на защиту Арцаха. Они сражались бок о бок с Армией обороны Арцаха и народным ополчением, они гибли в Арцахе, они возвращались назад калеками, они честно пытались отстоять свой арцахский народ в беде.

В то же самое время правительство Армении жестко пресекало все попытки армян диаспоры воевать за Арцах. Мужчин, приехавших на помощь из Америки и других стран, просто отправляли назад.

На границе все так же продолжались провокации и перестрелки практически каждый день: снайперы (зачастую нанятые Азербайджаном в Украине или в России – об этом знали все) отрабатывали свои кровавые деньги регулярно. Всё это происходило на глазах у вооруженных до зубов миротворцев, которые оправдывали свое бездействие отсутствием приказа использовать оружие. И в дальнейшем все самое худшее происходило именно при них – всё так же продолжали идти бои и гибли армянские мальчишки, а также была заблокирована единственная дорога мнимыми азербайджанскими «эко-активистами», облаченными в натуральные дорогие шубы, которые под носом у российских миротворцев трясли мертвым голубем. И, как результат их бездействия, при них произошла почти годовая блокада Арцаха, приведшая к исходу всего оставшегося армянского населения. И до последнего момента – взрыва на бензоколонке – безучастность миротворцев в обеспечении безопасности гражданского населения, а иными словами – в предотвращении варварства, была очевидна.

Во что мы верили в диаспоре? Во что мои земляки верили в Арцахе? На что мы надеялись? Почему до последнего дня передвижения по Бердзорскому коридору мы ещё продолжали строиться в городах и сёлах Арцаха? Почему мы не понимали, что нас с потрохами сдали врагу, что мы проданы, преданы как чужими, так и своими же предателями.

Казалось, что мы сможем продолжить стройку, но постепенное сужение передвижения в Армению и обратно разбило все надежды на мирное урегулирование. Стало ясно, что дорогу закроют совсем. В итоге, при молчаливом попустительстве миротворцев, азербайджанским КПП не были пропущены вереницы из нескольких десятков рефрижераторов, груженных до отказа международной гуманитарной помощью голодающим арцахцам, где уже от отсутствия еды умирали старики и дети, где от недоедания

теряли сознание сильные когда-то люди, где недонашивали младенцев беременные женщины. Мир делал вид, что ничего не происходит. Многочисленные международные наблюдатели беспомощно разводили руками, они видели всё, но не задействовали рычаги своего влияния на Баку, чтобы остановить очевидное преступление. Европейские наблюдатели молчали. Вооруженные блокнотами и ручками, они признавались, что ничего не могли предпринять. Или не хотели? Или у них не было такого приказа сверху? Они кивали, они видели всё, но – бездействовали.

Дорога, незаконно захваченная азербайджанскими войсками, периодически закрывалась под разными предлогами и вновь открывалась в редких случаях для представителей Красного Креста, пока не закрылась окончательно. Началась полная и беспросветная блокада Арцаха, длившаяся почти год...

– Привет, сестра джан, – позвонил Гагик из Степанакерта. – Я решил добраться до Хндзристана. Посмотрю, что из посаженного в огороде выросло. Соберу, привезу домой или раздам там, если будет нужно. Люди в деревне делятся кто чем может, раздают друг другу продукты. Посмотрю, как там наши. Может, помощь нужна.

– Везде так беспокойно. Может, не надо ехать?

– Да вроде ничего, поеду.

– А что ты в огороде сажал?

– Лоби, чеснок, зелень. Соберу, чего терять...

– Ты же сказал, что автобусы не ходят, бензина нет. Как ты доберешься?

– На попутках, а потом от перекрестка пешком.

– Ты что? Там такой подъем!..

– Не впервой, матах*. Я к детям на репетицию так уже ходил не раз.

– Береги себя. Зря не трать энергию. Будь осторожен. – Что я ещё могла сказать?

– Не бойсь, сестра джан. Всё будет окей, – сказал Гагик и повесил трубку.

* *Матах* – расхожее ласковое обращение арцахцев к собеседнику.

Какое там «окей», если еще пару дней назад мы безуспешно «ходили с ним за хлебом», только он был в Степанакерте, а я – в Нью-Йорке. Закрыв дверь своей квартиры на четвертом этаже, Гагик спустился вниз из первого подъезда их добротного пятиэтажного дома. Мы с моей Кристиной гостили в их с Таней уютной квартире, когда в очередной раз приезжали с концертами в Арцах в 2015 году.

– Ты опять не спишь! – напала я на него, ведь у нас было восемь часов вечера, а это означало, что в Арцахе пять утра.

– Я за хлебом. Обычно Таня дома печет, но мука на исходе. Вот и вышел, может, и нам достанется.

– Перейди на видеосвязь, – попросила я. Хотелось сопроводить его, чтобы ему не было одиноко идти по улице на рассвете.

Сквозь экран телефона я оглядела улицу Туманяна, по которой шел брат, как если бы сама находилась в Степанакерте. Погода была летняя, однако с позднего вечера до самого утра в Арцахе прохладно, и я почти физически ощущала эту горную свежесть. Было темно, редкие фонари освещали пустынную улицу. Ни души.

– Что-то никого не видно, – сказала я, оглядывая улицу.

– Сейчас подтянутся, наверное. Хотя, может быть, я чего-то не знаю. Возможно, объявляли, что хлеба сегодня не будет. Но все три пекарни на Туманяна обычно отпускают хлеб и днем, и ночью, правда, определенное количество, и не всегда всем достается.

«Ужас какой!» – подумала я, но вслух не высказалась – нечего нагнетать и без того накаленную обстановку.

Мы шли по улице всё дальше и дальше, но натыкались на закрытые двери пекарен и магазинов – и нигде ни души...

– Барев дзез, – вдруг с кем-то поздоровался брат.

– Барев, ахпер*, – ответил ему мужик солидного возраста. Увидев мое лицо на мониторе телефона Гагика, поздоровался и со мной.

Я ответила через экран и прислушалась к их с Гагиком разговору.

* *Ахпер (диалект)* – брат. На литературном армянском – «схбайр».

– Нет смысла идти дальше, там тоже все закрыто. Хлеба нет. Может, будет позже, не знаю, – сказал мужчина.

– Я вчера записался в одной очереди, но хлеба не хватило. Там около пятисот человек было в списке, а выдали только двести буханок, – сказал брат.

– Да, мне тоже не достался хлеб вчера. Знаешь, люди то учитывают списки, то лезут вперед, как только подходят к живой очереди. Сложно уследить, говорят, что стояли... Посмотрим, что будет днем, может, откроют еще, – грустно сказал мужчина, возвращавшийся домой с пустыми руками.

– Гагик, почему никто не следит за списками? – спросила я.

– А кто это будет делать? Не все же могут. Получают свою буханку и передают список другим. А те не учитывают его. То глубокие старики подходят – как не уступить? То дети маленькие – опять уступаешь. То беременные женщины приходят, к тому же с малышом на руках. Ты что, не уступишь им? Бывает, кому-то становится плохо, опять надо «скорую» вызывать или же самим помочь человеку и хлеб отдать ему первому. Понимаешь, это не армейский строй, это в основном пожилые люди старше меня или женщины и дети...

Мы вернулись с ним домой. Без хлеба.

На следующий день он написал: «Сестра джан, все в порядке. Я вышел в пять утра, организовал все же четкий список очереди вместе с двумя товарищами, и мы с ними простояли до конца выдачи хлеба. Ты же знаешь, можно простоять до вечера и уйти ни с чем. Но в этот раз мы получили по буханке, правда, ушли последними, чтобы очередь не развалилась...»

И это он называл «все в порядке». Я расплакалась от бессилия.

Мы все были на нервах. Каждое сообщение из Арцаха или об Арцахе впивалось в мозг и нещадно сверлило его.

Представители армянской диаспоры не молчали, включая меня, моих дочерей Юлиану и Кристину, а также мою племянницу Викторю. Они выходили на санкционированные митинги и одиночные пикеты в разных штатах, требуя открыть единственную дорогу из Арцаха в Армению и обратно. Нас видели с плакатами

у здания ООН в Нью-Йорке в воскресенье 20 августа 2023 года, с двенадцати часов дня и до вечера. Мы подписывали письма с прошением об открытии коридора жизни для Арцаха, мы давали интервью, мы убеждали, мы умоляли. Шла прямая трансляция по миру, наш протест видели все, но это тоже не дало желаемого результата. Ни наши с дочками интервью «Голосу армян диаспоры»*, ни интервью американским новостным каналам ни к чему не привели. Нас показали, нас увидели, нас послушали, и... о нас забыли.

Блокада превратилась в изгнание, изгнание – в новый геноцид армян. Нет нужды рассказывать о деталях изуверства чёрного стада нелюдей, нападавших на мой народ в Арцахе, так как документов в архивах скопилось великое множество и без моих свидетельств.

Могу сказать, как дочь и племянница врачей, что болезнь надо лечить, а не пичкать больного обезболивающими препаратами. Нужно установить причины болезни, чтобы задавить её на корню и не дать вернуться. А успокоительные средства – это не лечение, это кажущееся выздоровление. Это путь к рецидивам.

Это то, что мы, армяне, имеем сегодня. Мы не уничтожили зло на корню, мы его отбивали этими самыми «успокоительными» более тридцати лет, пока зло не окрепло и не уничтожило то, что мы имели по праву наследства – нашу родину Арцах. Безнаказанность варваров уже в который раз привела к рецидивам их варварства. И если враги виноваты в нашем изгнании, в нашей смерти и уничтожении наших исторических, культурных и религиозных ценностей, то мы виноваты в том, что не убереглись от этнической чистки, от истребления нашей армянской культуры всеми мыслимыми и немыслимыми способами. Мы не были прозорливы, мы не были готовы, мы не искореняли зло, мы его отгоняли подальше, по принципу: если его не видно – значит, его нет. Ошибка на ошибке руководства. Мы не требовали от мирового сообщества вовремя реагировать на истребление армян – корен-

* Армянское телевидение Нью-Йорка.

ных жителей Арцаха. Мы не готовились к тому, что болезнь людей не излечена и возможен новый рецидив. И он не заставил себя ждать.

Мне не хотелось бы завершать своё повествование описанием мрачных событий в моём родном Арцахе – моём Оазисе счастья, а потому завершу надеждой на лучшее, надеждой на справедливость. Надеждой на возвращение. И да, мы достроим свои дома в Хндзристане, как только варвары исчезнут навсегда со святой армянской земли с сияющим названием – Арцах.

...

Когда в конце лета 1989 года мы готовились к побегу из Баку, мы всё пытались найти логику в происходящем и никак её не находили. Мы тогда не знали о подводных камнях бакинских событий, мы видели только то, что лежало на поверхности – новая (забытая) ненависть к армянам, как виновникам всех неудач азербайджанцев, и всё из этого исходящее. А это не поддавалось никакой логике.

Мамины стенания: «Как же так, где советская власть? Почему армия ничего не предпринимает? Как такое возможно в СССР?» останавливал папа, говоря коротко: «Когда не можешь изменить – прими».

Все самые худшие случаи в нашей жизни папа подытоживал одной фразой: «Могло быть хуже». Библейская истина.

Мамина вера в справедливый конец после перенесенных страданий держит меня на плаву всю жизнь. Она всегда считала, что у меня «синдром второй лягушки», а это означало, что я не пойду ко дну в трудный момент, я не сдамся, я буду бороться до победного конца и поднимусь на поверхность, оставив ужасы в прошлом.

Папина любовь к нашей родной земле сидит во мне и в моих родных – в венах, под кожей, во всех извилинах мозга, в дыхательных путях, в сердечных клапанах, в ДНК. С головы до пят. Это неисчерпаемо. И от моих детей любовь эта переходит к моим внукам, а значит, перейдёт и дальше.

Наши односельчане – народ благодарный. Даже потеряв всё и находясь вдали от родины, они умудряются помнить лучшее из

худших моментов последней войны и блокады. Мне до сих пор пишут и звонят, шлют благодарности за родники, по моей идее поставленные моей сестрой в нескольких местах деревни. Они спасали село от засухи, они снабжали питьевой водой. До сих пор мне рассказывают, как люди прятались от обстрелов и бомбёжек в нашем новом каменном доме-крепости в Шенамаче, собравшись в нерки тоне массивного четырехбашенного здания и заперев железные ворота двора.

Ида, ты слышишь?! Все это было не зря. Дом выполнил свою защитную функцию: мой дом – моя крепость. Люди это помнят. Люди тебя благодарят.

Я уверена, что после любого содеянного кем-то зла всегда приходит победа над ним. Таков закон жизни – зло недолговечно. И мы дождёмся этого дня. Непременно дождёмся.

Ляля* ещё не все свои жизни прожила.

2025

Нью-Йорк

* Так с рождения называла героиню романа ее мама.

НАТАЛЬЯ ЛАЙДИНЕН

Родилась в Петрозаводске (Республика Карелия). Окончила Московский государственный институт международных отношений МИД РФ. Живет и работает в Москве. Автор одиннадцати поэтических книг, романов-путеводителей, сборников интервью с выдающимися современниками. Лауреат литературных премий, стихи переведены на несколько иностранных языков.

ДОРОГА МИРА И ДОБРА

То озеро имело вид кристалла,
Из облаков сияло изумрудом.
Моя душа над ним легко летала,
Нерукотворным восхищаясь чудом,

С высот гляделась в грани и глубины,
Чужие судьбы видела в движении:
Путь возрожденья, многотрудный, длинный,
Извечного единства постиженье.

Сгущенье ладана и нарда,
Свечей торжественный накал...

Молитвы гордого Гегарда
Звучат среди безлюдных скал.

А рядом бродит, неприкаян,
Дух – в тщетных поисках родни.
И ночью распевают камни
О славной древности Гарни.

Сухие колкие травы
Впитали ветер нагорий,
Легенды старого камня.
Они на ощупь шершавы,
В них память многих историй, –
Тех, что пройдут, но не канут.

Жена в селенье безвестном
Сплетала стебли печально:
– Невыносима разлука!
Душа пронизана песней
Армянской многострадальной
И горечью авелука.

В творенье мира не бывает пауз,
Непредсказуем каждый новый миг.
Вращается галактик звездный парус,
Летят лучи к сознанию напрямик.

Людской душе открыто созиданье
Божественному промыслу сродни.
Любовь и вдохновенье, состраданье
Меняют жизни, озаряют дни.

Нет смерти на пути преображенья,
Вмещает вечность возрожденья час.
Ты космоса бескрайнего движенья,
Вселенского сотрудничества часть.

Путь исправления бессрочен.
Покров неведенья сорви,
Освободись от червоточин,
Тяжелых примесей в крови,

Чтоб снова побежал по венам,
Вливаясь в души, чистый свет!..
И если эта жизнь мгновенна,
Пусть на земле оставит след.

Во мраке прорастет стихами,
От бури становясь сильней.
Увидят, кто идет за нами,
Не слезы – всполохи огней.

* * *

До земли родителям кланяйтесь,
Навещайте без суеты!
Отчий дом является кладезем
Силы, мудрости и доброты.
Не жалейте слов благодарности,
Не стесняйтесь вашей любви!
Только здесь все горести, радости
Можно с близкими разделить.
Мы в столетьях связаны нитями:
Сокровенно слово «семья».
Почитайте ваших родителей

Сердцем, дочери, сыновья!
Все уходит – и возвращается,
В нужный срок нам всем суждено
Повторить рождения таинство,
Продолжая подвиг земной.

В памяти светлеют лица,
Дали гаснут в небосводе,
Закрываются страницы,
Люди близкие уходят.

И друзей заветных меньше,
Тех, кто мудр, не легковесен.
Мастеров – взбодрить, утешить,
Вдохновить звучанье песен.

Все блуждающие звезды
На одно мгновенье рядом.
Тихий оклик, зов бесслезный...
Благодарности отрада.

* * *

В чужих краях искать другой судьбы,
А мыслями на родине остаться
И юности своей не позабыть...
Прозрения жестокое лекарство!
Бежать, сжигая связи и мосты,
Но понимать: нигде не будет места!
Другой язык – источник немоты,
Земля пуста без отчего наследства;
Душой туда стремись, лети, плыви,
Где нет еще фатальности исхода, –

К творенью жизни, таинству любви,
Слиянию воды и небосвода.

Мне дома пишется спокойно,
Мечтается, поется – всласть!
В родных краях питают корни,
С размаху не дают упасть.

И, если вдруг попал в опалу,
Тебя не понимает мир,
Вернись к забытому причалу,
Любовь и тишину прими.

Ты дашь отпор любому вздору,
Достоинно выступишь в беде!
Найди исконную опору
В семейном ласковом гнезде.

Нет смысла ждать случайных перемен,
Гонять по миру за удачей-птицей.
Пусть будет каждый день благословен,
Чтобы любви и мудрости открыться.

Ты сам судьбы создатель и кузнец,
В твоих руках – загаданное счастье.
Твори добро, тепло родных сердец
Тоску души излечит в одночасье.

Дари надежду ближним и друзьям,
Молись! Господь всечасный зов расслышит,
Проявит милость к блудным сыновьям,
Дороги жизни направляя свыше.

Пусть путь добра длинней, трудней,
Преграды делают сильней,
Перерождают дух и плоть:
Соблазнам их не побороть!
Огня в груди не затушить –
Горит от бездн и до вершин:
Во тьме к спасенью проведет,
Раздвинет гребни скал и вод.
Надежна, широка, мудра
Дорога мира и добра.

* * *

Позволь себе сегодня не спешить,
С рассветом птиц ликующих послушать,
И, затерявшись среди скал, в глуши,
Водой озерной успокоить душу.
Попробуй снова стать самим собой,
Обнять родных, с друзьями повстречаться,
Вернуть любовь, заклятую судьбой,
Поверить, что еще возможно счастье!..
В привычный мир назад не торопись,
Почувствуй пульс движения в природе...
Так долго мимо пролетала жизнь,
Но может статься, время на исходе.

ИВАН АЛЕКСАНДРОВСКИЙ

Историк, журналист, культуролог, путешественник. Родился и вырос в Москве. В 2000 году закончил МГУ. Кандидат культурологии. Автор десятков научных статей, рецензий и публикаций, коллективной монографии РАН, а также сборника путевых заметок «Оранжевый викинг». В настоящее время работает в Российско-Армянском (Славянском) университете.

КОРОТКИЕ РАССКАЗЫ

ЧЕЛОВЕК, КОТОРЫЙ ЧИНИЛ ВОЗДУХ

Он сидел у подножия Каскада*. Перед ним стояла медная коробка, из которой торчала спутанная проволока, а рядом покоился странный прибор, похожий на радиоприемник, только с трубкой от фонендоскопа и шкалой, размеченной от «приглушено» до «почти помнится».

Он крутил ручки, слушал шорох. Иногда – просто вглядывался в небо.

* *Каскад* – архитектурно-монументальный комплекс в центре Еревана с многоуровневой лестничной структурой, с террасами, фонтанами, концертными и выставочными залами. Автор проекта Александр Таманян, архитекторы Дж. Торосян, А. Мхитарян, С. Гурзаян.

Он всегда был здесь, почти каждый день, в одно и то же время – ближе к закату, когда солнце начинает бродить по ступеням, как рассеянный кот. Я проходил мимо по пути с работы, а однажды сел рядом.

– Это вы сами придумали?

Он пожал плечами:

– Это они сами. Просто кто-то должен держать антенну.

Он протянул мне наушники. В одном ухе шуршал дождь, в другом – кто-то говорил: «Ну подожди хотя бы до лета». Голос был женский, хрипловатый, очень знакомый.

– Что это?

– Это от здания на углу. Там раньше был магазин, а до него – почта. Этот голос гуляет там с девяносто четвертого. Сегодня ветер с юга, вот его и принесло.

Мы помолчали. На Каскаде смеялись туристы, кто-то пил кофе с мороженым, в небе лениво поворачивался голубь.

– Воздух стал не тот, – продолжил он внезапно. – Трескается по утрам, не держит запахи, теряет имена. А ведь раньше в нем было полно... – Он замер, вдохнул. – Я собираю обрывки. Чужие воспоминания, случайные фразы, тени от шагов. Их разносит ветер, как сигаретный пепел. А я их подпайваю, если не отломано окончательно. И жду.

Он приходил каждый день. Иногда со своим прибором, порой с блокнотом или с жестяной коробкой, полной непонятных предметов: пластмассовая пуговица, проволочная скрутка, обломок линейки. Говорил, что это фрагменты забытых ощущений, случайных разговоров, недописанных писем. Он их «соединял» – так он это называл.

– Память – штука ветреная, – сказал он как-то. – Она не живет в голове. Она как воздух: есть, пока есть кому дышать. Я просто чиню ее. Иногда мне кажется, что, если все соединить правильно, кто-то снова вспомнит. А если повезет – даже вернется.

Он говорил, что раньше этим занималась специальная лаборатория. В советские годы. У них были чертежи, как прокладывать каналы памяти вдоль улиц, как зашивать вечерние тени, чтобы не сквозило. Теперь он остался один. Но город все еще держится.

– Видишь, как свет ложится на фасады? Это небо не забыло, как здесь любили.

Однажды я спросил, что будет, если воздух вдруг «починится» полностью. Он подумал, провел пальцем по прибору и сказал: «Тогда кто-то, совершенно незнакомый, вдруг поднимет голову, вдохнет и заплачет. И сам не поймет почему».

На следующий день было жарко, а его не было. На скамейке под навесом лежала бумажка, перевязанная ниткой. Я развернул ее, там был список:

Слова, которые чаще всего теряются:

1. «*вот бы*»
2. «*а если*»
3. «*все как-то*»
4. «*но ведь*»
5. «*надо будет*»
6. «*и все же*»

С тех пор я начал записывать. Уловленное на ходу, почти неслышное, неважное на первый взгляд. Иногда казалось, что воздух хрустит мягче. Что ступени запоминают шаги. Что фразы держатся чуть дольше. А вчера, проходя мимо той же скамейки, я отчетливо услышал, будто вполголоса, совсем рядом:

– Ну подожди хотя бы до лета.

Я обернулся. Никого. Поднялся и стих ветер. Пахло нагретым туфом и арбузными корками.

ГЛАВНОЕ – НЕ СТОЯТЬ

В половине второго ночи я вышел на улицу и сразу понял, что сделал ошибку. Ветер дул такой, будто в Ереване открыли новый аэропорт – прямо на моей улице. Я поднял воротник, но воротник был от старой рубашки и вообще не справлялся с задачами.

– Такси надо? – послышался голос, а потом появился и сам владелец – пожилой армянин с лицом, по которому можно было бы изучать историю архитектуры.

– Надо, – сказал я.

– Куда?

Я задумался. Вопрос был коварный. Я хотел просто ехать. Неважно куда. Но это нельзя было сказать. Так водители пугаются.

– Домой, – сказал я.

– А дом где?

– Вот в том и дело, – ответил я. – Иногда кажется, что он в другом городе. Иногда – что в другой жизни. А сейчас, скорее всего, на другой улице. Кажется, Айгестан.

– Айгестан – это не улица, это дух, – сказал водитель. – Но садись, найдем.

Я сел. Машина была «мерседес» какого-то древнего германского года. Внутри пахло сигаретами, бензином и философией.

– Ты откуда? – спросил он.

– Из России. Но это не точно.

– А откуда в России?

– Из Москвы. Но это тоже не точно.

Он кивнул.

– Я когда-то жил в Краснодаре, – сказал он. – Там жена, дети, внуки и судимость.

– Судимость?

– Не страшно. За любовь. Там так нельзя любить, как я.

– Понимаю, – сказал я. Хотя, честно говоря, не понял.

Он посмотрел на меня в зеркало.

– У тебя хорошая печаль, – сказал он. – Она идет тебе. Я тоже раньше так печалился. А потом стал таксистом.

– И прошло?

– Нет, но стало веселее. Особенно ночью.

На площади Республики он вдруг остановился.

– Посмотри, – сказал он. – Это площадь. Тут сто лет как люди ищут справедливость, любовь и кофе по тысяче драм.

– А находят?

– Иногда. Но чаще – не то. Но не страшно. Главное – ездить. Останавливаться нельзя.

Мы поехали дальше. Радио играло что-то непонятное – возможно, это был шансон, возможно, армянский джаз. Возможно, записанный разговор двух стариков, спорящих, где вкуснее лахмаджо.

– Вот и Айгестан, – сказал он. – Кажется, ты дома.

Я посмотрел в окно. Действительно дома. Хотя – кто знает...

– Сколько с меня?

– С тебя – история, – сказал он. – Но короткая.

– Я однажды поцеловал девушку в метро, а она оказалась замужем за моим школьным учителем труда. Потом он меня узнал и пригласил на чай.

– Вот это отлично! – сказал он. – Такая история согревает лучше, чем газ.

Я вышел. Он уехал. А потом вернулся и сказал:

– Я забыл, куда ты ехал.

– Я тоже, – сказал я.

Он почесал затылок, я поправил воротник, и мы оба кивнули.

– Главное – не стоять, – сказал он. – А там уж как получится...

ЧЕТВЕРТАЯ СЕСТРА

В окрестностях Гюмри есть древний монастырь Мармашен. Тысячу лет плечом к плечу стоят над рекой Ахурян три его церкви, три каменные сестры. Старшую зовут Катогике, двух остальных – Северная и Южная. Их стены помнят бури, землетрясения, войны и тишину. Их купола видели, как рушилась земля и как рождалась надежда. В их сводах еще звучат голоса великих владык прошлого.

А внизу, у реки, жила когда-то старуха. Никто не знал ее имени, в селе говорили просто: «Та, что с камешками». С утра до вечера она собирала по берегу речки плоские камни, тащила сухие

ветки, глину, обломки кирпичей. И на краю поля, чуть ниже монастыря, складывала свой храм – крошечный, шаткий, похожий на детскую игрушку. Вода тихо шептала. Осенний ветер приносил запах мокрой глины и теплого дерева.

Каждое утро она возводила стену чуть выше, закрепляла ветки, укладывала камни. К вечеру храм чуть наклонялся – то дождь подмоет, то мороз прихватит, то корова хвостом заденет. Но к утру она снова была там – согнутая фигура в черном платке, шевелящая губами, будто сама с собой спорила.

Мальчишки дразнили: «Где твоя церковь, бабуся? Опять упала?» Она же только кивала и шла за новыми камнями. День за днем, камень к камню, сучок к сучку, глина к глине, строила она свой храм. Никто ей не мешал. Никто особенно и не помогал. Люди шли мимо, смотрели на нее: кто с жалостью, кто с удивлением. Некоторые приносили камни, другие – простой кусок ткани, чтобы крыша не текла. Старуха принимала их молча, без лишней благодарности, словно отмеряла каждому дару его место в вечности.

Однажды вечером, когда над рекой ложился мягкий свет заката, ее храм был готов. Крошечный купол дрожал, стены ходили ходуном, но держались. Старуха присела у входа и долго смотрела на три сестры – Катогику, Северную, Южную, – и ее маленький храм стоял с ними рядом. В ту ночь звезды светили особенно ярко – как церковные свечи, отраженные в спокойной реке.

А наутро храм исчез. Камней не стало, не было сучьев, словно сама земля забрала их. Старуху тоже больше не видели. Говорят, она ушла к реке, молча бросила последний камень, и вода унесла звук ее шагов. С тех пор в Гюмри рассказывают: храм старухи появляется только раз. Не в полночь и не на закате, а в ту единственную минуту, когда сердце человека до краев наполнено тишиной и памятью. Тогда рядом с тремя сестрами встает четвертая – крохотная, прозрачная, словно из света, что живет в камне. Войти в нее можно лишь раз. А потом – никогда. Тот, кто видел ее, уже больше не увидит вновь. И никто из тех, кому он расскажет, не поверит ему до конца.

С ДРУГОЙ СТОРОНЫ ПАМЯТИ

День был жаркий и пустой. Я сидел в кафе на Чаренца, в полутени под навесом. Не утром и не вечером – в то самое ереванское время, когда улицы чуть выцветают и город, кажется, сам хочет сесть где-нибудь в тени и подумать о прошлом.

Я и сам никуда не торопился, читал книгу, которую начинал трижды и все никак не мог закончить, потому что она каждый раз начиналась по-новому. Рядом кто-то ругался по телефону, туристы обсуждали вино, я их мысленно пропустил.

И тут ко мне подсел мужчина. В бежевом пиджаке и клетчатой рубашке. Лицо его было такое, будто его сначала нарисовали углем, потом стерли, а потом нарисовали снова.

– Можно тут?

Я кивнул. Было два свободных стола, но он выбрал мой. Он сел, заказал воду. Помолчал. Потом посмотрел на меня и сказал:

– Знаете, вы очень похожи на одного человека, с которым я когда-то разговаривал.

– Вряд ли это был я, – ответил я без особой приязни.

– Ну, возможно. Хотя кто знает, – сказал он очень спокойно. – Нет, ну правда. Та же манера сидеть. И вот это – когда вы бровь чуть вверх поднимаете, когда слушаете.

Я не ответил.

Он помолчал, а потом спросил:

– Вы случайно не были в Дилижане?

– Был, но недавно.

– А в девяностых?

– Нет.

Он кивнул:

– Ну вот, значит, не вы. Или не тогда. Или вообще – не с этой стороны памяти. – Потом добавил: – Просто... вы очень похожи на одного человека, с которым мы однажды просидели всю ночь, говорили о музыке и старых кораблях, о том, как странно человек взрослеет. Он еще сказал: «Мне кажется, я помню не то, что было, а то, что не сбылось». А потом он исчез.

– Исчез?

– Ну, просто не пришел больше, ни на следующий день, ни потом. Даже фото не осталось. Только ощущение, что был.

Мы еще немного помолчали. Станным образом мне не хотелось ни продолжать этот разговор, ни его заканчивать.

– Знаете, – сказал он вдруг, – вы можете забыть все это. Но когда в сентябре воздух станет пахнуть чернилами, мятой и каменной пылью – не удивляйтесь. Обычно именно в сентябре все вспоминается.

Он глотнул воды, посмотрел по сторонам, потом встал и ушел. Не попрощался. Даже не обернулся.

Подошел официант, забрал посуду, сказал:

– Ваш друг еще вернется?

– Не знаю, я пока не решил.

Я допил кофе. Сунул в книгу салфетку вместо закладки и медленно пошел домой. Было легко и спокойно. Хотя и немного грустно. Впрочем, в Ереване это почти одно и то же.

ВСЁ ОСТАЛЬНОЕ

В лавке на углу улицы Абовяна, между книжным магазином и мастерской по ремонту ключей, был магазинчик, который большинство прохожих просто не замечали. Узкая дверь, за ней темнота, запах сухих трав и старой бумаги. Над дверью висела вывеска с потускневшими буквами: «Время».

Внутри было тихо. На полках, словно в музее, стояли песочные часы. Десятки, сотни. Разные – крошечные, величиной с наперсток, и огромные, ростом с человека. В них медленно пересыпался песок всех цветов: черный, белый, янтарный, нежно-розовый, темно-зеленый, словно из растолченного стекла.

Хозяин лавки был худой седой человек с лицом, потемневшим, как старое фото. Он сидел за столиком, чинил маленькую лупу и почти не поднимал глаз.

– Сколько стоят часы? – спросил я, разглядывая полки.

– Зависит от того, чье время хотите купить, – сказал он, не глядя. Я усмехнулся, но он не улыбнулся в ответ.

– Вот эти, – указал я на высокие часы с золотистым песком.

– Эти проданы, – коротко ответил он. – Уже начались.

Я прошелся вдоль полок, разглядывая витражи. Почти на всех часах была крошечная бирка с именем. Имена были разные: мужские, женские, армянские, иранские, русские, испанские, странные, забытые. На одних уже вся верхняя колба опустела, на других песок только начинал медленно течь.

– А где мои? – спросил я, не понимая, зачем это сказал.

Он поднял на меня глаза цвета стертого серебра:

– Прямо за вами.

Я обернулся. На самой верхней полке стояли часы, и в них едва заметная струйка белого песка уже добралась почти до конца.

– Могу перевернуть, – сказал хозяин. – Но цена будет высокая.

– Какая?

– Всё остальное.

Я не стал спрашивать, что это значит. Молча развернулся и вышел.

На улице пахло кофе и бензином, играла музыка из ближайшего кафе. Люди спешили по своим делам, и никто не замечал лавки с надписью «Время».

Через неделю я вернулся. Дверь была закрыта, вывеска снята. На ее месте остался лишь след от ржавых гвоздей. Я так и не узнал, перевернул он мои часы или нет. И пожалуй, это к лучшему.

Из гастрономической рубрики
«ЖИЗНЬ НА МЕДЛЕННОМ ОГНЕ»

ЛАВАШ: БУМАГА ВРЕМЕНИ

Лаваш – как скрижаль, как письмо от бабушки, как плед на коленях. В нем есть что-то от древней карты, по которой можно пу-

тешествовать на край света. Он шуршит, как забытое любовное письмо, найденное между страницами толстой книги. И в этом шуршании – весь Кавказ: горы, виноградники, сквозняки, маленькие кухоньки с закопченными чайниками.

Все это хранится в его тонких, пропеченных слоях будто в кружевных оборках свадебного платья пожилой тетушки, которая ничего не забывает: кто с кем поругался на свадьбе, у кого прилипли хинкали ко дну кастрюли и кто первый раз в жизни попробовал гранат.

Его можно сложить треугольником – и получится кораблик, плывущий по супу. Можно завернуть в него сыр, зелень, вчерашние истории – и он тихо сохранит их, как конверт. Можно прикрыть им миску, чтобы мясо осталось теплым, и он станет одеялом.

В этом, пожалуй, вся мудрость и тайна: он ничего не меняет, но все делает лучше.

Есть в нем и характер. Если свежий – он гибкий, мягкий, как ласковое утро. Но стоит полежать пару дней – становится строгим, звенит, как честное слово. «Погоди, – говорит, – я еще послужу». И он служит: идет в суп, в запеканку, а порой и просто в руки – вместо тарелки.

Он знает, что в конце концов окажется на столе и все вокруг станут чуточку счастливее.

Я был знаком с одной семьей, в которой дедушка хранил лаваш в старинном сундуке, где раньше лежали письма и фотографии. «Так лучше вентилируется», – говорил он. Но мне кажется, он просто считал, что лаваш – это такая же семейная реликвия, как и пожелтевшие открытки с видами Татевы*. И может быть, именно поэтому, когда в доме пахнет лавашом, становится как-то спокойнее: значит, здесь помнят, что хлеб – это не просто еда. Это письмо, которое мы день за днем пишем друг другу и тем, кто молотил зерно и замешивал тесто задолго до нас.

* Татевский монастырский комплекс Армянской Апостольской церкви – исторический памятник IX в., один из важнейших духовных и академических центров средневековой Армении, жемчужина армянской архитектуры. Расположен в Сюникской области на высоком утесе, обрывающемся в ущелье реки.

БАНКА, КОТОРАЯ НЕ КОНЧАЕТСЯ

Есть в армянском подвале нечто посильнее любого антиквариата. Ни медный самовар, ни советская мясорубка с отбитой ручкой, ни даже пыльная кассета с «Битлз» не вызывают такой почтительной тишины, как жестяная банка с красной надписью: «Томатная паста». Не кетчуп. Не соус. А именно паста – густая, как февральская тоска по лету.

Эта банка не покупается – она передается. Иногда по наследству. Иногда – из багажника в багажник.

– Это наша, из Севана, – говорят с важностью.

– А у нас свои в Арташате делают – без уксуса и без вот этой вашей химии.

Паста в банке – это не продукт. Это компромат на скуку. Стоит открыть крышку, и кухня начинает разговаривать. Она вспоминает харчо, которое всегда варили в огромной кастрюле на три семьи. Вспоминает толму, куда добавляли ложку пасты «для цвета и характера». И даже бутерброды – хлеб, масло, томатная паста и щепотка сахара. Кто-то скажет: дикость! А мы скажем: детство.

У каждой банки свой звук. Пффф! – крышка поддается, и ты словно открываешь портативную машину времени. Воздух наполняется родными голосами:

«Варить надо на медленном».

«Сюда лаврушки не желей».

«Дай пасте раскрыться».

«Ты что, опять похудел? Ешь. Тут помидор. Витамины».

Иногда в подвале стоит целая батарея банок – темно-красная армия, готовая защищать тебя от унылых котлет и бесхарактерных макарон. Эти банки видели многое. Их клали в чемоданы, везли через границы, дарили на свадьбы. Про одну такую даже говорили, что она «пережила два развода и три переезда».

В них растворены запахи лета, голоса ушедших, привычки, которые уже некому объяснять, и надежда, что какой бы ни выдался день, ты всегда можешь приготовить что-то вкусное.

Порой мне кажется, что банки с томатной пастой появляются в доме не от походов в магазин, а просто... возвращаются. Их приносит время. Не то, которое на часах, а то, что дремлет в кладовке вместе с узелками чеснока, пыльной бутылкой уксуса и забытым мешком фасоли.

Есть также мнение, что паста в банке не кончается. Что, как бы ты ни вычерпывал ее ложкой, она все равно остается. Потому что ее главный ингредиент – не томаты, а память.

Память о длинных обедах, где никто никуда не спешил. О кастрюлях, которые варили медленно. О разговорах, которые шли по кругу, как хлеб по столу. О том, как важно было «дать настояться». И о том, как просто иногда быть счастливым: хлеб, ложка пасты и тень виноградной лозы над головой.

СУДЖУХ: ФИЛОСОФИЯ ВЯЛЕННОГО МИРА

Суджух не просто колбаса. Это страница древнего манускрипта, засушенная между двумя тетрадами. Это осень, которая не ушла, а притворилась куском мяса. Это припасенная сила, терпение и отзвук времени, которое никто не торопил.

Вот он – отдыхает в тени, как молчаливый дед, который видел больше, чем рассказывает. В нем нет спешки: чтобы стать суджухом, надо пережить многое – зной, соль, покой, трение, сушку, разговоры на кухне, пыльные дни и долгие вечера. Только тогда из мяса ты становишься чем-то большим.

С виду он суров. Вяленый, морщинистый, коричнево-бордовый, как старое дерево или сапоги, в которых прошли много. Его и правда можно принять за простую колбасу – сухую, вяленую, пикантную. Но это как сказать, что Ван Гог – человек, который рисовал подсолнухи. Формально – да. Но ты попробуй!

Запах у него – как тайна, разрезанная пополам. Сначала – специи: перец, чеснок, зира. Потом – густая тень мяса. А после – легкая тоска по огню. Не аромат, но воспоминание, зашитое в ткань

дня. Где-то между Кавказом, Ближним Востоком и балконной кладовкой любого уважающего себя армянина живет суджух.

Он висит, зреет, хмелеет, ждет.

Он никогда не суетится, он знает себе цену.

Есть настольные книги, а есть настольные продукты. В том смысле, что они должны быть на столе всегда.

Праздник? Суджух.

Огорчение? Суджух.

Гости? Суджух.

Никого нет? Тем более – суджух.

Иногда его держат в газетке. Иногда в тряпочке. Иногда в ящике комода или в гараже среди запчастей. Это все неважно. Суджух не обижается. Он умеет ждать. У него терпение старого горного учителя. Пока ты там бегаешь с виноградом и соусами, он просто лежит, плотнеет, чернеет, накапливает характер.

Суджух нельзя есть в спешке. Это преступление. Тут нужен ритуал. Сесть. Вздохнуть. Взять нож (желательно не новый, с историей). Срезать тонюсенький ломтик. Положить на язык. Подождать. И вот уже во рту начинается неторопливая беседа. О чем? О времени, которое рождает вкус. О божественной природе соли, сохраняющей всё. О шепоте специй. О древних караванных путях, которых давно нет на карте.

У хорошего суджуха всегда есть начало, середина и послевкусие. Это как рассказ. Сначала – вежливое приветствие: «Здравствуйте, я перец». Потом – сердечный разговор: «А я – кориандр, помните?». В финале – тихий аккорд, где все партии звучат вместе, и ты уже не понимаешь, кому принадлежит главная. Да и не надо.

Это хор осени. Философия вяленого мира.

Суджух не нуждается в хлебе, но может его простить. Он не просит вина, но в его обществе вино вдруг начинает вести себя прилично. Главное – не превращайте его в бутерброд. Суджух не любит фамильярности.

Тикает кухня, за окном гуляет ветер, на столе – кружка, легкий дым от чая. Кажется, кто-то однажды уже прожил этот момент и

оставил его как послание. Без подписи и адресата. Но ты открыл – и понял, что оно было тебе.

ЖЕНГЯЛОВ ҺАЦ*: ХЛЕБ, КОТОРЫЙ ПРОЩАЕТ ВСЕ

Если вы никогда не пробовали женгялов Һац, у меня для вас две новости.

Плохая: возможно, вы зря жили. Хорошая: еще не поздно все исправить, если под рукой есть немного теста и гора зелени, которую собрали не потому, что надо, а потому что так получилось.

Женгялов Һац – это не просто еда. Это ботанический концерт в тесте и травяной джаз на сковородке.

Что в нем? Зелень.

Какая именно, никто точно не скажет. Там может быть шпинат, кинза, зелёный лук, крапива, тархун, щавель, мята, иссоп, портулак, сныть, мангольд, какой-то подозрительный лист, который «ничего, он полезный» – и все это завернуто в тонкое, тоньше извинений, тесто и обжарено на сухой сковороде.

Иногда туда добавляют чуть масла. Иногда – соль, но с осторожностью: зелень должна говорить, а не кричать.

В любом случае женгялов Һац готовят по вдохновению. Порой – по фазе луны над Гегамскими горами. Иногда – по результатам вчерашней партии в нарды. Бывает, лепят вслепую, ориентируясь на тональность крика местного петуха. В особенно удачные дни зелень сама прыгает в тесто, потому что все сошлось: давление стабильное, сосед не шумел, ветер дует с юга.

В результате – всегда вкусно, но никогда одинаково. Потому что вдохновение, как известно, вещь капризная, особенно в муке.

Женгялов Һац родом из мест, где весной все начинает расти, особенно если его не просят. Это блюдо из простоты, из уважения к зелени и муке. Ему не нужен сервиз. Он чувствует себя

* Начальная буква в армянском слове «хлеб» (Һац) соответствует латинскому «h».

одинаково уютно в бумажке, на ладони, на капоте автомобиля, на горной тропе и в переходе метро.

Секрет женгялов һац – в руках. Машине такого не сделать, здесь нужно щупать, осязать: зелень должна быть живой, тесто – чуть упругое, обжарка – точная. Он готовится как комплимент жизни. Быстро, но не суетно. Просто, но с вниманием. И подается горячим, потому что смысла ждать нет.

К нему не нужно вино, не нужен суп, не нужен гарнир. Женгялов һац автономен, как армянская бабушка. Хочешь – с кислым мацуном. Хочешь – просто так, на ходу.

Это как разговор со старым другом.

Он говорит:

– У тебя нет времени? Съешь меня – и появится.

– Ты не знаешь, куда идти? Возьми меня – и по ходу решим.

– Хочешь остаться в тени? Хорошо, сядем вместе.

Он не спорит, не торопит, не навязывается, не делает вид, что знает ответы.

Он просто хлеб с теплым запахом весны. Иногда этого вполне достаточно, чтобы день не счелся зря.

МАЦУН: БЕЛАЯ МУДРОСТЬ

Есть продукты, которые шумят. Они трещат, шкворчат, кипят, требуют внимания, как актеры на сцене. А есть мацун, белый, смиренный, уверенный в себе без лишних слов. Если совсем кратко, то это молоко, пережившее смерть и воскресение. Оно перестало быть собой, но не исчезло, а изменилось, чтобы остаться. В этом и есть его мудрость – не противиться времени, но заключить с ним союз.

Когда мацун стоит на столе в глиняной пиале, кажется, будто мир наконец успокоился. Ни пара, ни дыма, ни суеты, только молчание и легкая кислота, как воздух в осенних горах. Вкус мацуна – это вкус умиротворенной необходимости: ничего лишнего, только то, без чего нельзя.

Армянская кухня держится на мацуне, как характер на выдержке, на способности молчать, когда другие спорят, и улыбаться, когда не осталось слов. Мацун не лечит, но напоминает, как прекрасно быть живым. Не утоляет жажду, но делает ее мягче. Не обещает счастья, но оставляет согласие. Не утешает, а просто присутствует – как утренний свет на стене, как гора за окном, как ладонь на плече.

Он в ладу со всеми: с чесноком, с хлебом, с зеленью, с острым соусом, который без него вопит и тянет одеяло на себя. Все, к чему прикасается мацун, обретает покой и гармонию. Даже перец рядом с ним вздыхает и смиряется.

К жару, хандре, похмелью и веселью – мацун подходит всегда. Он тихий посредник между очагом и душой, между гневом и прощением. Он хорошо знает, что всему свое время и что даже молоко может повзреть.

В деревнях мацун хранят в старых глиняных горшках. Сверху – корочка времени, снизу – вечность. С него начинается утро и заканчивается день.

Старики говорят, что мацун – это белая форма мудрости. Благодаря ему здесь помнят, что терпение не есть слабость, а кислота – не зло, а зрелость. Что жизнь не обязана быть сладкой, чтобы быть хорошей. А все важное непременно свершится, если позволить ему постоять при правильной температуре. И порой смысл жизни заключается не в сохранении свежести, но в умении спокойно и с достоинством меняться.

НЕЛЛИ ШАХНАЗАРЯН

Прозаик, драматург, публицист. Её пьесы ставились во многих театрах Азии и Европы. На основе ее пьесы «Встань, отвори свою дверь!» создан телефильм. Публикуемая монодрама удостоилась главных призов и особых дипломов на многих международных фестивалях (Армения, Россия, Иран, Украина, Германия и т.д.).

ПРОЦЕССИЯ

Монодрама

Т е р е з. Во что превратился этот дом...

Вчера, когда я ехала в деревню, и подумать не могла, что так нас примут... Ожидала, что односельчане наверняка уже отпёрли двери дома, комнату приготовили и вырыли для покойницы могилу... Сама себя обнадёживала, мол, все здесь друг друга знают – помогут. Не оставаться же мёртвой без погребения... Думала – мне бы только до деревни довести...

А мне-то казалось, умри – и кто угодно похоронит... Нет, уважаемая, нет, тут мы с тобой в расчётах ошиблись... Оказывается, и покойнику хозяин нужен, да еще какой!.. Есть же такие везучие, у которых друзья и родственники собираются и решают все

связанные с похоронами вопросы, а скорбящий остаётся со своим горем.

Ну скажи мне, свекровь, что мне теперь делать? На кого обижаться? Да и, как ты любила повторять, кто обязан? Неужели нет в этой деревне никого, кто бы тебе могилу вырыл?.. Выходит, ты и этой каменистой, покинутой и заброшенной земли недостойна?

Пока болела, всё ворчала: “Отвезите меня в мою деревню... Отвезите в мой дом...” Эти, что ли, за тобой смотреть бы стали? Да в дверь бы никто не заглянул, еды бы никто не принёс... Ну, подними голову да посмотри, как тебя родная деревня приняла... Машина ещё в деревню не въехала, а все уже по углам попрятались...

Подошла я к сидящим без дела под деревом мужикам – я-то подумала, нас дожидаются... Добрый день, говорю, люди, вот привезла покойницу, доставила. Теперь прошу, кто может, помогите, спустим гроб из машины, на пару часов в доме поставим – может, кто попрощаться придёт, сын издалека успеет приехать – я телеграмму послала, потом сядем, помянем покойницу, у меня уже всё готово... Думаешь, кто-нибудь пошевелился? Один за спину схватился и, кряхтя, домой направился, другой нагнулся и целый час шнурки на ботинках завязывал, а третий сквозь пыль посмотрел мне прямо в лицо и громко так заявил: “Вчера в Ереване на рынке персики за бесценок шли...” Мол, иди ты со своей покойницей...

Как бы продукты не испортились... Занести в дом, что ли... Вот выпивка – вино. Вот хашлама... Чемодан, венок, цветы, а вот и сумка...

Закрывает произвольно двери, остаётся с цветами в руках.

И почему этот человек так сказал: “Персики за бесценок шли”? Мне показалось, выругался про себя.

Водителя попросила, чтобы поехал через центр – хотела председателя сельсовета повидать. А там ни души, одна помощница. Он, мол, в город поехал, не сказал, когда вернётся, а в деревне

свободных рабочих рук нет – мужчины на сенокосе, женщины на рынках торгуют, возвращаются поздно...

“Как же так, – говорю, – я же вчера звонила, с ним говорила, обещал помочь... Как же теперь? – говорю. – Значит, и могилу не вырыли... Что ж, этой старухе так и оставаться не похороненной?..”

Ударила... в самое больное место ударила... Говорит: “Ты кому это, Терез, претензии предъявляешь? Ты за этой старухой нормально не присматривала, сдала в дом престарелых, убила её, а теперь на нас наезжаешь?.. Ещё мне спасибо скажи, – говорит, – что всем рты позатыкала, мол, не такая Терез невестка, не поступила бы она так... Но кому объяснишь, вся деревня только об этом и говорит... И кстати, может, из-за этого никто и не подставил тебе плечо”.

Вот так оно всегда... Когда нужен был кто-нибудь рядом – никого не находила и всегда со своей болью одна оставалась, один на один.

А разве Терез обязана была делать двойные траты, в одиночку, на собственном горбу везти тебя в это богом и людьми забытое место, только чтобы волю твою последнюю исполнить?.. А ведь ты ни одного дня с мужем своим без скандала не прожила... Я-то уж хорошо это знаю... Пьяный, на бровях, едва до дому доходил, а ты уже в крик... Разве не ты мечтала хоть пару лет без него прожить – мирно, спокойно? Ох, как я мечту эту твою понимала! Только вот с чего это ты вдруг возжелала после смерти непременно рядом с ним упокоиться – это мне не понятно. А если и на том свете грызться начнёте, соседям-покойникам досаждать?..

Нет, свекровь, ты это придумала, чтобы меня помучить. Особое наказание изобрела... А то какая тебе, мёртвой, разница, где похороненной быть?

Последнее желание... Когда ты, уважаемая, её, волю свою последнюю, изъявляла, подумала хоть на минуту, во что она мне обойдется? У кого Терез денег достанет? Можно подумать, заранее отсчитала и в руку мне вложила, чтобы сейчас требовать...

Это что? А, лаваш, готовый, нарезанный, пускай пока здесь полежит... Колбаса, бастурма... Оливки, зелень, хлеб...

Только если бы не выполнила я волю твою, места бы себе не находила, проклятая совесть меня бы до могилы мучила... Из-за этой бессовестной совести всё-то подряд я в жизни профукала...

Никак пришёл кто-то?.. *(Выбегает во двор.)* Нет, нет... Бездушными люди стали, бессовестными и бездушными... И вовсе им не стыдно за то, что растерянная женщина совсем одна, и, даже если в лепёшку расшибётся, не внести одной ей в дом на своих слабых плечах гроба... Вот ведь люди! Ни стыда, ни совести. Так, наверное, легче жить, да? Купля-продажа только на уме, она им глаза застила, совесть притупила... Каждый вцепился в свой земельный участок, и до самой темноты вкалывают как вола, да, вкалывают, чтобы урожай собрать и фрукты эти продать, и чем дальше повезут, тем дороже продадут... Безразличные стали, холодные, чужие... Во что эта богатая деревня превратилась? Молодёжь разъехалась, остались одни высохшие старики... Кладбище-то в каком состоянии!.. За сорняками и колючками и человека не разглядишь...

Странный этот водитель... Всё выгрузил, свалил у дверей, в этой пыли... Даже не подождал, пока я дверь отопру, чтобы покойницу вместе в дом внесли. Схватил деньги – и был таков...

Интересно, кто её раздаёт – совесть? Вот если бы она доставалась всем поровну, наверное, многое бы встало на свои места... А то у одного её столько, что разрывает душу и тело, а у другого её вовсе нет, и что человек перед ними, что зверь – никакой разницы...

Эх, свекровь, между нами говоря, и ты была хороша!.. Всю жизнь прожила опасаясь, избегая людей. Никому по-человечески доброго дня не пожелала, “доброе утро” от души не сказала... Уж это-то не за деньги!.. Соседке жалкий пучок зелени давала, а потом руку протягивала и десять драмов брала: “Я за свою работу беру!” Да разве ж это по-людски! А как же дружба, близость, родство? Неужели пучок травы дороже? Открыла бы ты глаза и поняла, что нельзя только ради себя жить, ради грошей каких-то... А вот теперь некому гроб твой поднять, некому могилу вырыть, осталась ты не похороненная, жалкая и несчастная...

Замолчи, Терез! Замолкни и посмотри на себя – что ты без остановки ворчишь и попрекаешь эту женщину тем, что волю её выполнила, привезла, доставила... Правильно сделала... А что ещё оставалось?.. Последняя воля умирающего – неписанный закон. Всё! И молчи. Лучше соберись и подумай, что дальше делать будешь. День короткий, времени мало. А ты только о своём. Выходит, все грешники, и старуха вместе с ними. Ты одна ангел... А то, что она с утра до вечера, не разгибая спины, в саду работала... Для кого? Разве не для тебя, не для детей твоих?

Бедная моя свекровь, всю жизнь промучилась с мужем-пьяницей, а вот сапоги его свято сохранила... С другой стороны, сыновья кровь твою пили. Старший уже лет двадцать тебя не видел – времени у него нет, далеко уехал, теперь на высоких должностях, и мать похоронить времени не нашлось, добро хоть телеграмму с соболезнованием прислал: “Выражаем родным и близким усопшей глубокое соболезнование по поводу смерти матери”. Старшая невестка навсегда порвала и похоронила кровную связь между матерью и сыном... А другой твой сын, мой алкаш... В кого ему было идти, как не в пьяницу-отца?.. Ради выпивки себя забывал... Ты, мать, хоть бы пить ему не позволяла. Ведь если бы не пьянство, был бы нормальный человек, не хуже других...

Чего же ты не говоришь – сама виновата, не любила ты его, Терез, и не признаёшься, что и сейчас не любишь... Да, да... Скажи, ну признайся, что не любишь... Если бы любила как следует, может, от выпивки бы отучила, к жизни нормальной вернула... Вот и мать всё повторяла: “Люби, дочка, люби... Любовь – она всё может... Что же ты, ежели такая умная была, своего пьяницу через любовь на путь истинный не поставила?.. Легко сказать: люби!.. Смогла бы – полюбила... Если бы нашла, за что... Если бы рядом мужика чувствовала...

Четырнадцать лет... Преврати эти четырнадцать лет в месяцы, дни, часы и все эти месяцы, дни, часы помни свою ошибку, свою роковую ошибку и... молчи. Терпи, стиснув зубы, чтобы люди не говорили: Терез бесстыжая. Закрой глаза – чтобы не видеть пьянки-гулянки мужа, заткни уши, чтобы не слышать ворчание свек-

рови, забудь, что ты женщина, что тебе хочется ласки и любви, хочется одеться-принарядиться, хочется забыть, что рядом с мужчиной-богатырём сама в мужика превратилась: всё одна – днём и ночью... Стань бессловесной скотиной и тяни свою ляжку, Терез... А если голова закружится, сделай вид, что это она от счастья и жизнь прекрасна... Люби, люби, люби...

Если бы любовь была по заказу, любила бы, наверное... Ох, подохнуть бы, освободиться от этой жизни... (*Снимает с тахты покрывало, под ней две куклы.*) Внуков я твоих не привезла, не захотела от школы отрывать...

Нет, между внуками и бабушкой тоже теплоты не было. Голоса, смех моих детей бабке не нравились, раздражали... Ну и дети её избегали, пропадали с утра до вечера, чтобы только не видеть её... А я злилась, набрасывалась на них, била, чтобы душу отвести: “Это же ваша бабушка, ваша, проклятые, что, завтра и меня избегать начнёте?..” А потом смотрела на забившихся по углам, скулящих, как щенята, детей и сердце ныло... Дети-то в чём виноваты? В доме теснота, сырость, воздух тяжёлый, пол земляной – и сейчас вот, когда подметаю, водой брызгаю, чтобы от пыли не задохнуться... Подходила к детям, ласкала, спать укладывала и к старухе переходила... Наполняла корыто тёплой водой, укладывала её в душистую пену, купала, осторожно всю массировала, как маленькую...

После купанья свекровь моя ещё больше слабела, и какое это было мучение её из воды вытаскивать! В три раза меня тяжелее... Скрючившись под костистой тяжестью, кое-как укладывала её в постель, потом, вымотанная, но довольная, садилась перевести дух... А она после всего этого продолжала ворчать под нос... Вместо того чтобы благословлять, ещё и проклинала... Да разве стоило за ней ходить?..

Никак идёт кто-то... Эй, кто там?.. Где вы?.. (*Молчание.*)

Был у нас аквариум, на ладан дышал... Не знаю, откуда сын её этот аквариум достал, кто ему дал... Этот стеклянный ящик был для моих детей единственной радостью – заменял им и телевизор, и весь мир... Совсем хворающая встала она как-то с постели и убила

рыбок в том аквариуме. Я ей: “Кто тебя просил рыбкам хлеб давать, мать, где это видано – рыбку хлебом кормить? В другой раз небось с места встать не можешь...” А она: “Рыба – существо бессловесное, что же ей, с голоду помирать?..” И рыбок не стало, дети мои часами сидели перед аквариумом и смотрели на тоненьких, как ниточка, мальков... Нет, в выпавшем на нашу долю аквариуме золотой рыбки не было, не водилась она там...

Солнце заходит... Осталась моя старуха во дворе – в дом не внесли, могилу не вырыли, и издалека никто не приехал, и кто близко не пришёл... И поминать не с кем... Кто есть-пить будет?..

Интересно, что моя покойница в последнюю минуту сказала: благословила или прокляла? Оглянулась хоть вокруг, чтобы найти кого-нибудь, сказать что-нибудь?.. И нашла ли хоть кого?..

Опять ты за своё, Терез... Нашла повод, чтобы сердце раскрыть и все боли и обиды выплеснуть? Её-то зачем винишь? Чем она виновата?.. Да, виновата, очень даже виновата... Добилась бы, чтобы сын не пил, был бы рядом, добилась бы, чтобы не жили так убого... А кого винить?.. Как не наполняться злостью – против судьбы, против мира, против всех?.. Кто же во всём этом виноват, Господи?..

Вот если бы убежать, исчезнуть... Идти, идти до тех пор, пока силы не иссякнут, пока ноги не перестанут слушаться... Упасть в изнеможении, прижаться лицом к земле и заплакать горько, бесприютно... Размазать слёзы по земле, а землю по лицу и заснуть – с обидой на весь мир... А потом проснуться новорождённым младенцем и всё начать сначала... И чтобы на этот раз повезло...

Звонок.

Что это?! Что за звук?! Кто это, кто звонит?.. Откуда?.. Часы?.. Не может быть! Нет, нет!.. *(Бежит с куклой в руках, ищет по всей комнате.)* В этом доме уже десять лет никто не живёт... *(Находит будильник.)*

Старуха в приюте умерла. Соседский телефонный звонок ударил меня как током: “Ваша бабуля умерла, вот хотим узнать, заберёте или нам самим хоронить?”...

“Что?.. Что вы говорите?.. Не слышу... Не слышу... Не слышу...” – Я всё прекрасно слышала, но хотелось, чтобы они ошиблись, хотелось услышать что-то другое ...

“Ваша свекровь умерла, – повторили на том конце, – забирать будете?”...

“Да, а как же, заберу... заберём...” – и, обессиленная, ослабевшая, повесила трубку... Как же мне хотелось убежать, уйти, оторваться от всех, от всего... Хотелось почувствовать себя женщиной, любить, быть любимой...

Вот в таком отчаянии, полная горечи, кинулась доставать деньги. И ноги сами привели меня к дверям моего начальника. Вошла. “Свекровь моя умерла”, – говорю. Он в ответ: “Мне-то что прикажешь делать?” – “Не знаю”. И перед холодным его безразличием почувствовала я себя сильной и крепкой. “А что, у свекрови твоей других родственников нет? Сыновьям хоть телеграфировала?..” – “Телеграфировала”, – говорю. И вышла. А что толку, что телеграфировала? Глядя на его гигантский рост, никто бы не поверил, что Терез рядом с ним всегда одинокой была... Он только пить умел да с матерью скандалить – по поводу и без него. Помнишь, мать, как-то я тебя еле с постели подняла, хотела, чтобы ты походила немного... Тут сын твой пьяный в дом ввалился, заорал, мол, игра всё это, притворство, ты, мол, прекрасно можешь ходить. “Хотя бы в туалет сама пошла, не жалеешь ты невестку”... Я ему: “Так это ты обо мне заботишься? Постеснялся бы, разве ты не видишь, совсем она плоха стала...”

Как я тебя в такие минуты жалела!.. А сын твой, позабыв о тебе, бешеным псом на меня набрасывался: “Да что ж ты тогда с утра до вечера ноешь, душу мотаешь? Надоели вы мне все, так бы и сбежал от вас...” – “Беги, беги! – орала я. – Без тебя лучше будет!”

И действительно однажды он сбежал. Сбежал в Россию. Мать собственноручно отвёз в приют и сбежал... Якобы за длинным рублём, якобы заработать, квартиру в городе купить вместо съёмной, мать обратно привезти... Так по сей день и везёт... Сбежал – от матери, от меня, от детей, от проблем...

Уже шесть. Вчера, когда из дома престарелых позвонили, сказали, что она в шесть умерла...

Вот твой любимый утюг... Ты всегда им гладила... Спицы... Очки... Одно стекло вечно было сломано... Платок, туфли... А это что?.. Фотографии... Это твой старший сын, начальник, с супругой... А это мой алкаш... Внуки твои... А мою-то фотографию чего спрятала, я-то кто такая?

Дверь старого шкафа открывается со скрипом.

Кизил... Кизиловое варенье, её любимое... И не засахарилось... Сама варила... Когда?.. И не испортилось... Поставлю на стол, как сядем тебя поминать, мать... И эти бутылки поставлю – твоё любимое вино... Ты же сама говорила: “Если помру, Терез, ты головы не теряй”... Всё честь по чести, как положено... А как же, мать... Вот колбаса, бастурма, сыр, зелень, оливки... А это лаваш, я его заранее нарезала...

Вот только тахту застелю... Неудобно... Что люди скажут, когда придут?.. Да, родная, как ты стелила... А кукла пускай тут сидит... Вот так... Осталось переодеться... Не пойду же я тебя провожать в мятом, запылившемся в дороге платье!.. Вот это платье тебе нравилось, ты его любила... Помнишь, мать, как я, взяв детей за руки, приходила тебя в приюте проведать? Я надевала это самое платье... И садились мы слушать ваши “веселые” концерты... Мы часто приходили, так часто, что со стороны удивлялись: “Если они по тебе так скучают, мать, так тебя любят, что же сюда привезли и бросили?”... Сколько я тебя просила: мать, потерпи ещё немного, скоро сын твой приедет, и мы тебя домой заберём... В такие минуты глаза у тебя блестели, взгляд теплый...

Это положим сюда, чтобы не мешало... Осталось причесаться... Где-то здесь я обломок зеркала видела... Ну вот... Нормально... А теперь давай... давай...

Тишина. Вой ветра. Поёт со слезой в голосе.

Я виновата перед тобой, свекровь... Нет мне оправдания... Виновата... Знала ведь, что не выйти тебе из этого дома признания, что нет тебе возврата... Как переступила я этот порог, так сразу и возненавидела себя, сына твоего, всех, кто детей этих великовозрастных привозит и оставляет в этом проклятом месте. От ваших вещей, халатов, тапочек сиротством пахло, неприютностью... Сколько же горечи было в ваших “веселых песнях”!.. Столько времени я за тобой ходила, могла ведь ещё несколько месяцев потерпеть, пускай из последних сил... Как же я сына твоего послушалась... Бессовестной, бездушной оказалась... Захотела хоть немного себе забот поубавить, дух перевести захотела, работу найти, покончить, наконец, с накопившимся долгом за квартиру и с другими долгами, потом собиралась сама же тебя домой привезти... Что же ты не дождалась?.. Теперь не будет мне покоя... Не замолчит этот внутренний голос... Как же мне грех этот отмолить?.. Ты вон умерла, освободилась, покончила счёты с этой проклятой жизнью, а мне вечную боль оставила... *(Поёт. Потом обращается к будильнику.)* А ты чего работаешь?.. Для кого?.. Кто тебя услышит в этом покинутом доме?.. Чего звонишь?.. Да ещё с такой точностью?..

А эту сломанную куклу зачем оставила, мать?.. Вечно ты хранила сломанные, испорченные вещи... Испорченную лампу, сломанное зеркало, сломанный гребень, сломанные очки, тарелку... Разве ж можно было так жалко, так убого жить...

Ну что эти двери от меня хотят?.. Что вы всё время раскрываетесь?.. У вас-то какая беда?.. Чего хотите?.. Ну и открывайтесь...

А вещи эти зачем собрала?.. Думала, Терез тебе новой одежды и туфель не купит, да?.. Не одела бы во все новое, прежде чем похоронить? Зачем узелок собирала?

Гроб уже заколочен, но я крышку отдеру, всё это к тебе положу, с собой заберёшь... Забирай, забирай, и это возьми – телеграмму от сына-начальника... Я её с фотографиями положу. Забирай...

Находит в доме обрывки верёвок, связывает их и, обмотав одним концом гроб, а другим себя, тащит гроб к месту погребения.

Откуда здесь взялись эти сорняки и колючки?.. Что это вы так разрослись?.. Нашли покинутый дом, да?.. Больше негде было расти? Дом это или кладбище?.. Я выкорчую вас, уничтожу, сожгу...

Да где ж это видано, чтобы покойник не похороненный остался?.. Никто с тобой не простился, никто над тобой слова не произнёс, никого силой от гроба не оттащили... Ни души... Собака бы, что ли, залаяла... Остались мы с тобой одни в целом мире...

Ты не имеешь права на усталость, Терез. Не расслабляйся, не кричи, не возмущайся, не сходи с ума... Соберись, Терез, ты – женщина, ты сильная и крепкая, ты должна вырыть эту могилу... Будешь рыть изо всех сил – земля здесь каменистая...

Помнишь, мать (*смеётся неестественно, громко, до изнеможения*), когда я только в ваш дом пришла... Соседа твоего хоронили, поленились глубоко копать (*продолжает смеяться*), так у бедняги большой палец из-под земли торчать остался, собаки его ночью и сгрызли, – мужчины рассказывали и ржали, обнажая жёлтые зубы... Не беспокойся, мать, я буду копать глубоко, всю ночь копать буду... Дай бог, чтобы ты оказалась последней покинутой покойницей на этой земле...

Скоро... Скоро душа твоя успокоится, освободишься ты от этого грешного мира... И пусть земля будет тебе пухом...

Куда ж она делась?.. Где-то здесь мне мотыга на глаза попала... Вот, нашла... Иди, иди сюда...

Берет мотыгу, хватает покрепче, замирает на мгновение, собираясь с силами, затем резко поднимает её над головой и начинает яростно копать, словно сокрушая несправедливость и горечь этого мира... Потом бросает мотыгу, развязывает на себе верёвку, уходит в глубь сцены и с трудом, шаг за шагом идёт к авансцене... Кажется, будто она всё ещё тащит за собой гроб...

ЕГИШЕ ЧАРЕНЦ

ОКЕАНА РАЗБУЖЕННЫЙ ДУХ

Перевел Константин Шакарян

МОЕЙ МУЗЕ

Вот и снова ты со мною вместе,
Верный друг, соратница моя,
Снова я твоей внимаю песне,
Ни любви, ни грусти не тая.

В каждом сказанном тобою слове,
В песнях ясных и в беседах чту,
В глубине их ощущая внове –
Светлую печаль и чистоту.

О, как дороги мне нынче стали
Душу очищающие впрок
Свет твоей улыбчивой печали,
Грусть твоя, моих предтеча строк...

Горечь светозарная во взоре –
Так усталый путник лишь грустит,
Что с вершины, будто на дозоре,
Не мигая, в прошлое глядит.

Пройден путь в стремленье неустанном.
Горечь поднимается со дна...

Но не мглой, не тучей, не туманом –
Чистым пóтом выльется она.

Пот со лба стирая, снова в дали
Рвётся он – дорога далека...
Но глаза уже полны печали,
С песнями смыкается тоска...

Долго нам идти ещё по свету,
Верный друг, соратница, судьба!
Да пребудет ясной горечь эта –
С твоего не исчезая лба.

1929

* * *

Шумит в моём сердце тоска еженощно,
Шумит, словно ветер далёкий, глухой,
Шумит до рассвета и, жалуясь точно,
Считает секунды – одну за другой...

Тревожит сознание, шума бестолково
В ночи застоялой, в полночной тиши.
И песнь её будто из мира иного
Касается дальнего мира души...

И древний во мне просыпается хаос,
Штормит океана разбуженный дух.
Как время, безличен, течёт, колыхаясь,
Как бред, протекает, и тёмн, и глух.

То песней звучит сквозь туманностей дали,
То плачет чуть слышно ребёнком больным,
То горестно воев в собачьей печали
На мир и луну, что повисла над ним.

И, тёмного хаоса пенью внимая,
Вступает душа в первобытный туман.
Вот так протечёт и дорога земная,
В солёный втекаая времён океан...

1919

* * *

Рассвет весенний ты мой, – как позову тебя, как?
Навеки близкий, родной, – как позову тебя, как?

Ты, моё лето, огнём всё опалившее днём,
Полдневный веющий зной, – как позову тебя, как?

И ты, на землю с высот упавший осени плод,
Мой ароматный, хмельной, – как позову тебя, как?

Не отзовётесь на крик, коли зовёт вас старик
С болящей, в ранах, душой, – как позову я вас, как?

О смерти вести несёт, уже подходит вот-вот
К нему старуха с косою... – Как позову я вас, как?..

1920

* * *

Сколько жёлчи и горечи сердце томит!
Весь я – сгусток печалей, скорбей и обид.

Не пойму до сих пор: то ль моя в том вина,
То ли жизнь наша столь оказалась страшна...

Ни большого врага и ни друга – ни зги:
Удалились друзья. Копошата враги...

Пусть общественной пряжей приходится жить, –
Всяк прядёт в ней свою заповедную нить...

Вот и я свою ниточку прял и сучил
Неустанно, без сна, изо всех своих сил.

Но за всё получил только горечь и яд –
Что судьбу разъедают и сердце томят...

1934

* * *

Играют дети посреди двора
В пылу ребячьих споров и баталий...
Бездумно так и зло ещё вчера
Души твоей порывы клокотали.
Ты говорил, что жизнь – большое поле,
И человек в нём – бабочка, не боле.
Ты думал: вьются песни в наши дни,
Ведомы всенародною любовью!
И поздно понял, что тебя они
Забросят в жуткий цирк, подобье западни,
Где славу добывают только кровью...

1933–1936

...И что случилось нынче на планете:
Рука моя без гнева и печали
Сама собой над новыми стихами
Безрадостные выставляет числа.
Названия обыденные эти,
Что были лишь чернилами, словами,
Магическими символами стали,
Исполненными рокового смысла...

26.VIII.1936

Бывало ли, могло ли быть когда-то,
Чтоб над стихотворением поэта

Заглавием одна стояла дата,
И было глубоко и мудро это,
И было больше смысла в числах-безднах,
Чем в тысячах томов тяжеловесных...

26.VIII.1936

ВЕРНУВШАЯСЯ ОСЕНЬ

Холодно – осень шуршит, холодно – зябнет душа,
Помнишь ли, сердце моё, карскую осень – молчи! –
Точно такая же, в шелесте так хороша,
Мокрая – мелко дрожит, будто собака в ночи...

Сердце моё, о когда это было, скажи?
То ли вчера, то ли годы прошли, то ли век...
Нет, только двадцать два года осело в тиши.
Осень – как будто сестра той, отшуршавшей навек,
Словно бы детство очнулось в глубинах души.

Детство? О, что ты! Связи мне их не ясны:
Детства – и осени ветреного волшебства.
Детство – рассвет, ожидание близкой весны,
Осень же – смерти туман, воспоминаний листва...

Ах, моё сердце, как ни сходи мы с ума,
Всё же, как детство, жизни полна и светла,
Первой любви, первых песен сestroю была
Осень ушедшая та – бывшая детством сама...

Детством та осень была. И вспоминается пусть
Нашей любви, чистоты неизгладимой приметой.
Только отраднa была дальней той осени грусть.
Только печальна теперь радость от осени этой...

29.IX.1936

КОРЮН ОГАНЯН

Соискатель кафедры русского языка и методики его преподавания в Армянском государственном педагогическом университете им. Х.Абовяна. Преподает русский язык и литературу в школах Арагацотнской области. Автор более десяти статей, опубликованных в научных журналах, победитель многочисленных международных конкурсов.

ДВА РАССКАЗА

АРМЕНИЯ, КОТОРУЮ МЫ НЕ ЗАМЕЧАЕМ

Неркин Базмаберд, или один день моего детства

Утро в Неркин Базмаберде не наступает – оно *входит*, как долгожданный гость: степенно, с дымком из очага, с лёгким шелестом листьев, с запахом сырой земли и хлеба. Оно не спешит, оно уважает тишину.

В этом утре всё понятно. Звук бьющейся о край ведра воды, крик петуха, шаги бабушки, что идёт за мятой к чаю.

Я просыпаюсь не от будильника, а от шёпота: *жизнь уже началась*.

Сегодня день абрикоса. День, когда солнце само как будто становится абрикосом – золотым, тёплым, спелым. С раннего утра

дед уже у котла – разжигает огонь. Он делает это, как творят молитву: сосредоточенно, без лишних слов. Огонь у деда – это как хлеб у бабушки. В нём – тепло рода. Мама и бабушка уже собрали абрикосы. Огромные вёдра, тяжёлые, с янтарными плодами. Они пахнут солнцем. Или, может быть, это солнце пахнет ими. А мы с братом сидим во дворе и вынимаем косточки. Молча, не потому что не хотим говорить, а потому, что в этом ритме рук – уже разговор. Наш труд – это тоже часть древней симфонии, где каждый знает свою партию.

В нашей семье – как в любой армянской деревне – всё держится на иерархии. Слово деда – как последняя строка в письме. Бабушка – страж очага, носитель памяти. Мама – та, чьими руками держится всё невидимое. А невестка – скромная, трудолюбивая, тихая в словах, но весомая в делах.

Дети не просто часть семьи. Мы – её *сердце*. Ради нас – всё.

Когда мама начинает варить джем, запах распространяется по всей деревне. Он пронзительный, густой, будто время растопилось и стало сладким. Люди, проходящие мимо, улыбаются. Кто-то говорит:

– У Анаит опять варенье. Пахнет аж до соседней улицы...

А мне кажется, что пахнет *детством*. Пахнет *домом*. Этот запах у меня где-то под кожей. Он всплывает, когда мне грустно, когда я вдали от дома, когда мир вокруг чужой. Это не просто запах абрикосового варенья – это *оберег*. Это голос земли, который шепчет: «*Ты вернулся. Ты дома. Здесь твои корни*».

В Неркин Базмаберде нет театров, нет сияющих витрин. Но тут много крепостей. Потому что крепость – это дом, где мать варит абрикосовый джем. Крепость – это плечо отца, взгляд брата, ладони бабушки. Крепость – это дерево абрикоса, которому уже сорок лет, но оно всё ещё плодоносит. Крепость – это разговоры на кухне, тихое «*бари еразнер, им арев*»* перед сном, громкое «*барев дзез*»* у ворот.

* *Добрых снов, солнышко* (арм.).

* *Здравствуйте* (арм.).

Мы живём друг другом. Мы не просто семья. Мы – узор, вплетённый в ткань этой земли. Каждый абрикос, сегодня опущенный в кипящий котёл, – как слово из нашей общей летописи.

Когда-нибудь нас не станет. Но если кто-то вдохнёт этот запах – он поймёт: здесь была *Армения*. Настоящая. Та, которую мы часто не замечаем, пока не уедем слишком далеко.

КАРПЕТ МОЕЙ БАБУШКИ

Рассказ от её внука Корюна

Бабушка Нахшун была женщиной, которая умела хранить тишину. Она не рассказывала о своей жизни вслух – всё, что стоило услышать, было в её взгляде, в её руках, в том, как она клала хлеб на стол, в том, как долго молчала после вечерней молитвы.

В нашем доме был один предмет, о котором знали все, но не видел почти никто, – ковер. Слово это звучало почти как молитва, произнесённая шёпотом. Бабушка говорила: «Мамаи ковертн э» – «мамин ковертн». Он хранился на верхней полке старого шкафа, завернутый в белое полотно.

Иногда я замечал, как бабушка открывала шкаф, медленно прикасалась к ткани, будто хотела удостовериться, на месте ли он, и снова закрывала дверцу шкафа. Трепет. Почтение. Покой. Туда не заглядывали ни дети, ни взрослые. Это было её пространство боли и любви, её единственная встреча с матерью – той, которую она почти не помнила, но никогда не переставала ждать.

Бабушка потеряла мать в юности. Сказали – «болезнь, время такое». А отца не видела вообще. Пропал без вести во время Великой Отечественной. От той жизни, от той семьи у неё остался только этот ковер, сплетённый руками матери. Каждый его узор – как слово, как прикосновение, как взгляд. Каждая нить – как капилляр крови, что осталась с ней.

– Тут её руки, Корюн... – однажды сказала бабушка, когда впервые показала мне ковер. – Тут она вся. Только здесь я её чувствую.

Он был необычный. Не яркий, не пестрый, а тёплый, с приглушёнными красками, как будто выцветший от солнца и времени. Но в его узорах было всё – дерево с корнями, птица на ветке, горная тропа, женская фигура, почти призрачная. Я тогда смотрел не на ковер – я смотрел в бабушкину душу.

Бабушка говорила, что каждый раз, когда она смотрит на ковер, она вспоминает то, чего не помнит. Это парадокс боли: мы тоскуем не только по утраченному, но и по непознанному.

Она вышла замуж рано, как тогда было принято. Родила шестерых. Работала, растила детей, молилась. Но даже когда вся деревня собиралась на праздник, даже когда её дом наполнялся внуками, в её глазах жила одна тень. Мама. Та, что не успела обнять, не успела сказать: «Ты справишься». Та, что осталась в нитях, запахе пряжи...

Она не позволяла никому касаться его. Никто и не осмеливался – не потому что боялись её, а потому, что уважали. Это была её священная реликвия. Не музейная – душевная.

А когда пришёл её последний день, бабушка была удивительно спокойна. Не было страха, не было боли – только какая-то тихая собранность, будто она, наконец, получила долгожданное письмо без обратного адреса, в котором было написано: «Пора».

Она позвала меня к себе.

– Корюн джан... принеси ковер. Только ты...

Я поднялся на чердак, как будто входил в храм. Ковер был завернут, как всегда, в белую ткань, пахнущую сушёной лавандой и временем. Я принёс его – осторожно, как несут младенца. Она сама развернула его, провела по краю рукой. В этот момент её лицо стало другим. Как будто за эти мгновения она вернулась в своё детство, в ту секунду, когда последний раз видела мать. Глаза её заблестели, и голос стал тише, почти детским:

– Сегодня я её увижу... Слышишь, Корюн джан? Я её увижу... Не во сне. Не в памяти. По-настоящему...

Она смотрела куда-то мимо потолка, и в этом взгляде была вся её жизнь, все те годы, когда она сидела у окна, глядя на горы и думая: а вдруг она где-то там? Все те утренние молитвы, в которых звучало только одно имя – мама. Все те вечера, когда она гладила свой ковер, как живое лицо, в котором искала черты той, кого не успела запомнить, но никогда не забывала.

– Я ждала её шестьдесят четыре года, Корюн. Шестьдесят четыре... Я вышивала её лицо в каждом узоре. Я разговаривала с ней по ночам, когда никто не слышал. Я плакала тихо, чтобы не пугать детей. Я была сильной. Для них. Но внутри – всегда была девочкой, которая ждёт свою маму.

Она с трудом подняла руку и положила ладонь на сердце ковра – туда, где было выткано что-то похожее на женское лицо. Её пальцы чуть дрожали. Впервые за много лет – не от старости, а от чего-то большого, как первая встреча. И тогда она прошептала:

– Я иду домой. Слышишь?.. Домой...

Слёзы текли по её щекам. Не горькие – светлые. Слёзы долгого пути, который наконец подошёл к своему пристанищу. А потом... она просто уснула.

Теперь этот ковер у меня. Я его не вывешиваю. Я иногда открываю шкаф, касаюсь его края – и будто слышу: «Всё хорошо, Корюн джан. Я рядом».

И тогда мне становится ясно: иногда один ковер может рассказать о жизни больше, чем сотни книг. В нём – боль, любовь, ожидание, утрата, нежность. В нём – вся моя бабушка.

И может быть, в нём – вся Армения.

ЗАРЕ ХРАХУНИ

ЗА ДЫМОМ НЕИЗБЕЖНО БУДЕТ ПЛАМЯ

Перевел Гурген Баренц

Заре Храхуни (Арто Джумбишян) родился в Константинополе 26 октября 1926 года. Начальное образование получил в школе Капамаджян, затем продолжил учебу в Вене, в колледже мхитаристов. По возвращении в Константинополь изучал философию, юриспруденцию и литературу в государственном университете. Затем продолжил свое образование в Париже, в Сорбонне, где изучал литературу и историю искусства. Был одним из главных пропагандистов «новой западноармянской поэзии». Вместе с группой молодых писателей создал авангардный литературный журнал. Позже стал директором и редактором художественного приложения к армянской ежедневной газете Стамбула. Основал и был главным теоретиком новой школы поэзии, названной им «объективный символизм».

Храхуни – автор двадцати шести книг, включая стихи, эссе, пьесы и переводы. Он считается одним из поборников современного западноармянского языка и литературы.

Поэт скончался в Константинополе 27 ноября 2015 года в возрасте 89 лет.

ВОСХОД СОЛНЦА

Я человек пещер,
Мышцы рук моих и сердца – словно камень,
Голова моя тверда, как камень,
А воля – тверже, чем гранит.
Сначала я проверяю,
Насколько прочны мои зубы,
Потом бью кремни друг о друга, как Арамазд;
Кремни сверкают, как черные грозовые тучи,
И если сухая солома и маслянистая шерсть
Не загораются в тысячный раз, десятки тысяч раз,
Я без усталости пробую снова,
Я ударяю камень о камень, я высекаю искры и звезды,
Потому что уверен:
Придет, наконец, то мгновенье, которого жду с
нетерпением,
И будет свет, долгожданный огонь загорится!

Я человек лесов,
Тени от рук моих и груди – словно лес,
Брови мои и глаза – темнее леса,
Волосы и борода – гуще леса.
Сначала царапаю ногтем, затем вытягиваю рукой,
Если дерево гнётся, но не ломается –
Значит, гибкое, – говорю.
Беру ещё одно – такое же,
Тру одну дощечку о другую.
С раннего утра до вечера тружусь,
День напролет тружусь я неустанно.
В одном и том же месте тру и тру,
Пока не будут дым и запах гари.
Ведь мне известно:

Как за ночью день,
За дымом неизбежно будет пламя,
Огонь чудесный вскоре загорится!

Я человек гор,
Вены руках моих и шеи – словно горные потоки,
Лоб – как горная вершина,
Нос – как клюв орлиный, острый, словно
Клиновидная скала.
Сначала к горе я обращаюсь, молитву посвящаю солнцу,
Что расцветает утром ранним на пике огненном горы.
Затем земле я поклоняюсь, – трепещущей, дрожащей, теплой;
Она беременна громами, пристанище для бурь и гроз.
Затем я поднимаюсь вверх, к той недоступной высоте,
Туда, где облака клубятся,
Где молнии живут и лавы.
И знаю я наверняка –
пусть не согласны вы со мною –
Внутри горы живет вулкан,
И лишь оттуда, лишь оттуда
Огонь священный к нам придёт!

ЗОВ

Когда мы группой
Посещали Гарни и Гегард,
Севан, Звартноц, Ошакан,
Мне казалось, я слышу голоса –
Крики, зов, исполненный тоски;
Голоса отдавались вдали
Грустным, тоскующим эхом.
Но все они оставались без ответа...

Мне чудилось, что где-то сирота
Зовёт свою потерянную мать,
Отец в отчаянии ищет дочь,
Скорбящий муж зовёт свою жену,
А юноша, горя от нетерпенья,
Любимую свою с тоскою кличет...
Но было странно –
Голоса их звучали, как плач,
И все они выкрикивали имя –
Ани, Ани, Ани...
Но не было, но не было ответа –
А может, я не слышал ничего...
А в нашей группе
Люди плакали – тихо, безмолвно...

СУСАННА ОВАНЕСЯН

МЕЖДУ МОЛОТОМ И НАКОВАЛЬНОЙ

Ованес Туманян и Февральское восстание 1921 года

Введение

В условиях глобализации и трансформации мирового порядка вопросы сохранения идентичности и государственности малочисленных народов оказываются под угрозой и часто сталкиваются с онтологическими проблемами. В результате внутренних разногласий они обостряются и – в силу как объективных, так и субъективных исторических обстоятельств – нередко перерастают в гражданские войны. Им часто способствуют внешние силы, например, «цветные» и «бархатные» революции, которые находят в мире широкое распространение. В последние десятилетия наблюдается значительный рост интереса ученых к гражданским войнам, создаются примечательные исследования, в которых более четко определяются их причины и последствия. Гражданские войны иногда сопровождаются иностранной интервенцией и национально-освободительной борьбой. Они могут также быть результатом стихийного развития событий, вытекающих из социально-исторических обстоятельств.

В 1921 году в Армении произошло Февральское восстание, которое вспыхнуло в условиях одновременного наличия всех вышеизложенных факторов. В этом смысле, как историческая реальность, характерная для любого периода геополитических потрясений и перестановок, как типичный пример гражданских войн, отличающихся драматизмом и трагическими последствиями,

Февральское восстание и его изучение имеет весьма актуальное значение. Однако в нашу задачу не входит исторический или политологический анализ этих событий, тем более что армянская историография неоднократно обращалась к этому вопросу: существуют фундаментальные исследования, в том числе много томные труды Ричарда Ованнисяна (1971; 1982; 1996; 1996). Актуальность затрагиваемой темы в нашем случае обусловлена еще и ее междисциплинарной направленностью, поскольку деятельность армянского поэта в дни Февральского восстания в равной степени относится как к истории, так и к литературоведению. Это страница научной биографии великого писателя.

Историю создают не только великие потрясения, но и отдельные личности, оказывающие определенное влияние на ход исторических событий. Роль личности особенно возрастает на переломных этапах истории, в военные или революционные периоды.

Ряд решений некоторых армянских большевистских и национальных деятелей оказал существенное влияние – как положительное, так и отрицательное – на ход событий в дни Февральского восстания. С конкретной исторической миссией в этот период выступил Ованес Туманян. Его усилия были направлены на то, чтобы примирить враждующие стороны, потушить пожар гражданской войны.

Ованес Туманян – один из самых высокообразованных, ярких и авторитетных людей своего времени – был писателем, публицистом, ученым, переводчиком, критиком, культурным, общественным и национальным деятелем, руководившим одновременно несколькими творческими союзами. О его всенародной славе говорит присвоенное ему почетное звание Поэта всех армян.

Исследование последнего десятилетия научной биографии Ованеса Туманяна еще не завершено. Наша статья имеет целью восполнить этот пробел в армянском литературоведении. Освещение деятельности Туманяна в этот период основывается на биографии писателя, его письмах и записных книжках, воспоминаниях о нем, статьях и публикациях в периодике того времени, а также на архивных материалах. Представление исторических со-

бытий на примере эпизодов жизни писателя способствует исследованиям с применением методологий «устной истории» и «исторической повседневности», имеющих первостепенное значение для гуманитарных наук. В частности, «повседневность истории» является ценным методом сбора богатого фактического материала для детального понимания исторических событий через личный опыт, подходы и точки зрения отдельных личностей, их мемуары и устные рассказы. Метод позволяет ввести в обращение голоса политических деятелей и обычных людей, включить их в исторические акты и протоколы. «Устные истории» являются неоценимым инструментом для фиксации и сохранения индивидуальных и коллективных воспоминаний, опыта и точек зрения. Они необходимы также для глубокого понимания всеобщей истории человечества.

Деятельность Ованеса Туманяна в дни Февральского восстания 1921 года обогащает историю рассматриваемого периода личным опытом и взглядами очевидца и участника событий. Тема эта еще не выявлена во всей своей многогранности как в армянском литературоведении, так и в историографии.

Предыстория

Историография о Февральском восстании 1921 года

В исторической литературе о Февральском восстании 1921 года существуют две диаметрально противоположные и несовместимые точки зрения. Согласно одной из версий, Февральское восстание организовали дашнакские руководители. Советская историография по идеологическим соображениям прикрепила к нему ярлыки «авантюра» и «мятеж» [1, с. 192]. Такого мнения придерживались историки А.Ованнисян, А.Акопян, Л.Хуршудян и другие. Согласно второй версии, которую отстаивают В.Казахемян и Г.Геворкян, восстание началось стихийно и только на опре-

деленном этапе приняло организованный характер, стало руководимым движением, вооруженной борьбой. Эта версия, принятая современной армянской историографией и опирающаяся на публикации выявленных новых архивных материалов и документов, представляется нам значительно более убедительной и мотивированной. Армянская политическая элита вряд ли организовала бы народное восстание в условиях такого неравного соотношения сил. Февральское восстание изначально было обречено на поражение: у мятежников не было ни единого шанса на успех, так же, как в свое время у декабристов. Вспомним по этому поводу слова Александра Грибоедова: «Сто прапорщиков хотят изменить весь государственный быт России?» [2, с. 396]. Точка зрения, согласно которой восстание началось стихийно, начиная с 20-х годов минувшего столетия выражалась в трудах и публикациях несоветских армянских историков, а также в свидетельствах очевидцев и участников февральских событий 1921 года. Сторонниками этого подхода являются С.Арамян, А.Даниелян и другие. Одни из них характеризовали восстание как национально-освободительную борьбу, другие – как авантюру. Именно это определение уже в 1921 г. использовал полководец Андраник Озаян. Современная армянская историческая наука на терминологическом уровне закрепила за рассматриваемым событием название «Февральское восстание 1921 года».

Российские историки как в советский период, так и после него также неоднократно обращались в своих трудах к рассматриваемому вопросу. На первом плане для них было не столько Февральское восстание 1921 года, сколько «тяжелая ситуация», создавшаяся в тот период в Армении: турецкое вторжение, превращение Закавказья в театр боевых действий. А.Кадишев рассматривал Февральское восстание как «дашнакскую авантюру» [3]. В центре внимания М.Траскунова была роль Красной Армии в дни гражданской войны в Армении. М.Фомин, упоминая Севрский договор, отмечает: «каждая держава готова была использовать армян и Армению в своих целях, но и с наименьшими потерями и затратами. И поскольку цена эффективного вмешательства в ар-

мянские дела для любой из западных держав была слишком высока, армяне оказались брошены на произвол судьбы» [4, с. 222]. Такого же мнения придерживаются армянские историки. «На протяжении всего существования Первой республики Закавказье оказывалось в поле борьбы военных и политических интересов держав» [5, с. 7]. Эта проблема, а также история советизации Армении рассмотрены в исследовании А.Квашонкина [6, с. 432–456].

Причины и ход восстания

Дашнакские руководители Первой Республики Армения в декабре 1920 г. передали власть большевикам. Было заключено Ереванское соглашение, которое подписал полномочный представитель РСФСР в Республике Армения Борис Лигран. Армения была провозглашена социалистической республикой. В соглашении было отмечено, что члены предыдущего правительства не должны быть привлечены к ответственности или подвергнуты террору. Первого декабря была также достигнута договоренность о недопущении гражданской войны в стране. В обращении Ревкома гарантировалась мирная трудовая жизнь и декларировалось, что «Армения сумеет залечить глубокие раны» [7, с. 14]. Русская историография также признает содействие дашнакских деятелей в деле советизации Армении. Однако 2 декабря Лигран нарушает данные обещания и подписывает приказ об аресте всех членов предыдущего правительства и парламента Армении. Шестнадцать членов правительства оказываются в тюремных застенках.

Весть о тотальных арестах и расправах взбудоражила всё население республики. Недовольство народных масс росло изо дня в день. Очаги стихийного, неорганизованного вооруженного сопротивления вспыхивали в самых разных районах республики. Некоторые члены Революционной партии «Дашнакцутюн» знали о подготовке восстания. Симон Врацян в своих письмах, адресованных военачальнику Гарегину Нжде, сообщает о разочарова-

нии народа в деятельности большевиков, о том, что в стране царят произвол и анархия и что «Армения превратилась в сущий ад» [8, с. 508–523]. Взять на себя руководство стихийным народным движением неповиновения партия «Дашнакцутюн» решила после 12 февраля 1921 г., когда Центральный комитет Компартии Армении заявил, что «классовый враг должен быть уничтожен». Коммунисты открыто угрожали прежней власти страны «красным террором», физической расправой, уничтожением. В ответ на это 13 февраля дашнаки созвали совещание в селе Зар Котайкского района. Было принято решение о восстании против большевистского режима, и назначен день вооруженного нападения на Ереван [там же, с. 560]. Фактически АРФ «Дашнакцутюн» не инициировала, а только возглавила уже начавшееся всенародное движение против большевиков. Пережившее все тяготы мировой войны и фронтального наступления организованной турецкой армии крестьянское население оказалось между молотом и наковальней. Восстание началось ранним утром 18 февраля 1921 года. В этот же день Ереван был освобожден, и было организовано временное революционное правительство, названное «Комитетом спасения Родины», под руководством Симона Врацяна. Вооруженное восстание против советского строя стало началом новой братоубийственной гражданской войны. Один за другим восставали города и села Армении – Даралагяз, Баш-Гарни, Аштарак, Эчмиадзин, Новый Баязет...

Причин у восстания было много, укажем на главные.

1. В первых числах февраля большевистское руководство начало новую серию массовых арестов. Пик арестов и казней пришелся на 9 и 10 февраля. В застенках Наркомата внутренних дел оказались Ов.Каджазунни, Л.Шант, Н.Агбальян... С целью устрашения народа на улицах города каждый день вывешивались списки расстрелянных.

2. Конфискация имущества в труднейших социально-экономических условиях, в условиях голода и эпидемий, политика «военного коммунизма». По словам Ов. Каджазунни, в результате двухмесячной деятельности большевиков был установлен право-

порядок, «который нельзя назвать иначе как беспредельное и жестокое насилие» [9, с. 50]. Бесчинства большевиков обрели еще более разнузданный и жестокий характер после того, как в Армению прибыл председатель ЧК Г.Атарбеков (Атарбемян). По его инициативе была создана комиссия по конфискации квартир. «Продовольственную неделю», введенную в конце января, народ называл «неделей грабежа» [8, с. 111]. Недовольство продолжало расти в особенности по той причине, что конфискованное имущество вывозилось из Армении в направлении Баку и России, а также потому, что участие в так называемой «конфискации имущества», сопровождавшейся насилием, принимали военные отряды азербайджанской Красной Армии. Вчерашние мусаватисты сменили турецкие фески на красноармейские «будёновки» и продолжали грабить и унижать армян.

3. Ссылка 1400 офицеров армянской армии 20-24 января 1921 года. Пользовавшихся большим авторитетом, верой и правдой служивших своей родине пламенных патриотов, высокопоставленных армянских военных вынудили в зимний мороз прошагать 170 километров, затем в поездах переместили в бакинские тюрьмы и рязанский концлагерь. В Рязани томились тринадцать армянских генералов и пятнадцать полковников. Среди сосланных военных были генералы Т.Назарбемян, Д.Пирумян, М.Силикян, А.Овсепян и другие. Полковник Погос Бек-Пирумян, не вынеся пыток и унижений (с него сорвали погоны и подвергали издевательствам), покончил жизнь самоубийством. Его брата, героя Сардарпатского сражения генерала Даниела Бек-Пирумяна расстреляли. Был выслан из страны и полководец Драстамат Канаян (Дро), который 2 декабря 1920 г. подписал соглашение о мирной передаче власти большевикам. А в Ереване армянские политические и государственные деятели были брошены в тюрьмы, где их убивали штыками винтовок, расстреливали из ружей и пулеметов, забивали топорами. В ереванских тюрьмах большевики расправились с известными полководцами Артуш-ханом, В.Гаспаряном, полковником Н.Корганяном (Коргановым) и многими другими. В центральной ереванской тюрьме прошли по-

следние ужасные 68 дней жизни выдающегося полководца и военного деятеля Амазаспа Срвандзтяна: 18 февраля 1921 г. он был зверски зарублен рукой наемного турецкого палача [10]. Убийствами с применением топора, принимать участие в которых наотрез отказывались тюремщики-армяне, руководил студент-еврей, член «Верховного революционного трибунала» Азербайджанской ССР Бандус. Умерщвление топором не доверялось также русским военным, для этих целей нанимались тюркские (татарские) палачи-большевики. По свидетельству очевидца – британского политического деятеля, писателя Оливера Ридсдейла Болдуина, «убийцы избирались из татар» [11, с. 128]. Ашот Татул констатирует арест двух тысяч людей и подчеркивает, что арестовывали их огульно, «не придерживаясь классовых, возрастных и половых принципов» [12].

Такая волна политических репрессий вызвала всеобщую панику. Распространялись провокационные домыслы. В качестве примера Ованес Туманян приводит дошедший до него слух о том, что якобы «существуют отдельные батальоны карателей с топорами, ... что оставшихся в селах крестьян собирают и расстреливают в церкви» [13, т. 7, с. 514].

Не все большевистские руководители были сторонниками репрессий и террора. В отличие от Геворка Атарбекияна, Ависа Нуриджяна, Геворка Алиханяна, которые были убежденными сторонниками и организаторами жестоких репрессивных действий, председатель Ревкома Армении Саркис Касьян, члены Ревкома Асканаз Мравян, Александр Бекзадян вели более мягкую, гуманную политику. Но общей картины это, конечно, изменить не могло. Фактически коммунисты осознанно довели до отчаяния довольно лояльно относившихся к ним дашнаков, отрезали для них все пути к отступлению и тем самым спровоцировали Февральское восстание.

25 февраля 1921 г. Красная Армия устанавливает Советскую власть в Грузии. Сложившаяся в Армении ситуация серьезно беспокоила всё армянское население и, в частности, армянскую интеллигенцию Тифлиса. Туманян принял решение отправиться в

Ереван, чтобы убедить дашнакских лидеров снова сесть за стол переговоров с большевиками. Многие видные дашнаки – Л.Шант, Н.Агбальян, Ов.Каджазнуни, С.Врацяян – были близкими друзьями поэта. Кроме того, в Ереване находился сын поэта Амлик Туманян.

С 1920 г. важную роль в процессе советизации закавказских республик стал играть Серго Орджоникидзе. Он был председателем Кавказского бюро ЦК РКП(б) и не раз принимал смелые решения. Он часто «решается на самостоятельные, в обход Москвы, действия» [6, т. 38, с. 183]. Из армянских историков к исследованию его деятельности обращался С.Алиханян. В дни Февральского восстания Орджоникидзе не исключал применения технологии «мягкой силы» и с этой целью был готов послать в Ереван специальную делегацию, миссией которой было бы восстановление большевистской власти мирным, переговорным путем. Согласие на поездку в Ереван дал только Ованес Туманян. «Делегация не состоялась. Оказалась возможной только моя поездка», – пишет он по этому поводу [13, т. 7, с. 510]. Для этого поэт встречается с Орджоникидзе и получает специальный пропуск для поездки в Ереван. Будущий маршал Советского Союза Иван Баграмян лично сопровождает его в штаб 11-го Ревсовета Красной Армии на Дворцовой улице в Тифлисе и присутствует на состоявшемся там заседании [14, с. 384-385]. Туманян на тот момент был председателем Общества армянских писателей и по совместительству возглавлял армянский Дом искусства («Айартун»). Орджоникидзе всячески поддерживал и поощрял его, выделив три с половиной миллиона рублей на издательские расходы.

Орджоникидзе с удовлетворением принимает решение Туманяна попытаться прекратить бессмысленное кровопролитие, но предупреждает поэта о возможных опасностях и провокациях [13, т. 7, с. 516]. Однако решимость поэта остается неизменной. Для него было привычным делом окунуться в самую гущу событий и рисковать своей жизнью ради блага народа. В период жесточайших вооруженных столкновений между армянами и кавказскими татарами в 1905–1906 гг. поэт развернул бурную миротворческую деятельность в районах Лори и Борчалу. Именно из-за

этого он подвергся политическим преследованиям, и только весной 1912 г. оправдательный приговор суда в Петербурге положил конец гонениям. В 1915 г. в самый разгар мировой войны и геноцида армянского народа он решился на поездку в Западную Армению, в Баязет, Ван и Васпуракан; летом того же года в духовной столице Армении Эчмиадзине с большим риском для жизни и здоровья, в условиях эпидемии брюшного тифа и повсеместно распространенных других смертельно опасных болезней самоотверженно ухаживал за детьми-сиротами, заслужив еще один «титл» – Отца всех армянских сирот.

Туманян был убежден, что в сложившейся геополитической ситуации Армения не может выстоять и выжить без действенной военной помощи России. Обеспокоенный уходом русской армии с Южного Кавказа, в своем известном открытом письме Сергею Городецкому от 3 января 1918 г. поэт пишет: «Верить ли, что русские могут так легко оставить поля своих побед и Кавказ? Разве... не создаётся новое мощное движение для защиты величия, свободы и чести России?» [там же, т. 7, с. 346–348]. Через пять дней Городецкий публикует ответное письмо, в котором, в частности, пишет: «Русское дело на Кавказе переживает только кратковременный кризис... Кавказ не может жить без России, как и Россия без Кавказа» [там же, т. 7, с. 124–154].

То, что Туманян мечтал видеть Армению независимой страной, бесспорный факт. Но он оценивал ситуацию реально и сознавал, что в тот исторический момент это невозможно. «У нас была независимая республика со своей армией и со всеми атрибутами, – пишет он. – И мы не смогли удержать и защитить нашу страну и наш народ» [там же, т. 7, с. 510].

Туманян понимал, что Февральский переворот не мог увенчаться успехом, был заранее обречен, не имел никаких шансов. Идею восстания отвергал также близкий друг Туманяна, поэт, член партии «Дашнакцутюн» Аветик Исаакян, который в эти самые дни, 15 марта 1921 г., находился в Берлине и оказывал моральную поддержку народному мстителю Согомону Тейлеряну, застрелившему Талаата – одного из организаторов и идейных

вдохновителей геноцида армян. В своем письме от 30 мая 1922 г. Симону Врацянну Исаакян пишет: «Выход такой: нужно отказаться от враждебного курса против большевиков... Наше существование теперь зависит только от существования России, мириться с Турцией поздно и бессмысленно, бесполезно связывать надежды с грузинами, фанатичными татарами, преступно верить в Антанту. Армянский вопрос решен истреблением армян, что пришлось по сердцу всей Европе. Армянский вопрос давно уже извращен, он был для европейцев источником концессий. Такова горькая реальность» [15, т. 13, с. 448].

Туманян считал национальные разногласия и распри большой угрозой для существования страны и народа. Он надеялся, что советизация региона положит конец межнациональной вражде и столкновениям. До советизации Азербайджана, как отмечал Туманян, «в горах Карабаха уже истреблялся армянский народ» [13, т. 7, с. 511], а в Баку и прилегающих районах всё еще продолжал бродить призрак резни. Поэт отмечает: «как только Красная Армия вошла в Азербайджан, сразу же прекратились резня в Карабахе и ужас резни в Баку» [там же, т. 7, с. 512]. Кроме того, после известия, что русская армия вошла в Армению, из Караклисского ущелья отступили турецкие войска.

При этом Туманян прекрасно видел все отрицательные стороны политики большевиков. Он называл Россию, прошедшую через социалистическую революцию, страной, «имеющей дефекты», осуществляющей военную, силовую диктатуру. Страной, которая «не останавливается даже перед террором и продолжает вести гражданскую войну, самую безжалостную из войн» [там же, т. 7, с. 512]. Но тем не менее гарантии физического существования армянского народа Туманян связывал именно с Россией.

К тому же 21 февраля 1921 г. на конференции в Москве должен был решаться вопрос границ Советской Армении. По мнению Туманяна, в сложившейся исторической ситуации судьба армянской государственности находилась в руках Советской России и портить отношения с ней было бы неразумно.

Побывав в самом эпицентре событий, Туманян высказал точку зрения, впоследствии поддержанную историками, согласно которой восстание вспыхнуло спонтанно, неожиданно и только после этого дашнакские деятели решили взять на себя руководство народным движением. Поэт пишет: «Суматоха в городе началась внезапно: никто не знал, что она могла случиться в этот день» [16, т. 10, с. 380].

Поездка Туманяна в Ереван

Ованес Туманян выехал из Тифлиса 15 марта 1921 г.

19 марта Каро Сасуни по распоряжению С.Врацяна выдает поэту пропуск, согласно которому в его распоряжение поступают также телохранители, переговариваться с которыми возбраняется. Туманян свидетельствует, что, переходя линию противостояния большевиков и дашнаков (18-19 марта), он попал под сильный обстрел с обеих сторон. Это повторилось два раза. Поэт был вынужден пройти по глубокому снегу около десяти верст и до глубокой ночи оставаться в непосредственной близости от огневых позиций [16, т. 10, с. 379]. Туманян добрался до Еревана 20 марта. Его маршрут проходил через города Дилижан, Еленовка и Ахта.

Поздним вечером 19 марта 1921 г. проживавшей в Ереване дочери поэта Ашхен передают распоряжение председателя «Комитета спасения» Симона Врацяна подготовить комнату для прибывающего важного гостя, не сообщая при этом, что речь идет о ее отце. Ашхен отмечает также, что по прибытии Туманян рассказал о советизации Грузии. В первые дни они выходили на прогулки, встречали знакомых. Многие уже знали о миротворческой миссии поэта, и с кем бы он ни говорил, все соглашались с его мнением.

Воспоминания современников Туманяна, изданные в годы советской власти, нельзя считать безоговорочно достоверными, поскольку они писались под идеологическим прессом. Нельзя

было даже упоминать имена деятелей дашнакской партии. Применительно к Февральскому восстанию 1921 года Д.Демирчян использовал навязанный советской историографией термин — ярлык. Он пишет: «Понятен тот гнев, который охватил Туманяна во время февральской авантюры. Он не вытерпел и, согласно своей привычке, поехал на фронт... Добравшись до Еревана, Туманян попытался уговорить дашнаков положить конец авантюре... Однако, как говорил Туманян, только одного его появления в Ереване и бесед с несколькими людьми было достаточно, чтобы там поняли обреченность авантюры. Туманян рассказывал, что в Тифлисе образцовый порядок, «нет никакой резни»» [17, т. 14, с. 270]. Несколько иначе рассказывает о тех же событиях С.Зорьян: «В эти дни в Ереване были уверены, что Тифлис находится в руках меньшевиков и что «Комитет спасения» ведет с ними переговоры — с целью создания единого фронта против большевиков. И предполагали, что Туманян отправлен со стороны меньшевиков, наверное, с какой-то очень важной миссией, раз он в эту суровую, снежную зиму взялся за такую трудную поездку... Наши сомнения этим не развеивались... Однако недоумение общественности приняло еще большие размеры, когда распространился слух, что «Комитет спасения» подверг Туманяна домашнему аресту, прикрыв это обстоятельство болезнью поэта» [18, т. 10, с. 38]. По мнению Исаакяна, домашний арест был обусловлен стремлением скрыть от общественности факт советизации соседней Грузии: «Значит, Тифлис в руках большевиков, и Туманян привез из Тифлиса такие вести, распространение которых, вероятно, невыгодно «Комитету спасения». Рассказывали, что в комнате Туманяна всё время сидел какой-то офицер и что очень немногим людям, да и то только близким родственникам, разрешалось зайти к нему, разговаривать только на общие темы, но ни в коем случае не о положении в Тифлисе» [15, т. 13, с. 127].

Относительно домашнего ареста поэта существуют разные мнения. На наш взгляд, истина заключается в том, что у Туманяна было слабое здоровье и ереванским властям было выгодно воспользоваться этим обстоятельством, чтобы изолировать его от

общества. «Я лежу в постели больной, – пишет Туманян в день своего приезда, 20 марта. – Я в дороге сильно простудился, лежу, болен... Мои друзья и родственники навещают меня» [16, т. 10, с. 378]. Слова поэта никак не вяжутся с широко распространенным мнением, что Туманян был арестован. Подобные заверения некоторых современников поэта носят явно тенденциозный характер. Дашнаки относились с исключительным уважением к национальному поэту Армении. Вполне вероятно, что они сами не хотели вовлекать поэта в свою политическую деятельность, чтобы уберечь его от возможных опасностей. Декабристы в свое время из подобных же соображений не включили в списки и не привлекли к своему восстанию Пушкина. Конечно, в дашнакском руководстве были также деятели, не доверявшие посреднической миссии Туманяна. Так, председатель Эчмиадзинского подразделения «Комитета спасения Родины» В.Тер-Хачатрян 23 марта посылает С.Врацяну следующее послание: «Мы хорошо знаем Туманяна, требуем не вскармливать на груди второго Леграна и не баловать его как поэта. Его необходимо либо нейтрализовать, либо удалить. Наша провинция никогда не сможет смириться с мыслью, что мы подчинимся убаюкивающей колыбельной нынешнего большевизма» [16, т. 10, с. 694].

Несмотря на звучавшие то и дело сомнения и нарекания в адрес своей миссии, Туманян пытался стать посредником между двумя враждующими сторонами, даже не имея возможности выходить из дома. Чтобы политический переворот закончился бескровно, поэт предупреждает Атарбекяна о катастрофе, которая будет неизбежна в случае нового вооруженного столкновения. «...К этому повсеместному раздору следует добавить неизбежный голод, который должен наступить скоро, потому что не было ни осеннего, ни весеннего сева... стоило ли проливать столько крови... на всем протяжении революции мы не знали более бессмысленной войны» [16, т. 10, с. 377]. С другой стороны, Туманян передает дашнакским руководителям, что большевистские власти и лично Серго Орджоникидзе обещали, что в случае повиновения и сдачи оружия будет объявлена всеобщая амнистия. Ответ лиде-

ров «Комитета спасения» был выражен в двух словах: «Не верим». И все усилия Туманяна, направленные на то, чтобы примирить и усадить за стол переговоров армянских большевиков и руководителей февральского переворота, оказались напрасными.

В день прибытия Туманяна в Ереван, 20 марта, был получен ультиматум Орджоникидзе с требованием сложить оружие. Туманян пытался повлиять на сложившееся в Тифлисе мнение о том, что февральские события – дело рук одних только дашнаков. Поэт пишет, что «с оружием в руках друг против друга стоят с одной стороны трудовой народ Армении, а с другой – вооруженные силы большевиков, и кровь течет...» [там же, т. 10, с. 375]. Он заявляет, что ни один военнопленный большевик не был расстрелян дашнаками [там же]. Пытаясь снять бремя ответственности за произошедшее с дашнакских деятелей, поэт обращается к Орджоникидзе с просьбой использовать свое влияние и оказать «авторитетное воздействие, чтобы по возможности скорее был положен конец этому никому не нужному кровопролитию» [там же].

В тот же день Туманян в письме Геворгу Атарбекяну вновь подчеркивает, что движение носит народный характер и не является «делом одного человека», как это пыталось представить большевистское руководство. Поэт в письме отмечает также, что только крестьяне бегут от Красной Армии, в то время как интеллигенция относится к советской власти вполне лояльно и намерена сотрудничать с ней. Под «интеллигенцией» Туманян подразумевал деятелей Республики Армения. Чтобы как-то смягчить гнев и воинственный пыл Г.Атарбекяна, поэт снова подчеркивает: «С самого начала восстания в Ереване не имело места ни одного случая расстрела арестованных коммунистов и пленных» [там же, т. 10, с. 376-377]. Туманян отмечает также, что сопровождавший его белый флаг, символизирующий мир и прекращение кровопролития, произвел неприятное впечатление на крестьян, собравшихся на Ереванском фронте. Но вместе с этим он выражает уверенность, что «это движение на самом деле возникло в селах и среди крестьян, для которых коммунистические порядки и распоряжения чужды и неприемлемы» [там же, т. 10, с. 376]. Тем самым

поэт пытался опровергнуть распространяемое мнение о том, что движение, возглавленное «Комитетом спасения Родины», «является делом нескольких людей, и делом, с которым легко покончить» [там же].

Пытаясь исследовать причины Февральского восстания, Туманян повторяет ту мысль, что «крестьянство совершенно не готово воспринять идею коммунизма и его претворения в жизнь», поскольку крестьянству мешает «собственнический инстинкт» [там же]. «По этой самой причине, – продолжает поэт, – поскольку его (крестьянина. – С.О.) собственность была тем или иным образом ущемлена, отсюда возникла эта буря» [там же].

Второго апреля 1921 г. большевистские власти подавили народное восстание, руководители «Комитета спасения» и участники переворота стали покидать Ереван и выезжать за границу. Дороги отступления проходили через Баш-Гарни, Даралагяз и далее в сторону Горной Армении. В эти дни Ованес Туманян всё еще был в Ереване и оказался невольным очевидцем всеобщей паники и хаоса: «Я тоже увидел, – пишет поэт, – как на многотысячную толпу бежавших с ними (дашнакскими руководителями. – С.О.) летели из верховья города пушечные ядра; в тот же день я и Овик (шестилетний внук поэта. – С.О.) чуть было не стали жертвами какой-то пули... Однако в общем в городе не оказалось ни одной жертвы. Конечно, было бы лучше, было бы намного, значительно лучше, если б моя миссия удалась, но между сторонами не было доверия» [там же, т. 10, с. 38].

Усилия Туманяна не были напрасными. Правда, ему так и не удалось убедить дашнакских деятелей, руководителей Республики Армения, сесть за стол переговоров с представителями советских властей, однако он своим личным авторитетом спас много жизней, и не важно, были они большевиками, меньшевиками или дашнаками, – важно то, что все они были его соотечественниками, согражданами, армянами. «Очень хорошо поступил, что приехал, – оценивает поэт итоги своей миссии. – Многие жизни спасены, и не можешь не удивляться... когда как гибель людей,

так и их спасение оказываются таким легким делом» [там же, т. 10, с. 380].

Ереван сдался большевикам без боя. С этой целью была создана специальная комиссия, в которую вошли персидский консул, американский врач Лошер и Ованес Туманян.

Многотысячные толпы беженцев отправились на чужбину через зангезурские горы и иранскую границу. Левон Шант и Никол Агбальян перед своим отъездом встретились с Туманяном. Об этом свидетельствует поэт: «Бедный Никол был болен, так и уехал. Шант был у меня, он уехал днем раньше» [там же, т. 10, с. 384]. Переживания поэта выплеснулись в следующей записи: «Я не способен бросить камень вслед моему родному народу, людям, оказавшимся в этой долине, какими бы преступными я их ни знал; я без колебаний повторю свои первые слова. Напротив, меня переполняет глубокая боль» [13, т. 7, с. 517].

После поражения восстания Туманян всячески старался помогать семьям, члены которых вынужденно уехали, но были не в состоянии забрать с собой всех домочадцев. Оставшиеся не без оснований боялись расправы и преследований со стороны советских властей. «По поводу семей беженцев я пошел к Касьяну – могут ли они считаться свободными или им нужно удалиться?», – пишет поэт [16, т. 10, с. 384]. Председатель Ревкома Армении Саркис Касьян положительно откликается на эту просьбу поэта и советует всем оставшимся выйти из своих убежищ. За подписью Саркиса Касьяна и Асканазы Мравяна 24 апреля 1921 г. публикуется декрет о всеобщем помиловании, согласно которому под амнистию попадают все участники Февральского переворота, то есть все, кто сражался против Советской Армении. Из заключения освобождаются бывшие арестанты и возвращаются ссыльные.

2 апреля, то есть почти сразу после поражения восстания, сын поэта Амлик, руководитель аппарата Комиссариата народного образования, в одном экипаже с Ов.Каджазунни и министром народного образования и искусства Вааном Минахоряном в спешном порядке покидает Ереван и через Персию уезжает за границу, однако, доверившись декрету Ревкома Армении об амнистии,

через некоторое время возвращается в Армению. Однако, как мы уже упоминали, в 30-е годы он вместе с другими своими братьями, Мушегом и Арегом, станет жертвой «красного террора». Такая же судьба постигла подавляющее большинство поверивших обещаниям советских руководителей и вернувшихся на родину участников Февральского восстания, в частности дашнаков. Все они подверглись жестоким преследованиям, были физически уничтожены или сосланы в Сибирь в качестве политических заключенных. В их числе был писатель-сатирик Лер Камсар, одним из главных выдвинутых против него обвинений в 1935 году было участие и поддержка Февральского восстания.

Независимо от результатов миротворческой миссии поэта уважительное отношение Орджоникидзе к нему не меняется. Поэт с дочерью Ашхен и внуком покидает Ереван в тот же день, 19 апреля. Семье Туманяна Орджоникидзе предоставил автомобиль. Однако в пути он испортился. Доехав до Караклиса, Орджоникидзе распорядился, чтобы поэту выделили отдельный вагон с тепловозом, отправлявшимся в Тифлис. Однако поэт, не будучи в силах отказать десяткам знакомых и незнакомых людей, просивших устроить их в этом вагоне, отказывается от услуги и решает продолжить путь в ожидаемом в ближайшие дни обычном поезде.

Летом 1921 г. Орджоникидзе предоставляет Туманяну дачу в Коджоре для отдыха и лечения, но истощенный и к тому времени уже смертельно больной, испытывающий большую материальную нужду поэт отказывается от этой возможности. Как председатель «Комитета помощи Армении», он предпочитает поехать в Константинополь, чтобы организовать гуманитарную помощь для своей обескровленной и бедствующей родины – теперь уже Советской Армении.

Поэта часто спрашивали о его ереванской поездке и миссии. Однажды он ответил на вопрос притчей: «Как-то Иван Купала и Николай Угодник, разнаряженные, идут к месту паломничества. По дороге они видят трясины, в ней тонет человек и взывает о по-

мощи. Иван Купала не хочет залезать в трясины, мол, если зайду, мой наряд испачкается, а Николай Угодник, не пожалев своей одежды, залезает в болото и спасает жизнь тонущего человека. После этого русский народ отмечает праздник Николая Угодника четыре раза в году, потому что он спас жизнь тонувшего в трясине человека, а праздник Ивана Купалы отмечает раз в четыре года. То же и со мной, для спасения нашего народа я пришел и попал в трясины» [19, с. 236-237].

И всё же, думается, лучше всего мотивацию поездки поэта объясняет его дочь Нвард, которая в своих воспоминаниях пишет: «Когда отец вернулся из Еревана в Тифлис, многие спрашивали, почему он в такое смутное время поехал в Ереван, кто дал ему санкцию? Он отвечал так:

– Меня повела судьба армянского народа, меня повел народ... Я не мог спокойно оставаться на месте и заниматься литературой, когда народ находился в опасности, а уже потом получил санкцию от Орджоникидзе» [там же, с. 238].

Февральское восстание потерпело поражение. Оно происходило в судьбоносные и трагические для Армении дни, когда мировые державы, в частности, Россия и Турция, принимали решение о ее границах. Свержение советского строя в Ереване стало причиной полного игнорирования интересов армянского народа в дни переговоров между Россией и Турцией. Хотя в историографии продолжает доминировать мнение, что несмотря ни на что проблема должна была быть решена только на основе геополитических интересов двух договаривающихся сторон.

В результате русско-турецких переговоров, проходивших в Москве с 26 февраля по 16 марта 1921 г., армянские территории были переданы Турции (в частности, Сарикамыш обменяли на Батум). Турции была передана также провинция Сурмалу, которая никогда не находилась в ее составе. Область Нахиджеван и провинция Шарур были переданы Азербайджану [20, с. 315–323.]

Положительным значением Февральского восстания было освобождение из тюрем и избавление от мученической смерти многих представителей армянской интеллигенции и националь-

ных деятелей. Кроме того, революционные власти были вынуждены в некоторой степени смягчить свою политику, сопровождавшуюся насилием, репрессиями и конфискациями, вернуть из ссылки многих офицеров и т.д.

Ованесу Туманяну не удалось в полной мере осуществить свою миротворческую миссию. Его голос не был услышан ни одной из враждующих сторон. В результате и та и другая остались недовольны, обе стороны обвиняли поэта в том, что он – по другую сторону баррикады. Большевики одну из своих публикаций, рассказывавших о миссии поэта, озаглавили так: «Загубленная карьера одного дипломата» [21]. Туманян по этому поводу едко заметил: «Слишком витиеватое название для очень ясной моей роли» [13, т. 7, 409]. В заметке поэт был представлен как посланник, предавший интересы большевиков и перешедший на сторону дашнаков [21]. Принципиально иными были оценка и подход С.Орджоникидзе: он всегда относился к Туманяну подчеркнуто уважительно и исходил из того непреложного факта, что поэт вовсе не был посланцем большевиков – он был человеком, добровольно взявшим на себя трудную и неблагодарную миссию миротворца, решившего предотвратить готовую разразиться братоубийственную гражданскую войну. В архиве сохранился черновой фрагмент заметки, посланной поэтом в редакцию газеты «Коммунист». Из нее выясняется, что Ревком Армении пытался с помощью радиосообщений связаться с Туманяном, но безуспешно. 17 апреля 1921 года, когда Орджоникидзе приехал в Ереван, Туманян встретился с ним. Неизвестно, разделял Орджоникидзе озабоченность поэта репрессиями или нет, но 22 апреля из Москвы пришло разрешение на возвращение сосланных в Россию армянских военных. 24 апреля был опубликован указ Ревкома об амнистии, по которому ранее заключенные и сосланные освобождаются от ответственности [22].

Заключение

18 февраля 1921 г. произошло свержение большевистского правительства в Армении, сопровождавшееся ожесточенными гражданскими столкновениями. Это было следствием деятельности Армянского Революционного комитета, его широкомасштабных политических репрессий и конфискаций.

Армянская историография неоднократно затрагивала эту тему, в результате всестороннего исследования архивных документов и периодики эпохи создана богатая литература, в которой высказывались различные мнения и оценки, зачастую противоречивые. Их научное исследование важно для выявления причин и последствий Февральского восстания, а также общих положений и особенностей при попытках грубого силового подавления или применения технологии «мягкой силы».

На примере четкой гражданской позиции и всей национально-патриотической деятельности Ованеса Туманяна можно утверждать, что важную роль в деле прекращения гражданских войн могут сыграть пользующиеся большим авторитетом в народных массах личности, писатели, деятели науки и искусства. Использование авторитета всенародно известного и любимого поэта и всесторонняя поддержка, поощрение его миротворческой миссии со стороны С.Орджоникидзе являются примером применения технологии «мягкой силы».

Ованес Туманян был единственным армянским писателем и национальным деятелем, который, рискуя своей жизнью, пытался остановить братоубийственное кровопролитие. Он не был политологом, он был беспартийным патриотом своей родины, поэтом, знавшим и инстинктивно ощущавшим логику исторических реалий и событий.

Деятельность Туманяна с февраля по апрель 1921 г. свидетельствует о борьбе противоборствующих политических сил, в которой доминировали нетерпимость и жестокость. Письма и телеграммы Туманяна о Февральском восстании, направленные С.Орджоникидзе, руководителям советской Армении – С.Касьяну, Г.Атарбекяну, своим родным и близким, являются историческими документами, в реальных красках обрисовывающими

действительность. Они позволяют осмыслить цепь событий, восстанавливают суть революционного времени с точки зрения беспартийного поэта, который был свидетелем и участником событий. В них содержится важная информация, которая помогает восстановить реальную картину февральских событий 1921 г., а также понять и уточнить роль национального поэта в прекращении кровопролития.

События повседневной жизни всенародно известного и любимого поэта дополняют его научную биографию, воссоздают его образ, раскрывают его русскую ориентацию и в то же время выдвигают на первый план исторические реалии данного периода. Изучение переписки поэта в те дни и противоречивых статей в прессе о его посреднической миссии свидетельствует о взаимной нетерпимости противоборствующих сил в революционное время. Именно по этой причине выступление самого известного, самого национального армянского поэта было лишь отчасти услышано враждующими сторонами. Однако ему удалось в тот момент спасти тысячи жизней, что сам поэт справедливо считал главным результатом своей миссии.

Литература

1. *Борьян Б.А.* Армения, международная дипломатия и СССР, ч. II, М.-Л.: Госиздат, 1929.
2. *Нечкина М.В.* А.С. Грибоедов и декабристы, М.: Директ Медиа, 2016.
3. *Кадышев А.* Интервенция и гражданская война в Закавказье, М.: Военное изд-во Министерства обороны СССР, 1960.
4. *Фомин А.* Армянский вопрос и дипломатия великих держав в 1918–1921 гг. Кавказский сборник, т. 5 (37) / Под ред. В.В. Дегоева. М.: Русская панорама, 2008.
5. *Бабаджян В.* Межпартийные отношения в Республике Армения (1918–1920), Ереван, изд-во ЕГУ, 2017 (на арм. яз.).
6. *Квашонкин А.В.* Технология «красных революций» в Закавказье в начале XX в., Политика и общество, М.: 2016, № 4 (136).

7. *Карапетян М., Геворкян Э.* Советская Армения в 1920–1991, Ереван: 2007, Зангак-7 (на арм. яз.).
8. *Врацян С.* Республика Армения, т. 4, Ереван, издательский дом «Акоп Мегарт», 1993 (на арм. яз.).
9. *Каджазнуни Ов.* Федерации РА больше нечего делать, Вена: 1923 (на арм. яз.).
10. *Степанян Г.* Амазасп, Ереван: Лусакн, 2016 (на арм. яз.).
11. *Болдуин Ол. Р.* Шесть тюрем и две революции, Ереван: 1933 (на арм. яз.)
12. *Татул Аиот.* Историческая ценность 18 февраля 21 г. // газета «Арач», февраль 1929 (на арм. яз.).
13. *Туманян Ов.* Полное собр. соч. в 10 томах, т. 7, Критика и публицистика (1913–1922). Ереван: Гитутюн, 1995 (на арм. яз.).
14. *Баграмян И. Х.* Мои воспоминания, Ереван: Айастан, 1979.
15. *Исаакян А.* Полное собр. соч. в 14 томах, т. 13. Письма. Ереван, 2020 (на арм. яз.).
16. *Туманян Ов.* Т. 10, Письма. Ереван: Гитутюн, 1999 (на арм. яз.).
17. *Демирчян Д. К.* Собр. соч. в 14 томах. Об Ов. Туманяне, т. 14, Гитутюн, 1987 (на арм. яз.).
18. *Зорян Ст.* Собр. соч. в 10 томах, т. 10, Ереван: Айпетрат, 1964 (на арм. яз.).
19. *Туманян Н.* Воспоминания и беседы, Ереван: Эдит Принт, 2009 (на арм. яз.).
20. *Муханов В.М.* Кавказ в переломную эпоху (1917–1921 гг.). М.: Модест Колеров, 2019.
21. «Коммунист», газета, Ереван, 10 апреля 1921 г., № 62.
22. «Красная звезда», Тифлис, 1921, № 46.

МАРИНА ВАГАРШЯН

ИСТОРИЯ ОДНОЙ ФОТОГРАФИИ

Этого рассказа могло и не быть, если бы не звонок из Москвы народного артиста Армении, кинорежиссёра Нерсеса Оганесяна, которого я называла просто Нерсик в пору моего счастливого детства.

В то время он звонил очень часто в дом Лаэрта Вагаршяна, и поскольку я была самым младшим членом семьи, не без удовольствия подбегала к нашему чёрному телефону, номер которого до сих пор помню – 2 18 92, и на мое «алло» в трубке в разное время дня раздавался всегда радостный и очень приятный голос – голос Нерсика. В качестве маленькой хозяйки дома, доложив, кто звонит (а его голос, конечно, был мною всегда узнаваем), я убегала к своим прерванным занятиям. И мне тогда, в мои детские годы, казалось, что звонки эти не могут прекратиться и будут непременно продолжаться всю жизнь – поскольку все мы очень любили Нерсика. Но, как говорят, мы предполагаем, а Бог располагает.

Прошло много лет – боюсь назвать цифру, – и в один прекрасный день зазвонил телефон и тот же голос, с той же, присущей только Нерсику интонацией, заставил меня с яркостью вспомнить блаженное время, которое называется детством. Может, я ошибаюсь, но мне показалось, что на какое-то мгновение мы оба попали в то самое время.

Разговор шёл о 90-летию Лаэрта. Я очень благодарна этим переговорам по телефону и уверена, что успех юбилея, который организовал Геворк Геворкян – спасибо ему! – прошел не без помощи советов и указаний Нерсеса Оганесяна. А ещё большое спасибо за видео, где Нерсес Оганесян говорил много хорошего про Лаэрта Вагаршяна.

Но «песня не о том», а совсем о другом, не менее прекрасном дне, о котором очень подробно рассказал мне в разговоре по телефону Нерсес Оганесян. А я взялась написать про это ещё и потому, что есть события, которые живут с тобой всю жизнь и не стираются из памяти.

Итак, далекий 1963 год. В ту пору Лаэрт Вагаршян, молодой успешный кинорежиссёр, получил поручение по телефону (что бы мы без него делали!) из АОКСа (Армянское общество культурных связей) сопровождать кинорежиссера из Америки в мастерскую Мартироса Сарьяна. Фамилию американского гостя не назвали: видимо, представителям АОКСа было без разницы, а может, фамилия им ничего не говорила. Папа решил воспользоваться случаем и заодно поспособствовать эстетическому образованию своей дочери, и меня, десятилетнего подростка, быстренько причесали, одели в самое лучшее, и я в компании с мамой Екатериной Степановной, а также очень быстрым на подъём Нерсиском в сопровождении «представителя» АОКСа очутились в мастерской великого живописца. По рассказу Нерсеса: «только по пути, в машине, из разговора с женой американского кинорежиссёра, по названию фильма «Лисички» мы поняли, кого мы сопровождаем».

Это был Уильям Уайлер (1902–1981) известный американский режиссёр, продюсер и сценарист. Свой первый Оскар он получил в 1936 году за фильм «Додсворт», где в главных ролях играли Уолтер Хьюстон, Рут Чаттертон и Мэри Астор. Еще три Оскара он получил за фильмы «Бен-Гур» (1959), «Лучшие годы моей жизни» (1946) и «Миссис Минивер» (1942). К списку его работ следует добавить всеми любимые ленты «Римские каникулы» (1953), «Как украсть миллион» (1966), «Смешная девчонка» (1968). А также менее известные советскому зрителю фильмы «Наследница» (1949), «Письма» (1940), «Грозовой перевал» (1939), «Иезавель» (1938), «Герои ада» (1930).

Итак, обладатель уже к тому времени четырех Оскаров, один из лидеров американской киноиндустрии, знаменитый и преуспешный Уильям Уайлер, как выяснилось, занимался также кол-

лекционированием произведений искусства. Тогда, в 1963 году, он уже пользовался большой известностью и популярностью и в нашей стране, окружённой железным занавесом, но он приехал в Армению, как объяснил Нерсес Оганесян, из Москвы всего на три дня лишь для приобретения картин великого армянского живописца Мартироса Сарьяна. Поэтому его визит не имел официального характера – он приехал почти инкогнито.

Вы спросите: и ты это помнишь? Нет конечно, это всё со слов Нерсеса Оганесяна. А помню я вот что. Ажиотаж вокруг американской знаменитости соответствовал степени его известности, и мне, подростку, досталась лишь роль зрителя. Мастерскую художника я имела честь посещать не единожды, поэтому моё внимание привлекали не картины, которые видела я не раз, а гости из далекого зарубежья.

Не могу не вспомнить, как по просьбе папы Мартирос Сергеевич написал мой портрет. Помнится, маэстро не проронил ни единого слова во время сеанса, только один раз оставил меня одну в мастерской в компании с очень большими, по моему представлению, собаками, которые во всё время отсутствия своего хозяина сторожили его «добычу». Признаюсь, испытала чувства не из приятных. Но, как бывает в сказках, всё сложилось как нельзя лучше. Великий художник и человек создал удивительную работу, в которой определенно я вижу себя даже спустя много лет.

Вернёмся к нашей компании с Уильямом Уайлером и его очаровательной женой.

Уже были выбраны три работы великого Сарьяна. Оценка работ исходила от самого Уайлера, не было никакого торга – мастер кино знал цену уникальным картинам, однако, со слов Нерсеса Оганесяна, всё было оформлено как дарение, поскольку в Стране Советов частная торговля каралась законом.

Пришло время расставания, и, чтобы память не стёрла столь значимый день и имелся на случай документ, решили запечатлеть себя на фотоплёнке.

И тут... Я с готовностью приблизилась к компании взрослых, думая, что нет особого регламента против фотографий известнос-

тей с детьми, и вдруг кто-то велел мне отойти в сторону. Обида, ой какая обида!.. Я послушно отступила – воспитывали меня изрядно, – но как я помню эти минуты! В защиту американцев: не думаю, что это указание исходило с их стороны.

И всё-таки вмешался его величество случай: в один из четырёх кадров, которые сохранила фотоплёнка, нечаянно вошла и я!!!

Именно поэтому мне эта фотография так дорога. Невзирая на то, что стою я в сторонке, закусив губы, еле сдерживая слёзы (сдержанности меня тоже учили), эту фотографию я храню с особенным трепетом. И ещё я благодарна Роберту Матосяну за возможность рассказать эту историю, так как вряд ли кому-нибудь придёт в голову, что десятилетний ребёнок может что-нибудь помнить.

А ещё я с гордостью включила этот уникальный фотодокумент в каталог моих картин и вписала в него такие яркие и громкие имена как УИЛЬЯМ УАЙЛЕР, МАРТИРОС САРЬЯН, а также Лаэрт Вагаршян и Нерсес Оганесян.

P.S. Уроки жизни всегда влияют на становление личности, ее характер. Именно поэтому я стараюсь всегда относиться с уважением к «маленьким представителям общества». Ведь неизвестно, что именно застрянет в их маленьких головках, что послужит им примером для подражания или наоборот.

Несколько лет назад по случаю выставки портретов в Музее Мартироса Сарьяна, где был выставлен и мой портрет 1963 года, мы сфотографировались в той же мастерской и в том же углу. Мой внук стоял в центре.

ЛЕВОН БЛБУЛЯН

ДОЛГОВЕЧНОСТЬ ПЕСНИ

Несколько месяцев назад в Ереване вышла книга стихов известного русского барда Владимира Высоцкого. Перевел ее на армянский язык Левон Блбулян, поэт, на чьи слова современными композиторами создано немало исполняемых сегодня песен. Тесное общение с творчеством переводимого поэта и вызвало к жизни эти размышления Л.Блбуляна.

Я уверен, что имя Владимира Высоцкого многим знакомо и дорого. Та всенародная любовь и признание, которые он имел при жизни в бывшем Советском Союзе, спустя вот уже 45 лет после его трагической кончины нисколько не уменьшились, если не наоборот. Разве мы ошибемся, если скажем, что этот легендарный человек, рожденный под покровительством почти всех муз, продолжает оставаться с нами десятками книг, изданными посмертно, выпущенными альбомами и кассетами, по-новому воспринятыми и оцененными киноролями, посвященными ему концертами, передачами и... множеством вероятных и невероятных, реальных и вымышленных историй вокруг его имени? Да, не зря и в песнях, и на концертах он так часто жаловался на бесконечные слухи и сплетни, преследовавшие его, что еще больше осложняло и без того трудную жизнь певца, которая при советской власти представляла собой бесконечную, упорную борьбу с тайными и явными притеснениями, коварными интригами.

Организации, инстанции и лица
Мне объявили явную войну –
За то, что я нарушил тишину,
За то, что я хриплю на всю страну,
Затем, чтоб доказать – я в колесе не спица,
За то, что мне нейдет, за то, что мне не спится,
За то, что в передачах за граница
Передаёт блатную старину,
Считая своим долгом извиниться:
«Мы сами, без согласия...» – Ну и ну!

Да, на протяжении всей своей жизни Высоцкому приходилось бороться с советскими чиновниками, которые так и не поняли истинной ценности его искусства и видели в нем кого угодно, «вора, пьяницу, искателя дешевой славы, идола дворов и пивных», но только не настоящего артиста. Но чего они хотели от него? Почему невероятно популярный певец и автор песен, любимый всей Россией и всем Советским Союзом, талантливый артист и поэт, чьи песни звучали почти в каждом доме, был отвергнут и дискредитирован? Было так, потому что он нашел и осознал свое призвание:

Мне судьба – до последней черты, до креста
Спорить до хрипоты (а за ней – немота),
Убеждать и доказывать с пеной у рта,
Что не то это вовсе, не тот и не та...

И мятежный, прямодушный, самоотверженный артист с первых шагов своего творческого пути, еще в те дни, когда в его стране не могло быть и намека на демократию и гласность, был одним из немногих, кто смело, не смущаясь говорил о таких вещах, своим творчеством бунтовал против явлений, которые искажали нашу жизнь, омрачали наши души. А за это, как говорится, никого не гладили по голове. Но он просто не мог иначе, потому что по своей природе, темпераменту и душевному строению был

бойцом, преданным солдатом правды и справедливости. Потому что понял и по разным поводам признавался своим слушателям: «В песне надежда возлагается только на одно: что всех вас, как и меня, тревожат одни и те же заботы, человеческие судьбы, одни и те же мысли. И как у вас, так и у меня, душа разрывается на части, жилы скрючены человеческими несправедливостями и горем». И значит, он просто не мог в той реальности, в которой жил, не чувствовать и не видеть, и во всеуслышание не написать, не спеть с негодованием, что

Полная Правда божилась, клялась и рыдала,
Долго скиталась, болела, нуждалась в деньгах,
Грязная Ложь чистокровную лошадь украла –
И ускакала на длинных и тонких ногах.

Сгорание без остатка и творческая страсть, сила и смелость, абсолютная искренность и непосредственность – вот наиболее характерные черты творчества этого многогранно одаренного артиста, удивительной личности. Достаточно послушать одну-две песни в исполнении автора, чтобы убедиться, что он всей своей сущностью растворяется в своих произведениях, каждой интонацией своего хриплого, необычного, словно металлического голоса каждый раз будто воссоздает песню, дополнительную емкость каждой строке. И вполне естественно, что были сомневающиеся, утверждавшие, без песни, без авторского исполнения стихи Высоцкого вряд ли смогут произвести такое впечатление. Без музыки они, конечно, многое теряют. Его «легендарный темперамент» часто творил чудеса: в некоторых песнях голос достигал невообразимой гибкости и глубины. И все же не стоит впадать в крайности и легкомысленно игнорировать его уникальную, смелую и воинственную поэзию, как некоторые это делают даже сегодня, когда время уже многое расставило по местам, а Высоцкий удостоился более глубокой и осознанной любви. Истина, вероятно, в следующем: чтобы лучше понять этого удивительного человека и художника, не лишне, слушая его песни, также просматривать

тексты (хотя при этом не всегда успеваешь полностью воспринять и усвоить все пласты поэтической речи) и, наоборот, при чтении стихов послушать его несравненное исполнение.

Нет, слова его песен – не просто тексты, которыми сегодня переполнен музыкальный рынок. Большинство из них – это полноценные стихи, которые содержат большой интеллектуальный и эмоциональный заряд и затрагивают нестареющие нравственные и социальные проблемы. Тем самым успех автора-исполнителя Высоцкого во многом определяется неоспоримым талантом поэта Высоцкого. Поэта, для которого, можно сказать, не существует непоэтических тем и сюжетов, и каждая сфера и явление повседневной жизни могут стать материалом поэзии. Он поет о войне и любви, произносит потрясающие монологи от имени животных или предметов, придумывает подлинные бытовые истории, направленные юмором, и даже в так называемых «дворовых» песнях достигает глубокого драматизма. И во всех случаях, даже в самых прозаических, на первый взгляд откровенных и грубых строках чувствуется свежее, неповторимое поэтическое мышление:

Я сжал письмо, как голову змеи, –
Сквозь пальцы просочился яд измены.

К каждому новому стихотворению он подходил с особой ответственностью, терпеливо корпел над каждой строкой, каждым словом. И кажущаяся легкость творения, интимный, разговорный тон и непринужденность дыхания, благодаря которым его песни сразу же завоевали необъятную аудиторию, в действительности были достигнуты огромным трудом и большими усилиями. Во время многолюдных концертов он иногда считал нужным сделать несколько замечаний по поводу своего искусства: «Самое главное в авторской песне – текст, информация, поэзия. Это даже не песня вовсе, а стихи, исполняемые под аккомпанемент гитары или баяна, где подчеркивается их ритмическое звучание... Над песней нужно работать дольше, чем над объемным поэтическим произведением. Ее надо больше очищать, чтобы она влезала в уши и в души одновременно».

И именно такими являются песни Высоцкого. И новая песня, которая родилась сегодня, уже через два-три дня звучала по всей стране – в то время, когда об их трансляции по радио и телевидению не могло быть и речи. Увы, с очевидным творческим ростом Высоцкого, с его все возрастающей славой, давление и притеснения не только не ослабевали, но и становились все более очевидными. Выступления любимого певца, кумира общества порой запрещались прямо перед началом, чаще всего якобы по причине его болезни. По сути, ему не только запрещали петь, но и обвиняли его в провале концертов. Все редакции возвращали его стихи с отрицательными отзывами. При жизни только одно свое стихотворение он увидел опубликованным. Все это доводило его до бешенства, выводило из равновесия:

И, улыбаясь, мне ломали крылья,
Мой хрип порой похожим был на вой,
И я немел от боли и бессилья,
И лишь шептал: «Спасибо, что живой».
...Вокруг меня кликуши голосили:
«В Париж мотает, словно мы – в Тюмень;
Пора такого выгнать из России,
Давно пора – видать, начальству лень!»

Действительно, в то время для Высоцкого, который долгие годы считался нежелательным, опасным элементом, и география концертных выступлений, гастролей которого всегда была строго ограничена, открылась дорога за границу, в частности в Париж. Но не будем наивными, это вовсе не было результатом раскаяния или великодушия советского руководства. Просто Высоцкий женился на знаменитой французской актрисе, красавице Марине Влади, которая стала для него настоящим ангелом-хранителем на пути его будущих испытаний и о которой в своем последнем стихотворении он написал: «Я жив, тобой и Господом храним».

Теперь, наконец, дорога была открыта, он несколько раз посетил Париж, с Мариной объездил Америку и Канаду. Мог бы на-

всегда обосноваться во Франции, чтобы освободиться от постоянного враждебного отношения и избавить советских чиновников от головной боли. В то время покинуть страну для многих было заветной мечтой. Но мог ли такой человек, как Высоцкий, легко и спокойно покинуть свою страну? «Уезжать из России, зачем? Я не диссидент, я художник. Я работаю со словами, мне нужны мои корни, я поэт. Без людей, для которых я пишу, я не существую. Без общества, которое меня боготворит, я не могу жить. Без их любви я задыхаюсь. Но без свободы я умираю».

Такая дилемма была невыносима. Он не находил своего места ни в Париже (где в конце концов смог выпустить несколько альбомов с теми песнями, которые хотел, и в нужном качестве), ни в Москве, где его свободы были нестерпимо ограничены, а клевета и сплетни не имели конца:

Кричат, что я у них украл луну
И что-нибудь ещё украсть не премину.
И небылицу догоняет небылица.
Не спится мне... Ну как же мне не спиться!

И, да, он начал пить. Вернее, не начал, а более безнадежно отдался алкоголю, не находя другого способа утопить в себе злость и отчаяние. Он чувствовал себя изгоем, на каждом шагу сталкивался с завистью и недоброжелательностью: его невероятная слава и признание, концерты на огромных, переполненных стадионах, постоянные очереди на спектакли Театра на Таганке с его участием у многих вызывали лишь ревность. Всеобщая любовь и признание, увы, не смогли предотвратить его падение все ниже и ниже. И сам поэт первым осознал, почувствовал приближающийся конец:

Вдоль обрыва, по-над пропастью, по самому по краю
Я коней своих нагайкою стегаю, погоняю...
Что-то воздуху мне мало – ветер пью, туман глотаю...
Чую с гибельным восторгом: пропадаю, пропадаю!

Но кони, эти «привередливые кони», которые выпали на его долю, не собирались сбавлять темп, как бы он их ни умолял: «Чуть помедленнее, кони, чуть помедленнее!» И произошло неизбежное. 25 июля 1980 года остановилось мятежное, подарившее своему слушателю множество песен, каждым своим биением неотделимое от радости и боли своего народа, но, увы, уже уставшее и измученное сердце Владимира Высоцкого. Однако и в смерти он вышел победителем над своими фанатичными противниками, тут же расстроил их расчеты. Власти хотели похоронить поэта незаметно и тихо, на отдаленном, глухом кладбище, чтобы, наконец, избавиться от него и вздохнуть полной грудью. Ни то, ни другое им не удалось. А потом случилось то, что неизбежно после земной жизни каждого истинно народного поэта...

Я до рвоты, ребята, за вас хлопочу!
Может, кто-то когда-то поставит свечу
Мне за голый мой нерв, на котором кричу,
И весёлый манер, на котором шучу...

Ежегодно сотни тысяч людей с благоговением зажигают свечи в его память, преклоняясь перед его бурной жизнью и всем его творчеством. А его могила, расположенная прямо в начале Ваганьковского кладбища, в сердце Москвы, в самом оживленном уголке, стала местом паломничества, постоянно украшенное свежими цветами. Уже сколько лет не прекращается поток людей сюда и не прекратится, пока его прекрасные песни лечат души, продолжают бороться за правду и справедливость. Значит, не прекратятся никогда. Высоцкий предвидел это, когда писал:

Электророяль мне, конечно, не пара –
Другие появятся с песней другой.
Но кажется мне: не уйдём мы с гитарой
В заслуженный и нежеланный покой.

Да, с его чудотворной гитарой, с его прекрасными песнями и стихами, ему вряд ли когда-нибудь удастся найти тот самый «за-

служенный покой», потому что его песни и сегодня как прежде звучат повсюду, и не только в его стране. Люди самых разных профессий и занятий, самых разных возрастов с первых же звуков узнают его необычный, вселяющий веру и доверие голос. Его замечательные песни, как и прежде, помогают жить, достойно встречать жизненные трудности, в его «компании» тысячи людей чувствуют себя солдатами справедливости, добра и красоты.

Гитара опять
Не хочет молчать –
Поёт ночами лунными,
Как в юность мою,
Своими семью
Серебряными струнами!..

НИНА ГАБРИЭЛЯН

ИЗ СЕМЕЙНОГО АЛЬБОМА

Самое раннее воспоминание. Ночь. Кто-то в сером сидит на стуле рядом с моей кроватью и смотрит на меня. Мне страшно. Наутро серый человек превращается в грудку одежды, наброшенной на спинку стула. Мне явно не больше трех лет. Мы живем на Красноармейской улице у метро «Динамо». Квартиру не помню, но, по рассказам матери, это была огромная коммуналка из одиннадцати комнат. В каждой – по семье. Нас четверо: мать, отец, старшая сестра Вера и я. Живем в девятиметровке.

Другое воспоминание. Мы гуляем с матерью вдоль какой-то чугунной ограды, подходим к воротам. «Здесь работает папа, – говорит она. – Это Академия Жуковского». Много позже, уже после смерти отца, мне, взрослой женщине, часто снятся эти ворота. Во сне я пытаюсь в них войти. Но туда нельзя – часовой требует пропуск.

...В 1956 году отцу дали две смежных комнаты в трехкомнатной квартире на Ленинском проспекте. Одна комната большая, с желтыми обоями. Другая маленькая – с красными. В маленькой – две большие деревянные кровати, застланные китайскими шелковыми покрывалами. Они алые, расшитые большими золотыми птицами. Отец уже подполковник, и его заработок позволяет, как тогда говорили, «обставиться»: у нас солидная мебель – дубовый гардероб, сервант, книжные полки до потолка, пианино «Ростов-Дон»...

Здесь мне точно уже три года. Мы с сестрой почему-то спим в маленькой комнате, на удобных кроватях, родители – в большой. Мать – на диване, отец – на раскладушке. Его любимая шутка на старости лет: «Напишу мемуары и назову их «Тридцать лет на

одной раскладушке». По всей видимости, они руководствовались принципом: «Всё лучшее – детям».

В конце коридора еще одна комната. Там живут соседи: старуха-мать и ее немолодая дочь. Они проскальзывают по краю моего сознания, почти не зацепив его: их смутные фигуры в длинных халатах то возникают в общем коридоре, то исчезают... Помнится, у них обеих волосы были собраны на затылке в пучок... Позже их сменяет большая семья с детьми и внуками. Глава семейства работает фотографом. Время от времени он запирается в ванной комнате, и тогда щель под белой дверью становится красной. Я знаю, что он там проявляет пленки, и входить нельзя. Как-то раз я всё же не утерпела и приоткрыла дверь. Там, в залитой красным светом ванной комнате, я успела разглядеть спину соседа, в черном рабочем халате колдующего над какими-то лоточками, и услышала страшный крик: «Закройте дверь!»

Семья большая, и мать семейства Ольга Борисовна, маленькая, голубоглазая, рыжая, всё время что-то жарит, варит, печет на общей кухне. В памяти почему-то застряла следующая сцена. Ольга Борисовна в голубом ситцевом переднике в веселый белый горошек стоит на кухне. В руке у нее большой острый нож. Перед ней на разделочной доске трепещет рыба, зеркальный карп. Рот у рыбы раскрыт, жабры раздуваются. «Рыба-рыба, – поет Ольга Борисовна, – как мне тебя жалко, рыба!» И, взмахнув ножом, ловко оттапывает у карпа голову. Серебряное тело карпа подскакивает и начинает прыгать на доске. «Ай!» – вскрикивает Ольга Борисовна.

После них в этой комнате окончательно поселяется холостой летчик.

Память выхватывает сцены из прошлого произвольно, в соответствии со своей, не всегда понятной мне логикой.

...Вот солнечный зеленый луг. В густой траве – дети в белых панамках. Это детский сад на летнем отдыхе. Большой изумрудный кузнечик выглядывает из травы. Я пытаюсь поймать его, но он больно бьет меня по пальцам чем-то острым.

...Вот наш двор на Ленинском проспекте. Осень. Мокрый асфальт густо усеян желтыми и красными листьями. На маленькой платформе, сколоченной из грубых досок, сидит человек без ног. Под платформой – металлические колесики. Человек отталкивается от асфальта чем-то вроде круглой биты, зажатой в его руке. Платформа трогается с места. Я боюсь, что доски развалятся и он упадет.

– Дуся, это кто? – спрашиваю я няню.

– Инвалид, – отвечает она. – На фронте ноги оторвало.

Платформа медленно движется в нашу сторону. Проезжая мимо нас, человек задирает голову и смотрит на Дусю пронзительно-синими глазами:

– Что, красавица, замуж за меня пойдешь?

И, не дожидаясь ответа, снова отталкивается битой от земли. Мы смотрим ему вслед.

– Ох, горе! – вздыхает Дуся.

...Песочница под большим красным грибком. Мы со Светкой и Сережкой, моими приятелями из соседней квартиры, вооруженные совочками и формочками, делаем куличики из песка. «Берия, Берия, вышел из доверия, – весело запекает Светка. – А товарищ Маленков надавал ему пинков». Нам с Сережкой нравится новая песенка, и мы радостно подхватываем: «Надавал ему пинков!»

Из всей многочисленной родни мы единственные, кто живет в Москве. У нас всё время кто-то гостит. То отцовские родственники из Еревана, то материнские – из Баку. Мне уже пять лет, и, благодаря матери, я неплохо ориентируюсь в семейной истории. Я знаю, что отец родился в Армении, в деревне с труднопроизносимым названием Брнакот. И фамилия у него под стать родной деревне – Мкртычев. Попробуй выговори! Его братья и сестры почему-то Мкртчяны. Это еще сложнее – пять согласных подряд! А в невесть каким образом сохранившемся паспорте моего покойного деда и вовсе стоит – Тер-Мкртычев. Отец с семнадцати лет в Москве. Но на каком этапе его жизни фамилия стала окан-

чиваться на «ев», не знаю. Отпадает от нее и приставка «тер», свидетельствующая о том, что в роду были священнослужители.

Эта фамилия еще долго будет причинять мне массу неудобств. При заполнении различных справок и анкет ее всё время путают: то напишут Мукуртычева, то Марктычева. И потому позже, начав публиковаться как писатель, я решительно меняю ее на девичью фамилию матери – Габриэлян.

Мне нравится, что родственников так много. Они всегда приезжают с большими плетеными корзинами, в которых полыхают разноцветные южные фрукты: багровые гранаты, бледно-желтые груши, розовые персики... Что везут обратно, домой, не помню. В памяти сохранилась единственная сцена. Мамина сестра из Баку тетя Виргиния сидит за столом и раскладывает по коробочкам из-под мармелада белые кусочки сахара. «Это Мусе, – говорит она. – Это Розе, а это Кате». Стало быть, везет подарки не только родне, но и соседям.

Детей любят и охотно с ними возятся. До сих пор помню одну игру, которую затевал с нами дядя Иосиф, муж отцовской сестры тети Клары.

Дядя сидит на стуле, мы с сестрой – напротив него на диване. «Где мой носик? – спрашивает дядя. – Где он?» Правая рука его начинает подниматься вверх в поисках пропавшего носа. Мы зловороженно следим за действиями руки. Шевеля пальцами, она медленно приближается к его лукаво улыбающемуся лицу. «Где мой носик? – снова удивленно вопрошает дядя. – Где же он?» И тут рука совершает резкий рывок и хватает дядю за кончик носа. «Вот он, мой маленький!» – радостно восклицает он. Мы с сестрой хохочем – внушительный армянский дядин нос никак не тянет на «маленький».

Бывали и курьезные случаи.

Звонок в дверь. Мать идет открывать.

– Кто там? – спрашивает она.

– Миша Мкртычев здесь живет? – отвечает из-за двери мужской голос с сильным акцентом.

– Здесь, – говорит мать.

Открываем. На пороге стоят трое смуглых усатых мужчин с чемоданами.

– Мы ваши родственники, – радостно сообщают они. – Двоюродные племянники жены дяди Мишиного троюродного брата. Я Гагик, а это Овик и Ваник.

Такие имена я слышу впервые, и на мой московский слух они звучат как уменьшительно-ласкательные, что-то типа «Вовик» или «Валерик», совсем не подходящие для взрослых дяденек. Я прыскаю в ладошку.

Мама делает мне страшные глаза и любезно говорит усачам:

– Проходите.

По растерянному выражению ее лица можно догадаться, что она не только впервые видит их, но даже и не подозревала об их существовании.

Они втаскивают в прихожую чемоданы, начинают снимать ботинки:

– Мы ненадолго, всего на пять дней.

Тут до матери доходит, что это не короткий визит часика на два, а нечто более серьезное. И она делает робкую попытку отбиться от непредусмотренного вторжения:

– Но у нас спать негде. У меня сестра из Баку гостит. С детьми.

– Ничего-ничего, – дружно успокаивают ее усачи. – Газету на пол постелем, ляжем. Газеты у вас есть?

– Есть, – вздыхает мать.

Прожив у нас пять дней, новоявленные родственники навсегда исчезают из нашей жизни.

Хотя по тогдашним меркам семья наша считалась вполне обеспеченной, мать и отец были людьми непритязательными.

Отец, восьмой ребенок в семье, лишился обоих родителей в 1918 году, когда ему был всего один год от роду. И вместе с двумя своими сестрами оказался в приюте. Вспоминать об этом он не любил. Однако из его обрывочных рассказов, а также со слов его сестер знаю, что жизнь в приюте была страшной. Основной

темой их воспоминаний были голод, вши и массовые смерти приютских детей. Позже из приюта их всё-таки забрал один из родственников, дядя Самсон.

Так что бытовые претензии отца были невелики. Мать тоже была неприхотлива.

Несколько лет назад, разбирая отцовские бумаги, я обнаружила письмо, которое он прислал из военного санатория матери: «Дорогая Тамара! Доехал благополучно. Устроился хорошо. Кроме меня в комнате всего пять человек. Целую тебя и детей. Твой Миша». Внизу дата – 1956 год. Комментарии, как говорится, излишни.

До сих пор помню отцовский коричневый костюм, в течение двадцати пяти лет надеваемый по праздникам. Все попытки матери заставить его купить новый натыкались на искреннее недоумение: «Какая ты странная, Тамара! Хороший костюм, ни одной дырки».

Справедливости ради надо заметить, что, помимо родительской неприхотливости, и сама послевоенная ситуация в стране не очень-то способствовала развитию тяги к роскоши.

Вспоминается такой эпизод. Кажется, я тогда уже училась в седьмом классе. На экраны только что вышел художественный фильм «Республика ШКИД» о беспризорниках времен гражданской войны. Мне он очень нравился, и мы со школьными подружками посмотрели его, наверно, раз семь. Особенно нравились жалобные песни беспризорников. Мы помнили их наизусть. И вот как-то раз, возвращаясь в автобусе с очередного просмотра, мы с моими подружками Таней и Людой тихонько затянули:

По приютам я долго скитался,
Не имея родного угла.
Ах, зачем я на свет появился?
Ах, зачем меня мать родила?

Мужчина в шляпе неодобрительно косится на нас, однако молчит. Но когда мы доходим до слов «По буржуйским, по толстым

карманам стал рубли и копейки шмонать», он не выдерживает и кричит:

- Прекратите, сейчас же прекратите! Безобразие!
- Это из фильма, – возражаем мы.
- Из какого фильма?
- «Республика ШКИД», в «Авангарде» идет.

Какая-то старушка жалостливо разглядывает нас, потом спрашивает:

- Вы, девочки, детдомовские?
- Почему? – недоумеваем мы.
- Так одеты ж одинаково.

Мы смотрим друг на друга. И впрямь. На всех трех – почти что одинаковые зимние пальто серо-буро-малинового цвета, на головах – вязаные платочки: у Тани и Люды серые, у меня белый, отливающий в желтизну.

Да, тогда, в 50-е – 60-е годы, Мосторг не баловал нас разнообразием подростковой одежды. Да и взрослой тоже. Если у кого-то и случались модные вещи, то это значило, что их не купили в магазине, а «достали», то есть раздобыли с большой переплатой у спекулянтов. Выручал также частный пошив.

В соседней с нами квартире жила искусная портниха тетя Зина, и мама заказывала ей платья из материалов, выдаваемых отцу для пошива военной формы. Таких платьев на моей памяти было два. Я в детстве тоже щеголяла в юбке, перешитой из отцовских брюк. Кстати, юбка эта мне очень нравилась, мне в ней было комфортно, и заставить меня надеть что-то более «красивое» можно было только со скандалом.

Мать очень любила Баку. Она переехала в Москву в двадцатипятилетнем возрасте, когда вышла замуж за отца. По всей видимости, она тосковала по этому городу, где прошли ее детство и юность. «А вот у нас в Баку...», – часто рассказывала она.

Материнские рассказы служили объектом общесемейного подтрунивания и розыгрышей. Где-то в начале шестидесятых, а может, чуть раньше, в Москве стали «крутить» индийские филь-

мы с Раджем Капуром. «Бродяга я-а-а-а! Бродяга я-а-а-а!» – пел с экранов кинотеатров обаятельный индеец. Популярность его в нашей стране была огромной.

И вот как-то раз за общесемейным чаепитием сестра Вера с невинным лицом спрашивает у матери:

– Мам, а ты знаешь, кто такой Радж Капур?

– Кто? – заинтересовывается та.

– Бакинец.

– Правда?! – радуется мать.

– Гы! – хохочем мы с сестрой. – Гы-гы-гы!

К нам присоединяется отец:

– Ха-ха-ха!

– Дураки! – обижается мать.

Индийские фильмы пользовались большим успехом. Там было много солнца, экзотической природы, красивых женщин в ярких сари и благородных мужчин, неизменно к концу фильма одерживавших победу над коварными злодеями.

Я сижу в маленьком зале какого-то клуба между матерью и ее подругой тетей Шурой, нашей соседкой по подъезду. Мне, наверно, лет семь. Идет фильм «Неприкасаемая». На экране разворачиваются драматические события. Героиня фильма из низшей индийской касты «неприкасаемых» – кажется, ее звали Шама, – влюблена в юношу из высшей касты. Но брак между ними невозможен, его родители и всё общество этого не допустят. Он тоже влюблен в нее, но еще не знает о том, что она «неприкасаемая». То здесь, то там в зале раздаются всхлипы. И вот настает кульминационный момент – он всё узнал! Всхлипы становятся громче. Справа от меня рыдает тетя Шура, слева заливается слезами мать. Я верчу головой во все стороны – рыдает зал. В носу у меня начинает пощипывать, губы кривятся – и в общее рыдание вливается и мой горестный плач.

Может быть, сейчас, за давностью лет, я не совсем точно передаю содержание фильма. Но общую атмосферу в зале помню хорошо. Нет, я вовсе не смеюсь над этими слезами. Ведь плакали-то не от дурных чувств, а от сострадания. Хотя после войны у всех

хватало и своего горя: у кого муж не вернулся с фронта, у кого отец... У мамы в самом начале войны пропал без вести ее любимый брат – девятнадцатилетний Виген. Где-то в конце войны нашу бабушку разыскала девушка, которая работала медсестрой в госпитале, где дядя лежал раненный в ногу. Госпиталь заняли немцы. Ей удалось бежать. Он, с раздробленной ногой, не смог. Умирая в 2004 году, мать в бреду всё время звала его: «Вигенчик! Вигенчик!»

Много позже, уже после смерти мамы, нам удалось обнаружить дядин след на немецком сайте в списке советских военнопленных. Мы послали туда запрос и получили следующий ответ:

«Высылаем Вам все имеющиеся у нас документы. Согласно записям в этих документах Ваш родственник попал в плен 20.07.1941 года, до 11.10.1942 года он находился в лагере офлаг 57 Белосток, после этого он находился в лагерях шталаг 13А Зульцбах-Розенберг и офлаг 13Б Нюрнберг-Лангвассер. Умер 22.11.1942 года в лагере Нюрнберг-Лангвассер и был похоронен на кладбище Нюрнберг».

Память перескакивает через события и даты – то вперед, то назад...

...Мне пять лет. Я просыпаюсь оттого, что всё тело зудит.

– Мама, – зову я, – у меня чешется!

Прибежавшая мать задирает мою ночную рубашку, и мы видим, что у меня на груди и на ногах красуются мелкие красные пятнышки.

– Миша! – кричит мать. – Вызывай врача! У ребенка скарлатина.

В комнате появляется отец. Он внимательно разглядывает пятнышки, затем переводит взгляд на стену.

– Клопы! – уверенно говорит он.

Клопы еще долго сопровождали нашу жизнь. Их травили, посыпая плинтусы дустом, прибегали к помощи керосина... Тщетно! Они на какое-то время исчезали, но вскоре появлялись вновь и весело маршировали по стенам.

Из тех времен мне запомнился рассказ отца об одном оригинальном способе борьбы с этими зловредными насекомыми.

Его старший брат дядя Коля где-то в середине тридцатых годов приехал в Москву учиться в МГУ. Поселился в общежитии. И там его стали донимать клопы. Тогда он передвинул свою кровать на середину комнаты в надежде, что туда клопам не добраться. Однако шустрые насекомые успешно преодолевали расстояние от обоев до кровати и вновь злодейски нападали на спящего. Пришлось придумать новый способ: дядя стал на ночь поливать из чайника пол вокруг кровати в уверенности, что одолеть водное препятствие клопам уж точно будет не под силу. Не тут-то было! Клопы стали взбираться по стенам на потолок и прыгать оттуда напрямиком ему в постель.

Находчивость клопов явно вызывала у отца восторг, потому что в этом месте рассказ прерывался его хохотом, и мне так и не довелось узнать, чем же увенчалась дядина борьба с изобретательными насекомыми.

Любимое занятие начиная с пяти лет – рассматривать фотографии.

Вот старшая сестра Вера на даче с детским садом. За спиной плакат: «Спасибо товарищу Сталину за счастливое детство!» На обороте карточки дата: 1953 год. Вот красивый черноглазый мальчик в черкеске с газырями. На голове у него огромная белая папаха. «Это твой дедушка Ваня, мой отец», – поясняет мать. «А почему он Ваня? – удивляюсь я. – Ты же Тамара Вагановна!» – «По-армянски – Ваган, по-русски – Ваня. У нас во дворе все дети звали его дядя Ваня». – «А!» На обратной стороне фотографии красивым старинным шрифтом надпись: «Придворный фотограф Его Императ. Велич. Шаха Персидскаго Д.Ростомьян. Удостоенный подарков и наград от Его Императ. Величества Государя Императора Николая Александровича, от Его высочества Эмира Бухарского, от Католикоса Всех Армян. Баку, Колюбякинская ул. Телефон № 688. Негативы сохраняются». Я знаю, что этот дед умер еще до моего рождения. Но слово «умер» звучит

совсем не страшно, а скорее так же сказочно и таинственно, как «шах персидский».

Вот покойная бабушка Нина, мамина мать, в честь которой меня назвали, – молодая женщина с длинными распущенными волосами перед зеркалом. Оттуда на нее смотрит точно такая же женщина.

А это отцовский друг дядя Саша. Он иногда приходит к нам в гости со своей женой тетей Атой, красивой приветливой узбечкой с яркими миндалевидными глазами. А это дядя Арон, другой его друг...

А вот я трехмесячная: из белого кокона с любопытством вглядывается в меня крохотное личико с широко распахнутыми глазами.

Фотография следует за фотографией. Я плыву в едином потоке живых и умерших, дедов и прадедов, бабушек и прабабок, родственников, друзей отца и подруг матери, знакомых и незнакомых...

По утрам отец везет меня в детский сад. Ехать далеко, на двух транспортах: сперва на троллейбусе – до метро «Калужская» (ныне «Октябрьская»), затем с пересадкой – до «Динамо».

В детском саду интересно. Особенно музыкальные занятия. Мы сидим на маленьких стульчиках и поем:

Мишка с куклой громко топают,
Громко топают, посмотри!
И в ладоши звонко хлопают,
Звонко хлопают: раз-два-три!

По залу в танце-пантомиме ритмично движутся мальчик с девочкой. Она – кукла, он – медведь. На словах «раз-два-три» все дружно хлопают в ладоши.

На стене два портрета: «дедушка Ленин» и «дедушка Сталин». Позже портрет второго «дедушки» оттуда убирают. Кто-то из детей объясняет мне: «Сталин совершил ошибку». По всей видимости, это уже двадцатый съезд партии – разоблачение «культы личности».

Хорошо помню нашу воспитательницу Тамару Алексеевну, седую, с пышными волосами, собранными в пучок. Летом, когда детский сад выезжает на дачу, она запускает в большой таз с водой головастики, и мы имеем возможность наблюдать, как день за днем они изменяются, превращаясь в маленьких лягушат.

Но самое интересное – Новый Год. Нас наряжают в карнавальные костюмы. Несколько девочек преобразаются в снежинок. На них марлевые пачки, короны из серебряной фольги... Остальных одевают в костюмы народов СССР: русский, молдавский, узбекский... Я таджичка. На мне длинная широкая рубаха с вышивкой и шаровары. На ногах мягкие сапожки. Белобрысый Вовочка, наряженный в грузинскую чоху, восторженно смотрит на меня. «Ты – мой пончик!» – говорит он.

Дом наш на Ленинском проспекте – большой, кирпичный, восьмиэтажный. По воскресеньям огромный двор заполняется детворой. Кто прыгает на одной ножке, играя в «классики», кто колотит об стенку красным резиновым мячом. Играют в «жмурки», «прятки», «салочки»... Любители изящной словесности, усевшись на скамейке, рассказывают друг другу страшные истории: «Гроб на колесиках», «Черная рука», «Желтая старушка»... «Вот идет она ночью по кладбищу мимо бани...», – зловещим шепотом вещает рассказчик. «А зачем баня-то на кладбище?» – «Ну, мало ли... Может, помыться кто захочет». – «Кто?!» От страха начинает болеть живот.

Иногда во дворе появляется дядя Витя из соседнего подъезда. Он оживленно жестикулирует и разговаривает сам с собой. То в недоумении разводит руками, то пожимает плечами. Мы знаем, что это следствие фронтальной контузии и он совершенно безобидный. И всё же при виде него делается как-то не по себе.

На скамейках у подъездов – старушки. Хорошо помню бабушку Евсееву, маленькую, сухонькую, с неестественно белым, прозрачным лицом, испещренным множеством мелких морщинок, и такими же прозрачными голубыми, почти бесцветными глазами. Говорят, что ей сто лет. Даже летом, в самую жару, она одета в теплый черный ватник, на голове серый пуховый платок. Она ча-

сами молча сидит на скамейке перед палисадником, у нее за спиной на высоких стеблях полыхают розовые мальвы. Ее вид завораживал и пугал меня. Мне казалось, что так выглядит смерть. Однако розовые мальвы за ее спиной внушали смутную надежду на то, что за смертью есть что-то еще.

Первый класс. Учительница Галина Васильевна, молодая, с короткой стрижкой. Она кажется мне ослепительной красавицей.

– Дети, – говорит она, – Никита Сергеевич Хрущев на съезде партии сказал, что через двадцать лет мы будем жить при коммунизме. Всё будет бесплатное.

Я подсчитываю: сейчас мне восемь лет, значит, тогда будет двадцать восемь. Как долго еще ждать! Но всё равно – здорово!

У нас появляется телевизор «Рубин». Изображение черно-белое. По вечерам показывают мультики. Особенно нравится мне мультфильм про Кукурузу – «Чудесница». Жизнерадостная Кукуруза из южного колхоза едет на север. На перроне ее пытаются отговорить от этой затеи пузатый Арбуз и Виноград с длинными, лихо закрученными усами: «Куда ты? Замерзнешь!» Но отважной Кукурузе холода не страшны. На северном вокзале ее с хлебом-солью встречают Сноп, Овес, Ячмень, Пшеница и Стручковый Горошек. А потом появляются злые Сорняки. У них зверские физиономии, острые зубы... Они кривляются, скалятся и залихватски поют под гитару: «Мы овес, пшеницу сгложем! Кукурузу уничтожим! На полях останется труха. Ха-ха!» Завершается фильм радостной пляской кукурузных початков. Повязанные деревенскими платочками, они кружатся, притопывают ножкой и весело поют: «Я культура хлебная, я и ширпотребная!» И поочередно превращаются кто в крупу, кто в маргарин, кто в пастилу. А кто-то даже в мыло и тройной одеколон. Сейчас я понимаю, что это была агитка, пропагандировавшая кукурузную кампанию, затеянную Хрущевым, когда по всей стране, включая самые неподходящие для этого районы, стали сеять кукурузу. Мать нашего соседа, приехавшая из деревни погостить к сыну, вовсю кроет эту государственную затею: «У, наворотил делов!» Судя по всему, Хрущева уже сняли. Но сам мультик был очень веселый.

СОХРАНЯЯ СОЛНЕЧНЫЙ СВЕТ НАД АРЦАХОМ...

Беседа журналиста Андрея Баташева с заслуженным художником России, академиком Российской Академии художеств Юрием Григоряном

Юрий Суренович Григорян с 1964 года живет в Москве, однако пишет в основном свой родной Нагорный Карабах, или Арцах, как его именовали в недавние времена, воссоздавая историческое армянское название этого древнего края. И хотя мастерскую Григоряна, приютившуюся под крышей старого семиэтажного дома, отделяют от Нагорного Карабаха почти две тысячи километров, его многоцветное излучение с неизменным постоянством всегда сопровождает художника, обретая по его воле еще и некие ирреальные краски и оттенки.

– Всё начинается с цвета, – говорит Григорян. – Замысел – это цвет.

Когда же художнику удастся реализовать свой замысел, возникает уникальная цветовая гармония. Искусствовед Владимир Мартынов видел причину этого в том, что у Юрия Григоряна «...свои технические приемы и, в частности, разработанная самим художником манера нанесения краски быстрым скользящим ударом кисти, создающим эффект исчезающего мазка, отчего изображаемое как бы улавливается на грани перехода от зримого к трансцендентному».

Но что питает замыслы художника, наделяя их цветом, трогающим наши сердца? Об этом нетрудно догадаться, взглядевшись в его творения: это, конечно же, память о драматическом, а порой и трагическом прошлом Арцаха, порождающая надежду на его возрождение, а значит, и на справедливость и сострадание...

– Нагорный Карабах, или Арцах, – это райский край, завораживающий меня своей первозданностью, – говорит художник. – Но я не копирую натуру. Она преображается в моем видении... Я бывал во многих странах, но нигде не испытывал такого чувства, как в Арцахе. Помню, как вечерами мы пили чай, сидя во дворе возле нашего дома в деревне Цоватех, и у меня было такое ощущение, что стоит только протянуть руку – и можно достать звезду с неба...

Я часто прилетал в Нагорный Карабах и работал там, собирая материал и подпитываясь энергией удивительно доброжелательных тамошних жителей. Помню, как то ли в 1972-м, то ли в 1973 году я приехал туда зимой и тут же взялся за работу. Установив в снегу металлический мольберт-треножник, писал зимний пейзаж. Но уже через несколько минут ко мне подошла женщина, которую я знал как тетю Оленьку.

– Юра, – сказала она мне, – холодно-то как. Пойдемте ко мне, у меня самовар. Выпейте чаю, согрейтесь.

Столь же сердечно относились ко мне в Карабахе повсюду.

Ну а ту работу я потом дописал, и сейчас она находится в Государственном Музее искусств народов Востока...

Неудивительно, что первая моя выставка состоялась именно в Цоватехе в 1976 году. И на нее приходили многие жители окрестных сел, чтобы посмотреть, на что способен их земляк.

И вот теперь этот край для нас потерян. Хотелось бы верить, что не навсегда...

– У вас есть там родственники?

– Весь Карабах – мои родственники. Там могилы моих близких. Там я родился, и там похоронен мой брат Григорий.

Селения в горах. Их возраст – столетия, в течение которых они сроднились с горами. Люди же, с незапамятных пор поселившиеся в Нагорном Карабахе, прижились в этих местах потому, что отличались стоическим терпением, «не ведающим о себе», как сказал поэт. Но чтобы ощутить и выразить всё это, нужно, во-первых, родиться здесь, а во-вторых, родиться художником. И судьба Юрия Григоряна позаботилась об этом.

– Каждое лето мои родители с двумя моими старшими братьями уезжали из южного города, где они жили, и отправлялись в Карабах, на родину отца, – рассказывает Юрий Суренович. – Так было и в 1946 году, когда мама, беременная мною, в очередной раз приехала туда. Так вот и вышло, что я родился в Карабахе. У нас там, в деревне Цоватех, по сей день был свой дом. Мой папа работал начальником цеха в депо, заработок у него был небольшой, поэтому денег у нас было в обрез.

В южном городе мы жили сначала в коммуналке, где у нас была одна комната, но потом мои родители ценой невероятных усилий сумели приобрести еще одну комнату, а затем и получить трехкомнатную квартиру. Но после того, как в 1988 году в азербайджанском городе Сумгаите произошли беспорядки, сопровождавшиеся погромами армян, мы лишились этой квартиры.

Прошло какое-то время, и у отца возникли проблемы на работе: от него стали требовать, чтобы он завывшал производственные показатели своих подчиненных. «Не делай так, – попросила его мама, – кто знает, чем это потом обернется; одна же я не смогу поднять троих сыновей». А лучший друг отца сказал ему: «Сурен, тебе лучше уйти с этой работы, иначе тебя съедят». Отец ушел из депо и стал проводником.

В детстве его профессия представлялась мне запредельно почетной. Когда я видел поезд, то всегда с гордостью прочитывал надпись на тендере паровоза: «СУ» и номер. Я был уверен, что эти две буквы – начало имени моего отца (Сурен) и что так в нашей стране отмечают его необыкновенные заслуги. Когда же я и мой старший брат Григорий начали учиться в Москве (сначала в Московском художественном училище памяти 1905 года, а потом в Государственном художественном институте имени В.И. Сурикова), тот же друг говорил моему отцу: «Сурен, ты не можешь собой рисковать, поэтому должен крепко держаться за ручку вагона, когда едешь в Москву, чтобы снова увидеть своих сыновей...»

Свое поступление в институт имени Сурикова я отметил в ресторане, пригласив туда друзей и истратив на это все свои деньги,

полученные от родителей, живших на грани бедности. Оставшись без копейки, я мог бы, наверное, попросить кого-нибудь о помощи, но не позволил себе этого. Я нашел выход: со второго курса стал работать художником в одном из ПТУ.

В первые студенческие годы меня подводил мой русский язык. Говорил я хорошо, но вот письменный русский был слабоват. И когда в училище нам однажды дали задание написать сочинение на вольную тему, сделал в нем столько орфографических ошибок, что оценить его можно было только двойкой.

Через несколько лет, уже в институте, я завалил экзамен по научному коммунизму. Меня тогда лишили стипендии и отчислили из вуза – за дерзость и пренебрежение к столь важному предмету. Правда, через несколько месяцев восстановили, так как мой руководитель – академик Николай Афанасьевич Пономарев и еще несколько преподавателей посчитали, что нельзя расставаться со студентом, чья живопись, по их мнению, заслуживала самых высоких оценок.

– К окончанию института, – продолжил свой рассказ Юрий Суменович, – я приобрел кое-какую известность и мои работы стали печатать в московских журналах. Однако мой папа не выражал по этому поводу особых восторгов. И если друзья говорили ему: «Какой же молодец твой младший сын! Ты только почитай, что о нем пишут!», отец спокойно отвечал им: «Не знаю, стоит ли он этих слов. Он что, Юрий Гагарин, что ли?»

Маму я потерял в восемнадцать лет, а отца – в сорок. И, наверное потому, что, взрослея, начинаешь больше ценить родителей, остро переживал эту потерю. Я часто вижу отца во сне. Он был скуп на слова и воздерживался от замечаний, даже если мы того заслуживали. Я стараюсь быть похожим на него, но не знаю, насколько это у меня получается.

В 2016 году я написал большой портрет отца, но показал его на выставке только через год. Я стараюсь не выставлять только что написанную картину. Она должна у меня отстояться, мне нужно привыкнуть к ней.

К детям отец относился с мудрой нежностью. Как-то раз я при нем попытался дать шлепка своему сыну, но он остановил меня: «Ребенка нельзя бить. И кричать на него тоже не надо». Я на всю жизнь запомнил эти его слова, и когда однажды мой зять прикрикнул на моего внука, по-армянски сказал ему: «Не повышай голос...», стараясь произнести эти слова так, как произнес бы их мой папа, – то есть как можно мягче, чтобы никого не задеть и не обидеть.

Наверное, Сурен Григорян обладал способностями к искусству, хотя, вероятно, и не догадывался об этом. Уверен, что своей артистической зоркостью и душевной пронизательностью Юрий Григорян обязан и своему отцу, в честь которого – кто сомневается в этом? – на советских паровозах были выведены начальные буквы его имени.

– У меня четверо внуков, я их очень люблю, но это немножко другое чувство, нежели любовь к детям, – замечает Юрий Суренович. – Если я хотя бы пару дней не вижу внуков, то очень тоскую.

Внуки, конечно, приносят радость Юрию Суреновичу, однако в последние годы ему пришлось пережить и страшное горе, которое не ослабевает с годами.

В 2015 году его жене Ирине поставили серьезный онкологический диагноз. «Почему это произошло? За что? – одолевали Юрия Суреновича вечные вопросы, которые, наверное, задает себе каждый, переживший смертельную угрозу, нависшую над близким человеком. – В чем вина этой добросердечной женщины, всегда готовой помочь другим?»

Ответа на них нет и быть не может, и потому Юрий Суренович раз за разом мысленно повторял слова, услышанные от одного священника: «Болезнь бессмысленна, больной должен быть исцелен».

Московские врачи сказали Юрию Григоряну, что только парижский хирург Рене Адам способен провести его жене спасительную операцию на печени. Узнав об этом, дочь Юрия Суреновича Карина и ее муж Оганес тут же вылетели в Париж,

Приехав в госпиталь, где работал тот врач, они увидели в коридоре медика, в котором (по имевшейся у них фотографии)

опознали Рене Адама. Представившись знаменитому хирургу, они показали ему диски с данными обследования Ирины на КТ и МРТ. Просмотрев их, он сказал: «Пусть приезжает. Она операбельна».

После этого Юрий Суменович тоже отправился в Париж.

– Мы пробывали там около двух месяцев, – вспоминал он, – и в один из самых трудных дней, когда тревоги одолевали нас, я позвонил своему односельчанину священнику (когда-то он был священником в нашем селе) и обратился к нему за поддержкой. «Не волнуйтесь, – сказал он, – я сейчас же обзвоню церкви Нагорного Карабаха и Армении и попрошу совершить общий молебен об исцелении рабы божьей Ирины».

И он сдержал свое слово...

Рене Адам блестяще провел операцию, которая на шесть лет продлила Ирине жизнь. Тем не менее ее состояние с каждым годом ухудшалось; еще одна операция, проведенная в Москве, чуда не принесла. И 19 февраля 2021 года Ирина, с которой я прожил сорок пять лет, умерла.

– В последние месяцы ее жизни, я не отходил от нее, – продолжает Юрий Суменович, – утешал, гладил, стараясь удержать ее в этом мире. А она ругала себя за то, что мешает мне, потому что я должен не сидеть здесь, рядом с ней, а работать в своей мастерской. Я никогда не говорил Ирине, что люблю ее, не могу без нее жить: громкие слова обесценивают чувство, и у меня язык не поворачивался произнести их.

Эти слова художника заставили меня вспомнить знаменитую строчку из стихотворения Фёдора Тютчева «Silentium!» («Молчание!» или «Молчи!»), написанного в 1830 году: «Мысль изречённая есть ложь».

– Но всё, что я хотел сказать Ирине, – заметил Юрий Суменович, – я сказал в ее портретах, особенно в тех, что написал в последние годы. Более того, какую бы женщину я ни писал, у меня всегда получается Ирина... В тот день, когда она покинула нас, я снова позвонил тому священнику, и он уверил меня, что организует всеобщий молебен за упокой души рабы божьей Ирины...

Всё, что хочет сказать, Юрий Григорян выражает в своих картинах. Вглядываясь в них, мы можем ощутить и объяснение в любви, и скорбь по ушедшим, и духовную силу, которая, словно некий якорь, удерживает нас в пространстве существования. Творчество художника с годами становится всё более и более драматичным, однако он не считает нужным пускаться в рассуждения об этом. «Лучше говорить о жизни, – замечает он, – нежели о творчестве».

– В моей судьбе нет ничего сверхъестественного, – говорит Юрий Суренович, – но, наверное, Бог хранил меня, и потому удача часто поворачивалась ко мне, хотя, быть может, я того и не заслуживал. В школьные годы я был очень непослушным, дерзил учителям, дрался – словом, доставлял немало огорчений моей маме. А в зрелые годы стал совсем другим – спокойным, уравновешенным, сдержанным и даже педантичным.

Представляя свои работы, он воздерживается от каких-либо деклараций. Идеи художника живут в его картинах, где мысль – это чувство, а чувство – это мысль, которая, однако, никогда не приходит к окончательному итогу.

Еще учась на втором курсе Института имени Сурикова, Юрий Григорян принял участие в одной из всесоюзных выставок. С тех пор его картины постоянно выставлялись на различных вернисажах. А в 1976–1977 годах в редакции журнала «Юность» состоялась первая персональная выставка работ Юрия Григоряна. И те, кому это было дано, сразу же в полной мере оценили поразительную внутреннюю силу его безмолвных персонажей, окруженных сияющим цветным пространством, в которое художник вселил чувства, скрытые в глубине души его героев.

Об этой выставке и о молодом художнике Юрии Григоряне главный редактор «Юности» Борис Полевой рассказал своему другу, великому композитору Араму Хачатуряну. Вскоре после этого в квартире Юрия Григоряна раздался звонок и помощница Арама Ильича сообщила Юрию Григоряну, что тот хочет с ним поговорить.

Об этом незабываемом эпизоде в его жизни Юрий Суренович рассказывает в документальном фильме «Как Арам Хачатурян подвозил на такси Юрия Григоряна», который недавно был снят армянскими кинематографистами.

– Услышав о том, что со мной будет говорить легенда мировой музыки, я вскочил со стула и почтительно вытянулся перед телефоном (мобильников тогда не было), – словно вглядываясь в то время, говорит Юрий Суренович.

«Это вы тот самый Юрий Григорян? – спросил Арам Ильич. – Я хочу сходить вместе с вами на вашу выставку. Моя помощница скажет вам сейчас мой адрес».

У меня было пять рублей, и я взял такси. Подъехав к указанному дому, говорю таксисту: «Можете немного подождать здесь? Мы повезем известного композитора. Неловко было бы заставлять его стоять на морозе и мерзнуть в ожидании такси, ведь это Арам Хачатурян». – «Понятно, – ответил мне таксист. – Это что, тот самый, что написал «Гаянэ»?»

Я поднялся на нужный этаж. Арам Ильич (он был в рубашке с жабо и в фартуке) поздоровался со мной и поспешил переодеться, а его помощница тем временем сообщила мне, что Арам Ильич только что приехал из Лондона, и показала его афиши.

Выходим на улицу. Я открываю дверь такси, и Арам Ильич садится на переднее сиденье. «А моя машина пропала, – словно оправдываясь, сказал Арам Ильич, – она должна была стоять возле моего дома, но ее нет».

Чуть позже – уже на улице Большая Никитская – Хачатурян увидел свой автомобиль. Оказывается, его водитель поставил машину около консерватории, решив, что в это время Арам Ильич ведет там урок.

Когда же мы стали пересаживаться в автомобиль Хачатуряна, я, достав свою пятерку, хотел расплатиться с таксистом, однако Арам Ильич остановил меня и, вынув из кошелька трешку, протянул ее таксисту. На счетчике, как я заметил, было меньше полутора рублей. «У меня нет сдачи», – сказал таксист. – «Ну что ж,

мы это как-нибудь переживем», – на полном серьезе заметил Арам Ильич.

Потом, оценивая выставку, он написал именно те слова, которые я хотел, хотя и не надеялся от него услышать: «Выставка прекрасная, работы талантливые, очень многокрасочно, всё горит, очень эмоционально, национально и вдохновенно».

А писатель Юрий Домбровский, которому из-за высокого роста трудно было склониться к книге отзывов (она лежала довольно низко), не постеснялся встать на колени, чтобы выразить свое восхищение работами Юрия Суреновича.

«Выставка Григоряна, – написал он, – разблесталась в этих полотнах то жгучим южным солнцем, то синеватым холодком горных вершин. В них масса света, простора и воздуха. И это чудесно. А люди! Такие прекрасные, строгие и добрые люди живут в этих долинах, как они красивы и изящны, как легко несут они свои тела, не имеющие ни единого изъяна. Вот это и есть стиль... Да будет радостней Ваш путь, мой дорогой коллега. Легким он быть не может – это я отлично знаю, – но радостным он быть должен. В это я верю, и эту радость никто у Вас не отнимет. Она в Вас, в музеях, в Ваших картинах. В гармонии линий. В трубном глазе Ваших желтых и красных цветов. Дай Вам Бог».

Цвет. Именно он определяет эмоциональный строй картин Юрия Григоряна. Кажется, что цвет сам выбирает для себя предметы и изменяет свои тона и оттенки, послушно отображая любые настроения художника.

– В начале моей творческой жизни, – говорит Юрий Суренович, – у меня был, если можно так выразиться, темный период. Мое ощущение драматизма жизни я стремился выразить именно в цвете. Теперь же я острее, чем прежде, ощущаю даже не драматизм, а трагизм существования, и это в большей степени стало определять темы моих работ.

Анализируя картины Григоряна, искусствоведы нередко отмечают присущую им «несуетную мудрость, которая восходит к библейским истокам». Такое ощущение почти всегда возникает, когда знакомишься с его творчеством. И это заставляет перечи-

тать строки Екклесиаста: «Всему свое время, и время всякой вещи под небом... время молчать, и время говорить...»

Персонажи Юрия Григоряна никогда не улыбаются и всегда молчат. «Сетование лучше смеха (я снова цитирую книгу Екклесиаста), потому что при печали лица сердце делается лучше».

– В 1992 году, – рассказывает Юрий Суменович, – я ездил в Америку: у меня там была персональная выставка. И американцы часто заказывали мне женские портреты, ставя при этом одно обязательное условие: женщины на моих картинах должны поражать зрителей истинно голливудской белозубой улыбкой. Мне это не нравилось. Я не могу работать по указке, потому что пишу, повинаясь только своему внутреннему чувству и своей интуиции.

Следуя классической традиции, Юрий Григорян нередко обращается и к обнаженной натуре. И в этих его моделях тоже угадывается нечто библейское, потому что они наделены такой женской притягательностью, которую, наверное, им могла передать только сама Ева. Представлены же они так, что сразу же ощущаешь: всё вокруг них проникнуто чувством благодарной почтительности к женской красоте, которое неотделимо от таких понятий, как творчество и любовь. Неудивительно поэтому, что пространство, в которое погружены эти красавицы, с нежностью льнет к ним, изменяя под влиянием исходящих от них импульсов свои светящиеся цвета и оттенки.

– Я получаю огромное удовольствие, когда рисую армянских женщин в национальной одежде, – говорит Юрий Суменович. – В ней главенствуют три цвета: красный, синий и желтый. Эти цвета окрашивают всю историю Армении. Их я чаще всего и использовал.

Сегодня в моих картинах нет кричащей яркости, в чем меня иногда упрекали раньше. Цветовые градации на моих полотнах стали, как мне кажется, разнообразнее, строже и, пожалуй, изысканнее, чем в моих ранних работах

Одна из известнейших работ Юрия Григоряна – картина «Мать». С нее на нас смотрит крестьянка, которая всю свою долгую жизнь несла на себе груз бесконечных забот. Как и ее односельчане, она привыкла таить свои переживания, но по ее лицу

можно догадаться, что она испытывает чувство вины перед близкими из-за того, что ее силы иссякают. Ее жизнь подходит к концу, очень скоро она уйдет от них, и тогда другим придется выполнять ту тяжкую работу, которая была предназначена только ей...

Многих героев Юрия Григоряна, напоминающих библейских персонажей, хочется назвать праведниками. Но праведник, как сказано в одной из библейских притчей, «печется и о жизни скота своего».

«Участь сынов человеческих и участь животных – участь одна, – говорит Екклесиаст. – Как те умирают, так умирают и эти, и одно дыхание у всех, и нет у человека преимущества перед скотом...»

В картине Юрия Григоряна «Кормилица» святящаяся в темноте корова с золотыми рогами заняла привычное место за спиной своей смиренной хозяйки, как некая добрая сила, испокон веков сопутствующая людям, так как во все времена «одно дыхание у всех». А на полотне «Мой друг буйвол» могучее животное готово столь же безропотно служить прекрасной женщине, отдавшейся размышлениям, которые навсегда останутся загадкой для нас.

– Мои любимые животные – ишаки, – говорит художник. – В Карабахе только в последние десятилетия появились легковые машины. А до этого осел был для крестьянина в Нагорном Карабахе столь же ценным, как, наверное, для москвича «Мерседес». Ишака можно нагрузить любой поклажей, и он будет покорно тащить ее, словно сознавая, что его старательность и выносливость принесут еще больше уважения его хозяину.

У моего дяди Самсона, который жил в Цоватехе, был ослик. Часов в шесть вечера дядя приезжал на нем с работы домой и снимал с ослика седло. И тогда я мог сесть на этого ишачка и отправиться к роднику, чтобы дать ему напиться.

Когда я приезжал в Арцах, для меня было большой радостью сесть на ослика и проехать на нем хотя бы несколько шагов. Мой сын Юра (он окончил Институт имени Сурикова, был удостоен Серебряной медали Российской академии художеств и давно уже выбрал свое направление в живописи) тоже питает слабость к этим бесконечно трудолюбивым животным.

Добравшись до Цоватеха, я проходил по многим домам, потому что все приглашали меня к себе, чтобы угостить и выпить со мной рюмку туговой водки. И, конечно же, я не упускал случая доставить себе удовольствие, прокатившись на ослике.

В осликах на картинах Юрия Григоряна тоже есть «что-то библейское». Ведь не на «Феррари» и не на «Бентли», а именно на таком ослике, как на картине Юрия Григоряна «Возвращение», въехал в Иерусалим Иисус Христос. Написан же григоряновский ослик в такой манере, что кажется, будто он вот-вот дематериализуется и превратится в воспоминание о своем нескончаемом многовековом пути...

Многие полотна Юрия Григоряна проникнуты чувством терпеливого ожидания. Оно угадывается в путниках и их ослике, будто загипнотизированных дальней дорогой, и в одиноком дереве, словно подозвавшем к себе крестьянские домики, без которых оно не может существовать, и в обнаженной модели, согласившейся – на равных с цветами – позировать художнику.

Но чего они все ждут? И чем закончится это ожидание?

Ответить на этот вопрос, видимо, нельзя. Можно только присоединиться к героям Юрия Григоряна, ощутив в себе то же чувство ожидания и надежды.

В нашем восприятии мира есть некие постулаты, которые служат основой для всего остального. Однако поток повседневных забот нередко заставляет нас забыть о них; в погоне за сиюминутными целями мы зачастую упускаем то, что когда-то представлялось нам самым важным в жизни. Картины Юрия Григоряна «Мелодия», «Светлый день», «Одинокая путница», «Дом моего детства» и многие другие заставляют вспомнить эти первоосновы, которые в течение столетий в неизменности продолжают свой путь в мировом пространстве, высекая цветные искры при соприкосновении с потоком времени.

Древний Арцах, в первозданном виде живущий в сознании Юрия Григоряна, хранит эти первоосновы, защищая художника от городской суеты, телевизионной мишуры и жажды немедленного – лучше всего коммерческого! – успеха.

Работы Юрия Григоряна сотни раз выставлялись на вернисажах; его персональные выставки проходили не только в Советском Союзе, России и Армении, но и в Австралии, Германии, Австрии, Великобритании, США, Франции, Хорватии, Японии...

Среди его зарубежных поездок стоит, на мой взгляд, выделить ту, которая состоялась в 1988 году. Тогда Юрий Григорян побывал в Афганистане, где шли боевые действия.

– Мне позвонили из Министерства культуры, – рассказывает Юрий Суренович, – и задали всего один вопрос: «Не хотели бы вы съездить в Афганистан, чтобы представить там выставку советского изобразительного искусства, в которую включены и две ваши работы? К сожалению, трое ваших коллег отказались от этого». – «Я посоветуюсь с женой, – сказал я, – и вечером дам ответ». – «Нет. На это у вас всего две минуты». – «Ну, раз так, то я согласен».

«В кабульском аэропорту, – сказали мне перед отлетом, – вас обязательно встретят». Однако когда я туда прилетел, никто ко мне не подошел. Около аэропорта я увидел множество машин, но через 10–15 минут все разъехались. Вокруг ходили люди с автоматами. Стояла жара, и поэтому обуты они были в восточные сандалии (чарыхи)

В Москве мне дали несколько телефонных номеров, по которым – в случае непредвиденных обстоятельств – я мог позвонить в советские представительства, работавшие в Кабуле. Набираю один из них и слышу в трубке: «Как? Вы в аэропорту? И вас не встретили?» – «Нет». – «Идите в гостиницу. Сейчас приедут». Проходит 30–40 минут – никто за мной не приезжает... Не очень-то приятно было оказаться в таком положении в стране, где идут бои.

Поскольку меня предупредили, что воду в Афганистане пить нельзя, так как она может оказаться отравленной, я взял с собой чай и конфеты. В вестибюле гостиницы сидели люди с пулеметами и играли в карты. Я подошел к ним, чтобы еще раз позвонить, но они с неприязнью посмотрели на меня: мол, телефон не для этого. Я достал из сумки конфеты и положил им на стол.

После того, как я позвонил во второй раз, машина за мной все-таки пришла. Не помню уж, через полчаса или через час.

В составе нашей делегации были Эдита Станиславовна Пъеха и Иосиф Давыдович Кобзон. Все мы жили в одной гостинице и постоянно общались.

Та поездка была далеко не безопасной. Вспоминая о ней, Юрий Суренович упомянул о том, что по команде охранника, который был к нему приставлен, ему пару раз приходилось вместе с переводчиком спешно покидать место, где они находились, так как поступал сигнал, что на них вот-вот нападут боевики.

Останавливаясь на этих эпизодах он не стал, зато в подробностях рассказал о том, как и с чьей помощью ему удалось передать цветы Эдите Пъехе:

– Однажды, направляясь на ее концерт, я заранее купил для нее букет цветов. А до этого познакомился с молодым парнем, который, как мне сказали, был потрясающим разведчиком. Во время концерта он сидел рядом со мной, и я подумал, что именно этот герой и должен подарить цветы Эдите Станиславовне. Но когда я обратился к нему с такой просьбой, этот скромнейший человек никак не соглашался ее выполнить. «Это ваши цветы, – говорил он, – значит, вы и должны преподнести их Эдите Станиславовне». Но поскольку я был старше него, то он всё же пошел мне навстречу и вручил Пъехе мой букет. И Эдита Станиславовна, как он потом мне рассказывал, была тронута этим.

«Всему свое время, и время всякой вещи под небом...»

Превращая себя в свои картины, Юрий Григорян, как мне кажется, всегда очень точно чувствует, какое время наступило для него именно сейчас.

– С годами всё становится немного труднее, – говорит он. – Но я не смиряюсь с этим. Да, начиная картину, я сознаю, сколь нелегка задача, которую мне предстоит выполнить; но это значит только то, что я должен работать и работать, и, возможно, даже с большей самоотдачей, чем прежде.

После того, как я окончил институт, мне много лет снилось, что у меня завтра просмотр, а я не успеваю к нему подготовиться,

хотя учился я на «отлично». Нечто подобное я часто испытываю и сейчас.

Когда вечером, почистив палитру, идешь домой, тебя начинают одолевать мысли о том, что надо было бы еще сделать то-то и то-то. И когда едешь в метро, всю дорогу думаешь только об этом. А утром приходишь в мастерскую и начинаешь себя успокаивать: ничего страшного, если что-то не получится сегодня, то получится завтра.

Это постоянное напряжение и внутреннее горение не всегда и не сразу воплощаются в картину. А вот сомнения и бесконечные размышления мучают меня постоянно. Из-за этого я не вожу машину: наверное, я всё время попадал бы в аварии, так как постоянно думаю о том, что и как надо написать.

Работа начинается в какой-то одной гармонии, но чаще всего тебе это не нравится и ты начинаешь всё пересматривать и переписывать. Это бесконечный процесс.

Я, конечно, должен благодарить Всевышнего за то, что он дал мне такую профессию. Если бы не она, то я, как мне кажется, давно утратил бы смысл существования. Но, придя в мой храм, в мою мастерскую, я начинаю жить своей жизнью. Это, однако, не значит, что каждый день я заставляю себя пахать по двенадцать часов. Иногда могу и пропустить день или два. А вот мысленно я работаю едва ли не круглые сутки...

Много лет назад Юрий Григорян написал картину «Память о погибших». Тогда, в беседе со мной, он не стал говорить о ее сюжете. Он вспомнил о другом – о том, что побудило его обратиться к этой теме.

– В моем родном селе, – сказал он, – живет женщина, которая в годы войны потеряла мужа и осталась с двумя детьми. Она вырастила их и сейчас воспитывает внуков. Эта женщина всегда в траурной одежде, потому что тот страшный день, когда она получила похоронку, длится для нее бесконечно.

Я вспомнил о том нашем разговоре, когда увидел картину Юрия Григоряна «Судьба». Вглядываясь в лицо старой женщины, которая прячет голову в платок, потому что привыкла всегда

оставаться незамеченной, я ощутил, что, завершая свой путь, она без жалоб и сожалений молча примет неизбежное.

Юрий Суренович Григорян прекрасно знает об этом, потому что он плоть от плоти уроженцев Арцаха, которые унаследовали от своих предков то самое стоическое терпение, «не ведающее о себе». И потому, передавая внукам и правнукам почти истлевшие похоронки, проштемпелеванные во время Великой Отечественной войны, они выполняют свой долг и свое предназначение – во все времена сохранять бесценную память о прошлом.

...Из разных цветов слагается свет солнца, сиявшего над Арцахом. И все эти цвета, сопутствующие Юрию Григоряну в течение всей его жизни, необходимейшим образом вписываются в его картины. А это значит, что он работает – вернее, творит, сохраняя солнечный свет над Арцахом и уберегая свой родной край от погружения во тьму беспомыслия.

СОДЕРЖАНИЕ

журнала “Литературная Армения” за 2025 год

ПРОЗА

Абаджянц Микаэл. Тень за спиной, Или попытка автопортрета.

Повесть. № 2

Александр Ивет. Девочка с гитарой. Фрагменты романа. №№ 3,4

Александровский Иван. Короткие рассказы. № 4

Бегларян Ашот. Ключи без замков. Рассказ. № 2. Призрак холодной стены. Рассказ. № 4

Газазян Ашот. Три рассказа. № 3

Малинян Руслан. История таинственной любви. Рассказ. Перевод

А. Смбатян. № 3

Нанэ. Три рассказа. Перевод

А. Смбатян. № 1

Ованесян Светлана. Старый ковер. Рассказ. № 1. Холодильник с бантом. Повесть. Альфа и Бета.

Рассказ. № 2

Оганян Корюн. Два рассказа. № 4

Севак Рубен. Страницы из дневника врача. Перевод и комментарий

С. Матевосяна. № 1

Ходикян Карине. Эстер. Отрывок из романа «Обратное возвращение».

Перевод А. Смбатян. № 3

Шахназарян Нелли. Процессия.

Монодрама. № 4

ПОЭЗИЯ

Бусель Евгений. Здесь время – дух. № 3

Енгибарян Норайр. Тексты и подтексты. Перевод Г. Баренца. № 1

Захрат. Увидеть фонарь и возрадоваться. Перевод Г. Баренца. № 3

Лайдинен Наталья. Дорога мира и добра. № 4

Милитонян Эдвард. Звездное молоко. Перевод Н. Михайловской.

№ 1

Мкртумян Арарат. Верь и иди.

Перевод К. Шакаряна. Вступительное слово А. Мовсеса. № 3

Минаков Станислав. Из армянской тетради. № 1

Навасардян Эрминэ. В храме вселенной. Перевод Г. Баренца. № 2

Сисьян Арменуи. Незримый колокол. Перевод Г. Баренца. № 1

Слуцкий Валерий. Дорожный посох родника. № 2

Тарьян Анаит. Упрямое сердце.

Перевод К. Шакаряна. № 3

Тер-Ованесян Дайана. То, что остается. Перевод с английского

Г. Баренца. № 2

Заре Храхуни. За дымом неизбежно будет пламя. Перевод Г. Баренца

Чаренц Егише. Океана разбуженный дух. Перевод К. Шакаряна.

№ 4

Шакарян Константин. Пространства дактилоскопия и времени кардиограмма. № 2

№ 2

Эдоян Генрик. Настоящее время.

Перевод Г. Баренца. № 4

ОЧЕРК, ПУБЛИЦИСТИКА

Антарамян Карлос. Дон Хакобо Арутян, Сумпана дель-Рио и мекси-

канская революция. Перевод с испанского С. Крылова. № 3
Бахчинян Арцви. Армяне в Антарктике. № 1
Блбулян Левон. Долговечность песни. № 4
Вагаршян Марина. История одной фотографии. № 4
Васильцов Иван. Усыновить всех сирот на земле. № 2
Габриэлян Нина. Из семейного альбома. Мемуары. № 4
Кьюмяги Армин. «Смешанная кровь имеет свои преимущества». Беседу вел Арцви Бахчинян. № 2
Манукян Сергей. Наши и не наши в стене. № 2
Минаков Станислав. Культурно в Ереване, или Племянник Параджанова. № 3
Ованесян Рачия. Из книги «Вечнозеленое дерево». Вступительное слово и перевод И. Карапетян. № 1
Ованесян Сусанна. Женщины в жизни Ваана Терьяна. № 2. Между молотом и наковальной. № 4
Олюнина Валерия. Звук трубы Эннио Моррикони. № 1
Рштуни Гоар. Армения Рафаила Зинурова. № 3

Семяшкин Руслан. Бокал южного солнца. № 1
Смбатян Арус. Неслучайные встречи. № 2
Ханджян Гурген. В Ереване, тоскуя по Еревану. Перевод С. Мардаряна. № 1
Хармандарян Анаит. Волшебная палочка дяди Миши. № 3
Чернышова Дарья. Армянские сказки. № 1

КРИТИКА, БИБЛИОГРАФИЯ

Книжный глобус

Кузнецова Наталья. Упрямые факты. № 1. Карабах. Архитектура как исторический документ. № 2
Симонян Бабкен. Новый день в поэзии. № 1

ИСКУССТВО

Баташев Андрей. Сохраняя солнечный свет над Арцахом. Беседа с академиком Российской академии художеств Юрием Григоряном. № 4
Габриэлян Нина. Борис Отаров. Жизнь и творчество. № 1
Семяшкин Руслан. Музыка предков, музыка потомков. № 3

Поступающие в редакцию рукописи не рецензируются.

При перепечатке материалов ссылка на журнал
“Литературная Армения” обязательна.

Адрес редакции:
0019, Республика Армения,
Ереван, пр. Маршала Баграмяна, 3.
Телефоны: +374 10 563557
+374 10 563666
e-mail: info.litarmenia@gmail.com

Сдано в набор 12.11.2025
Подписано в печать 18.12.2025
Формат 70x100/16
Печ.л. 11. Заказ N 98
Бумага офсетная. Тираж 500 экз.
Регистрационный номер 43

Отпечатано в типографии ООО “ВМВ-ПРИНТ”